

МИНИСТЕРСТВО ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ВОЛГОГРАДСКАЯ АКАДЕМИЯ

ВЕСТНИК

ВОЛГОГРАДСКОЙ АКАДЕМИИ МВД РОССИИ

№ 1 (24)

ВОЛГОГРАД — 2013

**ВЕСТНИК
ВОЛГОГРАДСКОЙ АКАДЕМИИ № 1 (24) 2013
МВД РОССИИ**

ISSN 2074-8183

Вестник Волгоградской академии МВД России. Выпуск 1 (24) 2013 : научно-методический журнал. — Волгоград : ВА МВД России, 2013. — 174 с.

Учредитель и издатель — Волгоградская академия МВД России

Журнал основан в 2006 г. Выходит 4 раза в год тиражом 500 экземпляров

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук

Журнал включен в систему Российского индекса научного цитирования. Аннотации статей и пристатейные библиографические списки помещаются на сайте Научной электронной библиотеки
(www.elibrary.ru)

Регистрационный номер в Нижневолжском управлении
Росохранкультуры — **ПИ № ФС9 — 0869** от 9 июня 2006 г.
Подписной индекс в каталоге «Роспечать» — **22761**

СОСТАВ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА И РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ ЖУРНАЛА

Главный редактор журнала — заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, начальник Волгоградской академии МВД России В. И. Третьяков.

Заместитель главного редактора — доктор юридических наук, доцент, заместитель начальника Волгоградской академии МВД России (по научной работе) Н. В. Павличенко.

Состав редакционного совета:

1. В. И. Третьяков, начальник Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор.
2. Ю. С. Чичерин, первый заместитель начальника Волгоградской академии МВД России (по учебной работе), кандидат юридических наук, доцент.
3. Н. В. Павличенко, заместитель начальника Волгоградской академии МВД России (по научной работе), доктор юридических наук, доцент.
4. П. В. Анисимов, профессор кафедры теории права и прав человека Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор.
5. В. Г. Бирюлькин, доцент кафедры оперативно-разыскной деятельности и специальной техники Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент.
6. М. В. Бобовкин, профессор кафедры основ экспертно-криминалистической деятельности Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор.
7. В. Г. Глебов, начальник кафедры уголовного процесса Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук, профессор.
8. Н. И. Грачев, профессор кафедры конституционного и административного права Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор.
9. В. В. Денисенко, профессор кафедры административного права Ростовского юридического института, доктор юридических наук, профессор.
10. Н. А. Егорова, профессор кафедры уголовного права Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, доцент.
11. С. Г. Еремин, профессор кафедры предварительного расследования Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, доцент.
12. Е. А. Зайцева, профессор кафедры уголовного процесса Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор.
13. Е. И. Замылин, профессор кафедры криминалистики Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент.
14. А. Н. Ильяшенко, заместитель начальника Краснодарского университета МВД России по научной работе, доктор юридических наук, профессор.
15. С. А. Комаров, начальник аналитического отдела правового управления Государственной думы РФ, доктор юридических наук, профессор.
16. В. И. Косяченко, профессор кафедры тактико-специальной подготовки Волгоградской академии МВД России, кандидат педагогических наук, доцент.
17. И. В. Латышов, начальник кафедры трасологии и баллистики учебно-научного комплекса экспертно-криминалистической деятельности Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент.
18. В. А. Летяев, проректор по науке Волжского гуманитарного института (филиал Волгоградского государственного университета), доктор юридических наук, профессор.
19. Е. А. Матвиенко, начальник кафедры философии Волгоградской академии МВД России, кандидат философских наук, доцент.
20. А. И. Овчинников, начальник кафедры теории и истории государства и права Ростовского юридического института, доктор юридических наук, профессор.
21. В. А. Овчинников, начальник кафедры физической подготовки Волгоградской академии МВД России, кандидат педагогических наук, доцент.
22. Г. А. Печников, профессор кафедры уголовного процесса Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, доцент.
23. А. Н. Попович, доцент кафедры философии Волгоградской академии МВД России, кандидат философских наук, доцент.
24. Н. С. Прокурова, профессор кафедры русского языка Волгоградской академии МВД России, доктор филологических наук, профессор.
25. В. А. Рудковский, профессор кафедры теории права и прав человека Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, доцент.
26. В. А. Ручкин, профессор кафедры основ экспертно-криминалистической деятельности Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор.
27. С. И. Рябов, доктор исторических наук, профессор.

28. И. Н. Сенякин, профессор кафедры теории государства и права Саратовской государственной юридической академии, доктор юридических наук, профессор.

29. Б. П. Смагоринский, профессор кафедры криминалистики Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор.

30. И. В. Федюкин, начальник факультета заочного обучения Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук.

31. П. М. Филиппов, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор.

32. Н. Н. Шведова, начальник учебно-научного комплекса экспертно-криминалистической деятельности Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент.

Состав редакционной коллегии:

1. А. П. Алексеев, начальник кафедры конституционного и административного права Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент.

2. А. П. Алексеева, доцент кафедры уголовного права Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент.

3. Ю. П. Доронин, доцент кафедры философии Волгоградской академии МВД России, кандидат исторических наук, доцент.

4. О. С. Колосович, заместитель начальника кафедры уголовного процесса Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент.

5. Н. В. Котельников, заместитель начальника кафедры гражданско-правовых дисциплин Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент.

6. И. А. Крепкова, начальник отделения полиграфической и оперативной печати Волгоградской академии МВД России, кандидат исторических наук,

7. В. И. Медведев, начальник кафедры тактико-специальной подготовки Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук.

8. Е. В. Пантелеев, начальник кафедры теории права и прав человека Волгоградской академии МВД России, кандидат исторических наук.

9. Н. Л. Радаева, начальник отделения информационно-пропагандистского обеспечения Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук.

10. А. В. Саенко, старший редактор редакционно-издательского отдела Волгоградской академии МВД России.

11. А. С. Самоделкин, начальник кафедры оперативно-разыскной деятельности и специальной техники Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент.

12. О. В. Стрилец, начальник кафедры уголовного права Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент.

13. А. А. Тимофеева, начальник учебного отдела Волгоградской академии МВД России.

14. А. А. Тихонов, начальник редакционно-издательского отдела Волгоградской академии МВД России, кандидат философских наук.

15. Е. Н. Трофимов, доцент кафедры криминалистики Волгоградской академии МВД России, кандидат медицинских наук, доцент.

16. А. Г. Фастов, ученый секретарь ученого совета Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент.

17. А. В. Харченко, начальник адъюнктуры (докторантуры) Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент.

18. Н. В. Ходякова, начальник кафедры информатики и математики Волгоградской академии МВД России, кандидат педагогических наук, доцент.

СОДЕРЖАНИЕ

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

<i>Коробка В. Н.</i> Правовое мировоззрение сотрудников органов внутренних дел на примере современной Украины	9
---	---

КОНСТИТУЦИОННОЕ И АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО

<i>Зайцев М. С.</i> Понятие и содержание конституционного права на участие в управлении делами государства	17
<i>Коростелева М. В.</i> Тенденции развития территориальной организации местного самоуправления на современном этапе муниципальной реформы	22

ЧАСТНОЕ ПРАВО

<i>Солнцев А. М., Музалева О. С., Шварова А. С.</i> О создании специализированных экологических судов для обеспечения эффективной защиты экологических прав граждан	28
---	----

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ

<i>Ганченко О. И.</i> Особенности квалификации шантажа	36
<i>Егорова Н. А.</i> Уголовно-правовые меры профилактики коррупции в государствах — участниках СНГ	41
<i>Исхаков Э. Р.</i> Регламентация деятельности полиции и антикоррупционные аспекты в законодательстве о здравоохранении в период правления Павла I	47
<i>Лихолетов А. А.</i> Понятие и виды преступлений, совершаемых в сфере игорного бизнеса	51
<i>Плохов С. В.</i> Система мер противодействия коррупционной преступности в социальной сфере	56

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС, КРИМИНАЛИСТИКА И ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

<i>Гусев В. А.</i> Понятие и сущность юридической процедуры проведения оперативно-разыскных мероприятий ...	63
<i>Козловский А. Ю.</i> Критерии эффективности деятельности оперативно-разыскных подразделений таможенных органов России в условиях Таможенного союза, Всемирной торговой организации и формирования Евразийского экономического пространства	73
<i>Коловоротный А. А., Куртынов И. В.</i> Особенности выявления организатора и участников преступного сообщества при расследовании совершенных ими преступлений	78
<i>Кругликов А. П.</i> УПК РФ и некоторые проблемы, связанные с обеспечением защиты участников уголовного процесса	82
<i>Науен Дык Чунг.</i> Криминалистически значимая информация о преступлениях транснационального характера	88
<i>Павличенко Н. В., Поправко А. С.</i> Обеспечение государственной тайны в работе с лицами, оказывающими конфиденциальное содействие	92
<i>Печников Г. А., Блинков А. П., Волколупов В. Г.</i> Объективно-истинный и состязательный уголовный процесс	97

<i>Пьянзина Е. В.</i> Регламентация порядка производства изъятия предметов, находящихся в полостях человеческого организма, в связи с расследованием преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов	102
--	-----

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ

<i>Бокова Т. Н.</i> Высшее образование в США и России: сопоставительный анализ	106
<i>Панферкина И. С.</i> Полисубъектное управление подготовкой специалистов в ведомственных вузах: содержательные и правовые аспекты	111
<i>Ракитина С. В.</i> Смыслообразующий потенциал концепта специальных текстов при обучении студентов-иностранцев	115

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОДГОТОВКА СОТРУДНИКОВ ОВД

<i>Егоренков Д. В.</i> Сущностные характеристики психологической готовности личности к преодолению экстремальных ситуаций	118
<i>Кириллов Д. В.</i> Гражданская позиция курсантов (слушателей) образовательных учреждений системы МВД РФ как ценностное отношение к гражданскому долгу и гражданской ответственности	122

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

<i>Ким И. К.</i> Становление советско-польских отношений в обобщающих трудах современных польских историков	128
---	-----

НАУЧНАЯ ДИСКУССИЯ

<i>Блосфельд Е. Г.</i> Искажение исторического сознания в современных СМИ и школьных учебниках по истории России	133
<i>Евдокимова Т. В.</i> Современные фальсификации истории: социокультурный контекст	138
<i>Печников Г. А.</i> Формальная или диалектическая логика должна определять уголовный процесс?	143
<i>Попов В. В.</i> Некоторые вопросы фальсификации истории	148
<i>Стризов А. Л.</i> Фальсификация истории Великой Отечественной войны и поиск ее нового метанарратива	155

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	162
----------------------------------	-----

CONTENTS

CURRENT PROBLEMS OF STATE AND LAW

<i>Korobka V. N.</i> Legal worldview of law enforcement officers through the example of present-day Ukraine	9
---	---

CONSTITUTIONAL AND ADMINISTRATIVE LAW

<i>Zaytsev M. S.</i> Concept and content of the constitutional right to participate in the management of state affairs	17
<i>Korosteleva M. V.</i> Trends of development of the territorial organization of local self-government at the current stage of municipal reform	22

PRIVATE LAW

<i>Soltsev A. M., Muzaleva O. S., Shvarova A. S.</i> About the creation of specialized environmental courts to provide the effective protection of citizens' environmental rights	28
---	----

CRIMINAL LAW AND CRIMINOLOGY

<i>Ganchenko O. I.</i> Peculiarities of the determination of the nature of blackmail	36
<i>Egorova N. A.</i> Criminal law measures of corruption prevention in member countries of the commonwealth of independent states	41
<i>Iskhakov E. R.</i> Regulation of police activities and anti-corruptogenic aspects in public health regulatory acts passed during the reign of Pavel I	47
<i>Likholetov A. A.</i> Concept and types of crimes committed in the sphere of gambling business	51
<i>Plokhov S. V.</i> The system of measures of corruption prevention in the social sphere	56

CRIMINAL PROCEDURE, CRIMINALISTICS, AND OPERATIONAL SEARCH ACTIVITIES

<i>Gusev V. A.</i> Concept and core of the legal procedure of conducting operational search activities	63
<i>Kozlovskiy A. Y.</i> Criteria of performance efficiency of operational search subdivisions of the Russian customs bodies in conditions of the customs union, the world trade organization and the formation of the eurasian economic space	73
<i>Kolovorotniy A. A., Kurtynov I. V.</i> Peculiarities of detection of the organizer and participants of a criminal gang when investigating crimes committed by them	78
<i>Kruglikov A. P.</i> The code of criminal procedure of the Russian federation and some problems related to providing protection for participants of criminal proceedings	82
<i>Nguyen Duc Chung.</i> Information of criminalistic importance related to transnational crimes	88
<i>Pavlichenko N. V., Popravko A. S.</i> Protection of state secrets when working with individuals rendering confidential assistance	92
<i>Pechnikov G. A., Blinkov A. P., Volkolupov V. G.</i> Objective truth and adversary criminal procedure	97
<i>Pyanzina E. V.</i> Regulation of the order of seizing things from human body cavities within the framework of investigation of crimes related to illegal trafficking in narcotic drugs, psychotropic substances and their analogues	102

URGENT PROBLEMS OF HIGH SCHOOL

<i>Bokova T. N.</i> Higher education in the United States and Russia: comparative analysis	106
<i>Panferkina I. S.</i> Polysubject management of specialists' training in departmental institutions of higher education: informative and legal aspects	111
<i>Rakitina S. V.</i> Sense making potential of the concept of special texts when teaching foreign students	115

OCCUPATIONAL TRAINING OF LAW ENFORCEMENT OFFICERS

<i>Egorenkov D. V.</i> Essential characteristics of psychological readiness of an individual for overcoming emergency situations	118
<i>Kirillov D. V.</i> Civic-mindedness of cadets (trainees) of educational institutions of the system of the ministry of interior of Russia as a value attitude toward civic duty and civil responsibility	122

PAGES OF HISTORY

<i>Kim I. K.</i> Development of soviet-polish relations in generalizing works of modern Polish historians	128
---	-----

SCIENTIFIC DISCUSSION

<i>Blosfeld E. G.</i> Distortion of historical consciousness in modern mass media and the Russian history school textbooks	133
<i>Evdokimova T. V.</i> Modern falsifications of history: the sociocultural context	138
<i>Pechnikov G. A.</i> Is it formal or dialectic logic that shall determine criminal procedure?	143
<i>Popov V. V.</i> Some issues of falsification of history and public administration	148
<i>Strizoe A. L.</i> Falsification of the history of the great patriotic war and search for its new metanarrative	155

ABOUT THE AUTHORS	162
--------------------------------	-----

В. Н. Коробка

ПРАВОВОЕ МИРОВОЗЗРЕНИЕ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ НА ПРИМЕРЕ СОВРЕМЕННОЙ УКРАИНЫ

Данная статья посвящена исследованию значения правового мировоззрения сотрудников органов внутренних дел в условиях демократического, социального, правового государства на примере Украины.

Ключевые слова: правовое мировоззрение, правовая политика государства в правоохранительной сфере, обеспечение прав и свобод человека и гражданина, демократическое, социальное, правовое государство.

V. N. Korobka

LEGAL WORLDVIEW OF LAW ENFORCEMENT OFFICERS THROUGH THE EXAMPLE OF PRESENT-DAY UKRAINE

The article is devoted to the research of law enforcement officers' legal worldview importance in conditions of democratic, social, and legal state through the example of Ukraine.

Keywords: legal worldview, legal policy of a state in the sphere of law enforcement, ensuring human and civil rights and freedoms, democratic, social, and legal state.

Одним из важнейших направлений правовой политики, как отмечают современные исследователи, является обеспечение прав, свобод, законных интересов человека и гражданина [1, с. 8; 2]. При этом первостепенным субъектом, обеспечивающим реализацию правовой политики государства в правоохранительной сфере, несомненно, являются органы внутренних дел [3; 4, с. 3—14; 5]. Поэтому цель представленной статьи заключается в том, чтобы установить роль правового мировоззрения сотрудников органов внутренних дел в обеспечении прав, свобод, законных интересов человека и гражданина в условиях демократического, социального, правового государства.

Статья 1 Конституции Украины провозглашает Украину суверенным, независимым, демократическим, социальным, правовым государством [6, с. 4]. Употребление таких значений, как «демократическое», «социальное», «правовое», применительно к государству означает стратегический выбор государством демократической, социально ориентированной, политико-правовой (государственно-правовой) модели развития, в рамках которой субъекты, отвечающие за реализацию соответствующих направлений осуществляемой политики,

должны обладать развитым правовым мировоззрением. В этом случае сочетание таких понятий, как «демократическое», «социальное», «правовое», отражающих перспективные цели государственного и социального развития Украины как суверенного политико-территориального образования, не является случайным, как не является ошибочным утверждение о том, что в условиях социального, демократического государства у сотрудников органов внутренних дел должно быть развитое правовое мировоззрение. Данное утверждение основывается на анализе мнений отечественных и зарубежных исследователей, затрагивающих в своих работах проблему соотношения понятий «социальное», «демократическое», «правовое» государство.

Следует заметить, что при всем многообразии взглядов, отражающих сущностные характеристики таких феноменов, как социальное и правовое государство, сложилось два противоположных мнения, в рамках которых социальное государство рассматривается либо как продолжение правового государства, либо как отход от правового государства. Отмеченный дуализм в оценке соотносимых понятий сформировался еще в конце XIX столетия.

В связи с этим интересный пример приводит Э. В. Габрелян, замечая, что в заочном споре Б. А. Кистяковского с Б. Н. Чичериным Кистяковский, задаваясь вопросом, является ли социалистическое государство по своей природе прямой противоположностью правовому государству, отвечал отрицательно, поясняя свой ответ тем, что социалистическое государство не добавляет ни одного принципа, который не был бы известен правовому государству [7, с. 32].

Свою мировоззренческую позицию Б. А. Кистяковский обосновывал правом личности на достойное существование, правом, которое должно быть обеспечено государством не в силу милосердия, а в силу присущих каждой личности прав человека и гражданина, что фактически является прямым продолжением принципов правового государства.

На идейную близость демократического государства с правовым обращал внимание другой известный дореволюционный правовед С. Котляревский, считавший, что в числе основных признаков правового государства прежде всего должны быть те, которые характеризуют форму организации государственной власти. В связи с этим в своих исследованиях С. Котляревский касался проблем народного суверенитета, разделения властей, обеспечения народного представительства и др. [8, с. 9—10].

Идеи, высказанные С. Котляревским в начале XX в., актуальны и сегодня. Так, например, известный российский правовед В. М. Сырых правовое государство прямо связывает с демократией, указывая, что правовым государством в полном понимании этого термина может быть только демократическое государство [9, с. 14]. В числе современных украинских авторов, признающих тесную связь таких понятий, как «правовое государство», «демократия», «социальное государство», следует назвать В. Д. Бабкина, В. В. Кратюка, С. Приходько, А. Силенко, О. В. Скрипнюка, В. В. Сухоноса и др. [5, с. 3—11; 10; 11, с. 22; 12; 13; 14].

Вместе с тем в современной теории права и государства предпринимаются также попытки смыслового разграничения отмеченных понятий. Так, например, в границах исследования теоретико-правовой рефлексии содержания понятия «право-

вое государство» этот вопрос получил свое оформление как проблема соотношения формальной и материальной интерпретации правового государства, где одним из основных критериев указанного разграничения выступает четкий набор признаков, которые, по утверждению Р. Ф. Гринюка, позволяют отличить одно понятие от другого [15, с. 186].

Однако, как справедливо замечает Э. В. Габрелян, формальная интерпретация понятия «правовое государство» неизбежно отсылает нас к легизму, в контексте которого проблема соотношения правового и социального государства оказывается лишенной смысла, поскольку данный тип правовопонимания любое официально-властное установленное и гарантированное принуждением законоположение рассматривает как правовое [7, с. 32—34].

Характеристика материальных признаков правового государства, осуществляемая Р. Ф. Гринюком на основе учета особенностей государства как специфического типа публичной власти (обращается внимание на то, кто признается высшим носителем власти, действует ли принцип разделения властей, присутствует ли норма, устанавливающая взаимную ответственность государства и личности), не дает окончательного ответа на вопрос о соотношении правового и демократического государства [15, с. 189, 194].

Полагаем, что сегодня справедливо говорить о такой модели политико-правовой организации общества, как демократическое, социальное, правовое государство. Нам представляется, что демократическое, социальное, правовое государство — это модель организации жизнедеятельности социально ориентированного государственно-организованного общества, функционирующего в условиях свободной рыночной экономики на основе принципов права, обеспечивающая на практике достойную жизнь и свободное развитие каждого члена общества.

Употребление совместно таких значений, как демократическое, социальное, правовое, применительно к государству означает дальнейшую эволюцию государства, но не с позиции антитезы (противопоставления) правового и социального, а с позиции диалектики дальнейшего развития, совершенствования государства, признающего при-

оритет прав человека и определяющего в соответствии с этим формы и методы своей деятельности [16, с. 208].

Место и роль социального в анализируемой парадигме представляется сквозь призму важнейших принципов социального государства, в числе которых следует отметить: 1) достойную жизнь; 2) свободное развитие человека [17]. Основными же принципами правового государства являются: 1) наиболее полное обеспечение прав и свобод человека и гражданина, создание для личности режима правового стимулирования; 2) наиболее последовательное связывание с помощью права государственной власти, формирование для государственных структур правового режима ограничения [18, с. 31—33].

Отмеченные принципы в совокупности выражают главные константы, постулаты государственной политики современных социальных демократических государств.

Становление социального государства — длительный, противоречивый и очень сложный процесс. Первые попытки организации социального государства Е. А. Лукашева усматривает в деятельности германской общины середины XVIII в. [16, с. 208; 19]. Тогда правительство Германии на законодательном уровне обязало общины оказывать помощь нуждающимся. В XIX в. отмеченная обязанность переместилась с коммунального уровня на общегосударственный. Причиной этих изменений явилось переосмысление положений социальной политики, которая под влиянием социально-экономической ситуации в Германии конца XIX столетия была возведена правительством фон Бисмарка на уровень официальной доктрины. Стремясь безболезненно интегрировать промышленный пролетариат в буржуазное общество, правительство Германии попыталось объединить капитализм и гегемонию буржуазии с широкой демократией. Следствием этого стало принятие в 1919 г. Веймарской конституции, содержание которой было направлено на решение целого ряда социально-экономических проблем, возникших в европейском обществе в начальный период капиталистической индустриализации.

Современное социальное государство по-прежнему сохраняет статус особой модели соци-

альной организации общества, в рамках которой предпринимаются попытки решения существующих социально-экономических проблем.

Сущность обозначенных проблем в неизменном виде заключается в том, что с провозглашением основных «естественных и неотчуждаемых прав человеческого рода» произошло так называемое «освобождение труда», результатом чего стало появление свободного трудового контракта. В возникших экономических условиях индустриального государства такое освобождение способствовало появлению *objekteigenschaft* — трудящегося, который оказался в положении наемного работника, фактически утратившего статус субъекта отношений и превратившегося в объект управления, а также средство производства. Оказавшись лишенным возможности реализовывать первичное естественное право на результаты собственного труда, наемный работник столкнулся, с одной стороны, с противоречиями, вызванными расхождением в политической и правовой концепциях либерализма, с другой — фактическими положениями реалий индустриального государства. Вследствие этого задача представленной концепции усматривалась в разрешении сформулированных противоречий.

Реализация поставленной задачи осуществлялась посредством конкретных целей. Так, например, главная цель государства всеобщего благоденствия в интерпретации конца XIX — начала XX вв. состояла в том, чтобы освободить гражданина от социальных усилий по гарантированию его собственного существования в настоящем и будущем. В соответствии с этим государство брало на себя значительную часть функций, которые были не свойственны классическому либерально-буржуазному государству.

Однако уже в середине XX в. теория государства всеобщего благоденствия была подвержена серьезной критике как со стороны ученых, так и со стороны политиков. Предметом критики являлось то, что, во-первых, государство всеобщего благоденствия оказалось способным лишь обеспечить уровень жизни, ниже которого никто не должен опускаться, иными словами, государство не могло допустить смерть человека от голода. Во-вторых, концепция государства всеобщего благоденствия в такой интерпретации на деле оказалась лишь

концепцией нового патернализма, поскольку рассматривала работника в качестве объекта пристальной опеки со стороны государства. Подобное отношение в конечном итоге приводило к отсутствию ответственности работника за индивидуальные и коллективные действия, способствовало его экономической и социальной пассивности.

Современная характеристика демократического, социального государства исходит из того, что последнее должно быть определено в своем конкретном и общем значении как способствующее в первую очередь самостоятельности и ответственности каждого индивида, а также направленно оказывающее социальную помощь тем гражданам, которые не по своей вине не могут нести ответственность за собственное благополучие [20, с. 53].

В целом термин «социальное государство», как справедливо отмечают современные исследователи, должен трактоваться как «связанный с совместной жизнью в обществе». В этом случае Ф. Фабрициус, анализируя концепцию социального государства и склоняясь к мнению И. Канта, вслед за величайшим философом признает, что право человека на свободу и равенство является единым естественным правом человека, находящимся в основании человеческого достоинства [20, с. 54].

Интерпретируя изложенное, вместе с тем следует отметить, что демократическое, социальное государство нельзя трактовать упрощенно, например только в виде социально-экономических гарантий (пенсий, пособий, льгот и т. д.), предоставляемых гражданам от имени государства. Мы полагаем, что социальное государство следует понимать прежде всего как партнерские отношения, признаваемые всеми субъектами этих отношений: гражданами, общественными организациями, государственными органами, государственным аппаратом и самим обществом. Данные отношения призваны решить следующие задачи:

- 1) согласовать противоречивые интересы в сфере экономики, политики, хозяйственной деятельности и т. д.;
- 2) выработать общеприемлемую государственную политику;
- 3) обеспечить индивидуальную и коллективную ответственность за реализацию выработанной политики.

В современных условиях практики строительства демократического, социального государства в Украине назрела объективная необходимость переосмысления роли, задач, функций милиции как элемента механизма государственного аппарата, включенного в систему качественно новых (партнерских) отношений.

В связи с этим в конце 1990-х гг. была разработана и принята на законодательном уровне соответствующая правовая база. Однако, несмотря на наличие нормативно-правовой базы, определяющей цели, задачи, полномочия милиции в осуществлении внутренней политики государства, установления партнерских отношений между обществом и милицией не произошло.

Напротив, сегодня в Украине, как свидетельствуют социологические данные, наблюдается практически полное отчуждение милиции от общества в целом и отдельного гражданина в частности. В сложившихся условиях органы внутренних дел, к сожалению, выступают в качестве внешней силовой инстанции по отношению к окружающему обществу. Уровень доверия среди населения к сотрудникам органов внутренних дел является критически низким [21, с. 251]. Из-за перечисленных причин органы внутренних дел утрачивают качества правоохранительного органа, призванного осуществлять функцию поддержания правопорядка в интересах самого общества, и все более иллюстрируют качества репрессивного аппарата.

Схожая ситуация с подобным недоверчивым отношением населения к полиции в странах Центральной и Восточной Европы имела место в конце 90-х гг. XX в. в Польше, Венгрии, ГДР, Чехии и др. Тогда, в конце 1990-х, на конгрессе в Мюнстере (1998 г.) при определении главных подходов к созданию новой модели деятельности полиции в условиях социального государства подчеркивалось, что полиция должна рассматриваться как сервисная служба, предоставляющая услуги гражданам на отдельной территории, т. е. конгрессом четко оговаривалось, что полиция должна существовать для граждан, развивая своей деятельностью систему предоставляемых населению услуг [21, с. 5].

При этом европейские исследователи, в частности М. Капарини и О. Маренин, обращали внимание на то, что полиции необходимо предоста-

вить достаточно власти и полномочий для выполнения возлагающихся на нее обязанностей. Одновременно указывалось, что объем предоставляемых полномочий не должен ставить под угрозу благосостояние общества и людей, поскольку основная цель деятельности полиции — безопасность общества в целом и каждого отдельно взятого гражданина [21, с. 9].

Реализация поставленной цели, по мнению исследователей, должна осуществляться на основе таких факторов, как законность, профессионализм, подконтрольность действий сотрудников полиции, причем в качестве основного фактора, способствующего достижению намеченной цели, рассматривается законность. Обращение к последней, по мнению европейских авторов, позволяет сохранять легитимность полицейских образований, а также решать самые трудные задачи, не затрачивая времени и усилий на убеждение или принуждение групп граждан или отдельных лиц в случае их несогласия с мерами, которые не служат их интересам [21, с. 10].

В то же время мы полагаем, что приведенная точка зрения не является абсолютно непогрешимой, в силу чего ее не следует слепо копировать и безрассудно переносить на почву отношений, сложившихся между украинскими гражданами и органами внутренних дел. Причина подобных авторских воззрений основывается, в частности, на высказываниях известного европейского философа права Дж. Бермана, констатирующего, что сегодня человек Запада находится в гуще беспрецедентного кризиса правовых ценностей и правовой мысли [22, с. 12—13].

Оценивая заявление Дж. Бермана, необходимо отметить, что оставление без внимания современной европейской наукой мировоззренческих ценностей правового характера может обернуться колоссальными просчетами будущей правовой политики, в том числе и в сфере правоохранительной деятельности. Не случайно современные российские правоведы, анализируя проблемы легитимности государственной власти, справедливо указывают на то, что нельзя навязывать легитимацию людям извне. Она создается преданностью людей данному общественному порядку, который по представлениям населения той или иной стра-

ны в условиях конкретной исторической эпохи выражает непреложные ценности бытия [23, с. 83].

Соглашаясь с мнением российских коллег и не абстрагируясь от высказываний европейских исследователей, считаем необходимым также поддержать точку зрения тех немногочисленных отечественных авторов конца XIX — начала XX вв., которые справедливо полагали, что «если бы современный человек захотел и сумел серьезно признать и осуществить в деятельности правила здорового творческого правосознания, то началось бы обновление всего социального и политического строя современного государства. Преодоление того духовного кризиса, который ныне переживает человечество, не может быть достигнуто и не будет осуществлено одними „внешними“ и „формальными“ реформами... слово остается за самим духом» [24; 25, с. 221—222].

Таким образом, в основе обновления всего социального и политического строя, а значит, и обновления правоохранительных органов, находятся также духовные факторы, среди которых особое место занимает правовое мировоззрение. Стремясь довести до логического совершенства урегулированность отношений, складывающихся между законом и конкретной практической действительностью, правовое мировоззрение (коренясь в социально-правовых установках, ценностях, правовых идеалах и т. п.) с позиции законности, справедливости, целесообразности способно оказывать позитивное корректирующее воздействие на содержание реализуемых сотрудниками органов внутренних дел служебных задач и функций, способно в значительной мере гармонизировать отношения, складывающиеся в процессе реализации сотрудниками органов внутренних дел служебных задач и функций, переводя указанные отношения в статус партнерских [26].

Вместе с тем важнейшая роль правового мировоззрения в обеспечении прав, свобод, законных интересов граждан, в том числе в условиях социально-демократического государства, пожалуй, заключается в том, что правовое мировоззрение является едва ли не единственным элементом механизма правовой сферы духовного мира человека, который действительно может помочь личности захотеть признать и осуществить в своей

деятельности, включая и правоохранительную, те правила здорового творческого правосознания, о которых писал И. А. Ильин. Представляется, что для достижения указанного мировоззренческо-правовая концепция, в координатах которой сотрудник органов внутренних дел планирует осуществление служебных задач и функций, должна быть составлена с учетом следующих положений.

1. *Принципиальное преимущество закона перед властью, права перед политикой.* Верховенство закона над властью, права над политикой совсем не означает победу одного над другим. Заявленное концептуальное положение значит только то, что закон становится максимально адекватным своей сущности и следование ему со стороны сотрудников органов внутренних дел, а также всех должностных лиц органов власти и управления является действительной гарантией в деле защиты прав, свобод человека, осуществляемых на основе подлинной справедливости.

2. *Незыблемость закона и неизбежность наказания в случае его нарушения.* Данное положение предполагает следующее: во-первых, наказание должно быть непременно неотвратимым, поскольку именно неизбежность наказания превращает закон из формального в реальный; во-вторых, отмеченное означает персональную ответственность сотрудника органа внутренних дел (дисциплинарную или уголовную), возлагающуюся на него в случае нарушений законности, допущенных им в процессе осуществления оперативно-служебной деятельности. Как известно, власть, которой обладает сотрудник милиции, к этому располагает.

В связи с последним замечанием уместно вспомнить высказывание А. Ф. Кони, произнесенное им во время судебного процесса по делу о самоуправстве земского начальника. Тогда А. Ф. Кони отметил, что «...власть имеет сама в себе много привлекательного. Она дает обремененному ею сознание своей силы, она выделяет его из среды безвластных людей, она создает ему положение, с которым надо считаться. Для самолюбия заманчива возможность приказывать, решать, приводить в исполнение свою волю и хотя бы в узкой сфере карать и миловать» [27, с. 171].

Не все обладающие властью сотрудники органов внутренних дел имеют способность противостоять соблазну «самонадеянного самоволия», присутствующего в том случае, когда сотрудник возомнит себя персоной особого рода, имеющей право на любой произвол, который безропотно обязаны сносить благодетельствованные им члены общества.

Претензия на звание «столпа общества» — важная предпосылка злоупотребления государственной властью, которая должна быть искоренена в условиях социального государства.

3. *Построение гражданского общества.* Все, что происходит в рамках гражданского общества, находится вне компетенции государства до тех пор, пока здесь не нарушается закон. Отсюда следует, что:

а) финансовым источником системы МВД является налогоплательщик, вступающий во взаимоотношения с сотрудником милиции (в качестве потерпевшего, заявителя о преступлении, свидетеля или подозреваемого);

б) конкретный сотрудник милиции, любой государственный чиновник необходим обществу в той степени, в какой он требуется налогоплательщику;

в) дистанционирование от граждан и их проблем во имя ведомственных интересов — это отрицание первых двух моментов;

г) необходимо сохранение приоритета прав и свобод граждан над профессиональными целями и задачами.

Следует признать, что современное общество ожидает от сотрудников ОВД более высокого уровня правовой подготовленности, а самое главное — более позитивного отношения к ценностям, закрепленным в законах и других нормативных актах, прежде всего к правам, свободам, законным интересам граждан, свидетельствующим о достоинстве людей. Представляется, что дальнейшее совершенствование украинского общества, утверждение принципов социально-демократического государства, идеалов нравственности и гражданственности немыслимы без преодоления отрицательных стереотипов, сложившихся в мировоззрении и сознании людей, без нейтрализации антиправовых и антисоциальных устремлений.

К сожалению, проводимые в стране реформы в сферах экономики, политики, образования не дают должных результатов по формированию у украинских граждан не только правового мировоззрения, но и позитивного правового сознания, правовой культуры, представляющих собой базовые элементы правовой сферы духовного мира человека.

Вместе с тем определенный оптимизм, связанный с решением столь многосложной проблемы, по мнению автора, все же существует. Основывается он на том факте, что положения действующей Конституции Украины, особенно той ее части, которая посвящена правам и свободам человека, чести и достоинству личности, представляют собой значительный социально стабилизирующий нормативно-правовой потенциал, с использованием которого планируется дальнейшее эффективное функционирование государственного механизма, обеспечивающего реализацию прав, свобод, за-

конных интересов граждан, в том числе и в сфере правоохранительной деятельности. Важным звеном в цепи данного механизма, несомненно, является правовое мировоззрение сотрудников органов внутренних дел. Правовое мировоззрение характеризуется как устойчивое позитивное отношение субъектов правоприменительной деятельности к праву как к идее должного, пропущенного сквозь призму прав, свобод, обязанностей лица, которые сформированы на основе совокупности правовых идей, взглядов, представлений, принципов, ценностей, убеждений, разделяемых указанными субъектами и берущимися в качестве фундаментальной основы человеческой деятельности (в том числе профессиональной). Оно изначально ответственно за состояние современной правовой системы, юридической практики, в том числе и правоохранительной, обеспечивающей посредством правоприменения реализацию прав, свобод, законных интересов граждан.

Примечания

1. Матузов Н. И. Актуальные проблемы российской правовой политики // Государство и право. 2001. № 10. С. 5—12.
2. Малько А. В. Правовая политика в сфере реализации законных интересов // Правовая политика и правовая жизнь. 2007. № 2. С. 8—14.
3. Кравченко Ю. Ф. Діяльність держави з охорони основних прав і свобод людини і громадянина в Україні. Органи внутрішніх справ // Свобода як принцип демократичної правової держави: моногр. Харків: Вид-во Нац. ун-ту внутр. справ, 2003. С. 261—268.
4. Міліція як суб'єкт реалізації державної політики в Україні / за заг. ред. Я. Ю. Кондратьєва. К.: Нац. академія внутр. справ України, 2003.
5. Бабкін В. Д. Соціальна держава та захист прав людини // Правова держава. 1998. Вип. 9. С. 291—302.
6. Конституція України. Харьков: Охрана Труда, 1999.
7. Габрелян Э. В. О правовом и социальном государстве // Рос. юстиция. 2011. № 5. С. 32—34.
8. Котляревский С. Конституционное государство: опыт политико-морфологического обзора. СПб.: Альтшулера, 1907.
9. Комментарий к Конституции Российской Федерации / отв. ред. Л. А. Окуньков. М.: БЕК, 1996.
10. Кратюк В. В. До питання про взаємозв'язок громадянського суспільства і правової держави в Україні // Науковий вісник Чернівецького університету. 1998. № 24. С. 212—214.
11. Приходько С. Держава і соціальний захист громадян // Право України. 1999. № 9. С. 22—26.
12. Сіленко А. Політичні чинники формування держави загального добробуту // Людина і політика. 2001. № 5. С. 136—143.
13. Скрипнюк О. В. Правова, соціальна держава в Україні: конституційні основи та тенденції розвитку // Правова держава. 2001. Вип. 12. С. 186—197.
14. Сухонос В. В. Динаміка сучасного державно-політичного режиму в Україні: антиномія демократизму і авторитаризму. Суми: Університетська книга, 2003. С. 190—232.

15. Гринюк Р. Ф. Ідея правової держави: теоретико-правова модель і практична реалізація. К.: Видавничий Дім «Ін Юре», 2004.
16. Права человека: учебник для вузов / отв. ред. член-кор. РАН, д. ю. н. Е. А. Лукашева. М.: НОРМА-ИНФРА-М, 1999.
17. Чиркин В. Е. Индикаторы социального государства // Цивилист. 2009. № 1. С. 103—110.
18. Рабінович П. М. Основи загальної теорії права та держави. 5-те вид., зі змінами. Навчальний посібник. К.: Атіка. 2001.
19. Мудролюбова Н. Ідея соціальної держави в сучасній західній теорії і практиці // Проблеми державотворення і захисту прав людини в Україні: матеріали XII регіональної наук.-практ. конф. Львів: Львівський національний ун-т ім. І. Франка, 2006. С. 40—42.
20. Фабрициус Ф. Права человека и европейская политика. М.: МГУ, 1995.
21. Реформирование полиции в странах Центральной и Восточной Европы: процесс и прогресс / П. Абрахам, Д. Бакрач, А. Бек и др.; под ред. М. Капарини, О. Маренина; предисл. А. Н. Ярмыша. К.: Задруга, 2005.
22. Берман Г. Дж. Западная традиция права: эпоха формирования / пер. с англ. 2-е изд. М.: Изд-во МГУ; НОРМА-ИНФРА-М, 1998.
23. Чиркин В. Е. Основы государственной власти: учеб. пособие. М.: Юристъ, 1996.
24. В приведенной цитате И. А. Ильин фактически наделяет правовое сознание, ассоциирующееся в его бытность с правовым чувством, качествами «правовой сферы духовного мира человека», указывая, что «в действительности правосознание охватывает и чувство, и волю, и воображение, и мысль, и всю сферу бессознательного духовного опыта». Таким образом, в сферу интеллектуальных воззрений И. А. Ильина пророчески попадает правовое мировоззрение, воспринимаемое сегодня так же, как специфическая форма правовоззрения, базирующаяся на чувствах, воле, воображении, мыслях индивида, выражающих его позитивно-устойчивое отношение к праву.
25. Ильин И. А. Путь духовного обновления // Ильин И. А. Собр. соч.: в 10 т. М.: Русская книга, 1996. Т. 1.
26. Согласно концепции социального государства повышение эффективности работы ОВД предполагает, во-первых, привлечение граждан, общественных организаций к выработке правовой политики в сфере правоохранительной деятельности ОВД; во-вторых, привлечение граждан в качестве партнеров в осуществлении правоохранительной деятельности; в-третьих, формирование партнерских отношений в самом органе внутренних дел.
27. Смолярчук В. И. Гиганты и чародеи слова: русские судебные ораторы второй половины XIX — нач. XX в. М.: Юрид. лит., 1984.

© Коробка В. Н., 2013

***

М. С. Зайцев

ПОНЯТИЕ И СОДЕРЖАНИЕ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА НА УЧАСТИЕ В УПРАВЛЕНИИ ДЕЛАМИ ГОСУДАРСТВА

В статье анализируется содержание многосоставного конституционного права на участие в управлении делами государства, определяются его компоненты и предлагается авторская дефиниция данного права.

Ключевые слова: участие в управлении делами государства, непосредственная демократия, представительная демократия, выборы, референдум, государственная служба, муниципальная служба.

M. S. Zaytsev

CONCEPT AND CONTENT OF THE CONSTITUTIONAL RIGHT TO PARTICIPATE IN THE MANAGEMENT OF STATE AFFAIRS

The author analyzes the content of the multiple constitutional right to participate in the management of state affairs, determines its components, and offers his own definition of this right.

Keywords: participation in the management of state affairs, direct democracy, representative democracy, elections, referendum, public administration, municipal administration.

В настоящее время в законодательстве Российской Федерации отсутствует четкое определение понятия «право на управление делами государства», несмотря на то что оно является одним из важнейших конституционных прав граждан, отражающих демократическую природу их взаимоотношений с государством. Тем не менее уяснение сущности данного права и его содержания представляется ценным не только с точки зрения науки конституционного права, но и с позиций реального воплощения установлений Основного закона в повседневной жизни российских граждан.

Если придерживаться «узкого подхода» в определении сферы применения этого права, то можно, конечно, ограничиться установлениями ч. 1 ст. 32 Конституции РФ, трактуя их исключительно в контексте непосредственного участия гражданина в управлении делами государства, либо участия в этом процессе через своих представителей, т. е. рассматривать данное право через призму формы его реализации (непосредственной или опосредованной).

Дальнейший анализ положений ст. 32, 33 Конституции РФ приводит к заключению о том, что

право граждан на управление делами государства нельзя ограничивать только установлениями ч. 1 ст. 32, хотя некоторые комментаторы Конституции РФ отмечают: «...обычно под непосредственным участием граждан в управлении делами государства понимают участие в выборах и референдумах» [1], но и они склонны шире трактовать это право.

А. Н. Голохвистова констатирует: «Внимательное прочтение Конституции РФ позволяет сделать вывод о том, что под понятие „непосредственное участие граждан в управлении делами государства“ подпадают (наряду с участием в выборах и референдумах) и случаи замещения гражданами» должностей государственной службы, что вытекает из положений ч. 4 ст. 32 Конституции РФ [1]. На это обстоятельство указывает и Д. А. Абезин, анализируя формирование кадрового резерва государственной гражданской службы на конкурсной основе: «...действующим федеральным законодательством... провозглашена возможность участия в конкурсе и действующих гражданских служащих, и лиц, не являющихся сотрудниками государственных органов. Данный подход способствует

реализации гражданами Российской Федерации конституционного права на равный доступ к государственной службе, обеспечивая тем самым право граждан на участие в управлении делами государства» [2, с. 114].

В научной литературе можно встретить дефиниции формального характера, не содержащие важнейшие понятиеобразующие признаки рассматриваемого права. Например, М. Т. Габдуалиев отмечает, что под конституционным правом на участие в управлении делами государства следует понимать предоставленные конституционными нормами и действующим законодательством вид и меру возможного поведения гражданина (совместно с другими гражданами) по управлению делами государства с использованием предусмотренных законодательством форм своего участия в публичной деятельности, включающей предоставление такого права и возможности его реализации [3, с. 12]. Данная дефиниция составлена с нарушением требований логики: определяемое понятие («конституционное право на участие в управлении делами государства») раскрывается через самое себя («поведение гражданина (совместно с другими гражданами) по управлению делами государства»). Сущность участия в публичной деятельности не разъяснена, автор ограничивается указанием на «обезличенные» «предусмотренные законодательством формы участия в публичной деятельности».

Можно встретить и дефиниции описательного характера, например, по мнению Г. Д. Садовниковой и И. А. Конюховой, закрепленное в ч. 1 ст. 32 Конституции право участвовать в управлении делами государства является наиболее общим политическим правом граждан Российской Федерации, включающим права, предусмотренные в чч. 2, 4 и 5 [4]. Тем самым авторы комментария подчеркивают *многосоставный характер указанного права*, которое включает в себя: 1) право избирать и быть избранными в органы государственной власти и органы местного самоуправления; 2) право участвовать в референдуме; 3) право на равный доступ к государственной службе; 4) право участвовать в отправлении правосудия (чч. 1, 2, 4 и 5 ст. 32 Конституции РФ).

Полагаем, приведенный перечень является неполным. Представляется, что *право обращаться*

лично, направлять индивидуальные и коллективные обращения в государственные органы и органы местного самоуправления (ст. 33 Конституции РФ) также является компонентом многосоставного общего политического права на участие в управлении делами государства.

По мнению Е. Ю. Бархатовой, обращение граждан в органы государственной власти и местного самоуправления, закрепленное в ст. 33 Конституции РФ, является одной из форм реализации права на участие в управлении делами государства и отражает связь гражданина с государством [5]. М. А. Липчанская констатирует, что путем подачи заявлений и жалоб в органы государственной исполнительной власти и государственным должностным лицам граждане, хотя и влияют на управление делами государства косвенно (поскольку подача заявления и жалобы не влечет принятия управленческих решений автоматически, а только через несколько последовательных действий), но это влияние очевидно. В случае же с предложениями воздействие на управленческую деятельность со стороны граждан не обязательно, а лишь возможно [6].

Обращения в государственные органы являются одной из наиболее распространенных форм и гарантий участия граждан в управлении делами государства. Вместе с тем обращения — это важное средство реализации и охраны прав личности, укрепления связи органов государственной власти и местного самоуправления с населением [7]. Праву граждан на обращение в государственные органы и органы местного самоуправления соответствует обязанность этих органов, а также должностных лиц, которым они направлены, в установленном законодательством порядке своевременно рассмотреть обращения и принять по ним законные и обоснованные решения [8].

Данный компонент так же, как и вышеизложенные права, закрепленные в чч. 1, 2, 4 и 5 ст. 32 Конституции РФ, предоставляет гражданам возможность тем или иным закрепленным в законе образом влиять на политику государства в различных сферах государственной деятельности и в случаях нарушения их прав — защищать свои права, обращаясь в суд, органы государственной власти, либо местного самоуправления.

Именно этот аспект — *возможность влиять на политику государства в различных сферах государственной жизни* — выступает *определяющим признаком* в построении дефиниции рассматриваемого нами права.

Для формулируемого нами определения важным является установление и иных понятиеобразующих признаков права граждан на управление делами государства.

В частности, представляется оправданным включение в дефиницию аспекта *нормативного регулирования данного права*. Следует учитывать, что конституционные нормы закрепляют «магистральное направление» в осуществлении этого права, декларируя его, однако детализация права граждан на управление делами государства дается в иных федеральных конституционных и федеральных законах, иных нормативных актах, где четко прописан механизм и гарантии его реализации.

Значительное влияние на права граждан участвовать в управлении делами государства в Российской Федерации оказывает международное право, нормы которого являются составной частью нашей отечественной правовой системы, например Международный пакт «О гражданских и политических правах» [9], «Конвенция Содружества Независимых Государств о правах и основных свободах человека» [10] и международные договоры России с другими государствами. Данные законы необходимы для регулирования правоотношений, связанных с иностранными гражданами, находящимися и проживающими на территории Российской Федерации, то есть для граждан стран СНГ, а также для российских граждан, которые находятся или проживают на территории этих государств.

Общепризнанные принципы и нормы международного права служат идейной основой для формулирования текста ст. 32 Конституции РФ. Следует подчеркнуть, что в Конституции РФ не указано, в чьем ведении находится правотворчество в сфере избирательного права. Ст. 73 Конституции определяет предметы ведения субъектов Федерации и что не относится к ведению Российской Федерации, а также совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов, то соответственно относится к ведению субъектов РФ.

Далее необходимо отметить, что возможность граждан влиять на политику государства находит свое воплощение *в участии лиц в различных процедурах, отражающих особые аспекты государственной жизни*. Граждане непосредственно участвуют в управлении делами государства (выборы, референдумы) и *лично* — в работе органов законодательной, исполнительной или судебной власти.

Данное право также осуществляется гражданами *через своих представителей*, избираемых в органы законодательной, исполнительной власти, либо местного самоуправления.

Здесь речь идет, *во-первых*, об *избирательном процессе*. Согласно Конституции РФ народ осуществляет свою власть непосредственно, а также через органы государственной власти и органы местного самоуправления (ч. 2 ст. 3) и высшим непосредственным выражением власти народа являются референдум и свободные выборы (ч. 3 ст. 3).

Право граждан избирать и быть избранными в органы государственной власти и органы местного самоуправления и право на участие в референдуме обеспечивается федеральными законами «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», «Об обеспечении конституционных прав граждан Российской Федерации избирать и быть избранными в органы местного самоуправления», а также Федеральным конституционным законом «О референдуме Российской Федерации» [11].

Во-вторых, право на участие граждан в управлении делами государства реализуется в рамках *управленческого процесса*. Одним из типов управления выступает социальное управление, представляющее собой сложное «общественно-историческое явление» [12, с. 43]. Разновидностью социального управления является управление делами государства.

Согласно п. 4 ст. 32 Конституции РФ граждане имеют *право на равный доступ к государственной службе* (данное право конкретизировано в Федеральном законе «О государственной гражданской службе Российской Федерации» [13]).

Право на равный доступ к муниципальной службе закреплено в п. 2 ст. 4 Федерального закона «О муниципальной службе в РФ» [14].

Т. В. Прокопчина определяет право граждан на равный доступ к государственной службе, на равный доступ к службе в органах местного самоуправления как урегулированную законом возможность претендовать на должность государственной службы и замещение ее в соответствии с профессиональной подготовкой и уровнем собственного развития [15, с. 5].

Государственная служба — это профессиональная служебная деятельность граждан по обеспечению исполнения полномочий Российской Федерации и ее субъектов, федеральных государственных органов и государственных органов субъектов Федерации, лиц, замещающих государственные должности Российской Федерации и ее субъектов.

Муниципальная служба — профессиональная деятельность граждан, которая осуществляется на постоянной основе на должностях муниципальной службы, замещаемых путем заключения трудового договора (контракта).

Часть 2 ст. 3 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ» [16] устанавливает, что граждане имеют равные права на осуществление местного самоуправления независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям.

М. Т. Габдуалиев отмечает, что право на участие в управлении делами государства тесно связано с комплексным правом на осуществление местного самоуправления, поскольку формы реализации этих субъективных прав совпадают. Более того, при реализации указанных комплексных субъективных прав речь идет об управлении публичными делами (в первом случае — делами государства, во втором — делами местного сообщества). Конституционное право на участие в управлении делами государства и конституционное право на осуществление местного самоуправления реализуются через институты прямой и представительной демократии [3, с. 32—36].

В-третьих, право на участие граждан в управлении делами государства реализуется в рамках *судебных процессов*, протекающих в установленных законом формах (уголовного, гражданского, арбитражного, административного, конституционного судопроизводства). *Право на участие в отправлении правосудия* (ч. 5 ст. 32 Конституции РФ) является одним из демократических принципов организации и деятельности судебной власти.

Граждане реализуют данное право в разных формах, например могут занимать должность судьи, быть присяжным заседателем, арбитражным заседателем. Основной закон РФ закрепляет это важное положение именно как право.

Другим важным элементом права на участие граждан в управлении делами государства является *право граждан на мирные собрания*, которые проводятся для защиты своих нарушенных прав.

Таким образом, суммируя вышеизложенные аспекты, образующие в своей совокупности *сложносоставное право граждан на участие в управлении делами государства*, предлагаем следующую дефиницию.

Право граждан на участие в управлении делами государства — это закрепленная в Конституции РФ и конкретизированная в федеральных конституционных и федеральных законах, а также иных нормативных актах возможность граждан реализовывать активность в принятии и осуществлении государственных решений непосредственно или через свободно выбранных представителей и тем самым влиять на политику государства в различных сферах государственной деятельности путем участия в избирательном, судебном и управленческом процессах, обращения в органы государственной власти и местного самоуправления и участия в мирных собраниях.

Конституционное право на участие в управлении делами государства представляет собой многосоставное право, компонентами которого являются: 1) право избирать и быть избранными в органы государственной власти и органы местного самоуправления; 2) право участвовать в референдуме; 3) право на равный доступ к государственной и муниципальной службе; 4) право участвовать в отправлении правосудия; 5) право обра-

щаться лично и направлять индивидуальные и коллективные обращения в государственные органы и органы местного самоуправления; 6) право граждан на мирные собрания.

Список библиографических ссылок

1. Конституция Российской Федерации. Научно-практический комментарий (постатейный) [Электронный ресурс] / под ред. Ю. А. Дмитриева. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Абезин Д. А. Правовое регулирование кадрового резерва на государственной гражданской службе: состояние и перспективы развития // Научный вестник ВАГС. Юриспруденция. 2010. № 1 (3). С. 112—117.
3. Габдуалиев М. Т. Конституционное право гражданина на участие в управлении делами государства в Российской Федерации и Республике Казахстан: сравнительный анализ: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2006.
4. Садовникова Г. Д., Конюхова И. А. Комментарий к Конституции Российской Федерации (постатейный) [Электронный ресурс]. 3-е изд., исправ. и доп. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
5. Бархатова Е. Ю. Комментарий к Конституции Российской Федерации (постатейный) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
6. Липчанская М. А. Формы участия граждан в управлении делами государства в сфере исполнительной власти [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
7. Обращения граждан как форма их участия в управлении делами государства. Библиотека юриста [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kollegia.net> (дата обращения: 10.01.2013).
8. О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации: федер. закон от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ (ред. от 18.07.2012) [Электронный ресурс] // Собрание законодательства РФ. 08.05.2006. № 19. Ст. 2060. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
9. О гражданских и политических правах: междунар. пакт от 16 декабря 1966 г. [Электронный ресурс] // Бюллетень Верховного суда РФ. 1994. № 12. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
10. Конвенция Содружества Независимых Государств о правах и основных свободах человека (заключена в Минске 26.05.1995) // Собрание законодательства РФ. 29.03.1999. № 13. Ст. 1489.
11. Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации [Электронный ресурс]: федер. закон от 12.06.2002 г. № 67-ФЗ (ред. от 03.12.2012) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.fso.gov.ru> (дата обращения: 02.01.2013); Об обеспечении конституционных прав граждан Российской Федерации избирать и быть избранными в органы местного самоуправления [Электронный ресурс]: федер. закон от 26.11.1996 г. № 138-ФЗ (ред. от 09.11.2009) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.fso.gov.ru> (дата обращения: 06.01.2013); О референдуме Российской Федерации [Электронный ресурс]: федер. конституционный закон от 28.06.2004 г. № 5-ФКЗ (ред. от 24.04.2008) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.fso.gov.ru> (дата обращения: 10.01.2013).
12. Конин Н. М. Социальное публичное управление в системе ветвей власти и видов государственной деятельности // Вестник СГАП. 2002. № 1.
13. О государственной гражданской службе Российской Федерации [Электронный ресурс]: федер. закон от 27.07.2004 г. № 79-ФЗ (ред. от 06.12.2012). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
14. О муниципальной службе в Российской Федерации [Электронный ресурс]: федер. закон от 02.03.2007 г. № 25-ФЗ (ред. от 03.12.2012). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
15. Прокопчина Т. В. Реализация права граждан на доступ к государственной службе: конституционный и административно-правовой анализ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1998.

16. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации [Электронный ресурс]: федер. закон от 06.10.2003 г. № 131-ФЗ (ред. от 25.12.2012). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

© Зайцев М. С., 2013

***

М. В. Коростелева

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ МУНИЦИПАЛЬНОЙ РЕФОРМЫ

В данной работе рассматриваются основные тенденции развития территориальной организации местного самоуправления на современном этапе муниципальной реформы, среди которых ключевой является тенденция к укрупнению муниципальных образований в результате их объединения. Автор анализирует возникающие при этом проблемы и возможные пути их преодоления.

Ключевые слова: преобразование муниципальных образований, объединение муниципальных образований, территория муниципального образования, границы муниципального образования, городской округ, муниципальный район, сельское поселение, городское поселение.

M. V. Korosteleva

TRENDS OF DEVELOPMENT OF THE TERRITORIAL ORGANIZATION OF LOCAL SELF-GOVERNMENT AT THE CURRENT STAGE OF MUNICIPAL REFORM

The article draws attention to the main trends of development of the territorial organization of local self-government at the current stage of municipal reform, among which the trend to enlarge municipal entities by means of their amalgamation is considered to be the key one. The author analyzes the emergent problems and possible ways of their solution.

Keywords: transformation of municipal entities, amalgamation of municipal entities, territory of a municipal entity, boundaries of a municipal entity, urban district, municipal area, rural settlement, urban settlement.

Реформирование территориальной организации местного самоуправления явилось одним из ключевых аспектов муниципальной реформы, начавшейся в России с принятия Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ [1]. Именно территориальная организация местного самоуправления обеспечивает сбалансированность в решении вопросов местного значения и реализации государственных полномочий на местном уровне,

поскольку определяет разграничение вопросов местного значения между видами муниципальных образований.

Конституция Российской Федерации дает лишь общую характеристику реформы, закрепляя, что местное самоуправление осуществляется в городских, сельских поселениях и на других территориях с учетом исторических и иных местных традиций (ч. 1 ст. 131) [2]. В силу обозначенного в нормативных правовых актах, устанавливающих принципы организации местного самоуправления

с 1994 г. по настоящее время, его территориальные основы регламентировались неодинаково. Так, Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» от 28 августа 1995 г. № 154-ФЗ детально не регламентировал муниципальную территориальную организацию, отдавая решение этого вопроса на откуп субъектам Федерации [3]. В результате практика территориальной организации местного самоуправления, существовавшая до недавнего времени, весьма различалась даже в границах одного федерального округа. В ряде субъектов Федерации муниципальные образования формировались только в крупных административно-территориальных единицах — районах и городах республиканского, краевого, областного, окружного значения. Другие субъекты Федерации наделили статусом муниципальных образований также и небольшие городские и сельские населенные пункты.

Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ закрепил исчерпывающий перечень видов муниципальных образований и критерии определения их территорий. Во всех субъектах Российской Федерации в соответствии с нормами этого документа была установлена двухуровневая территориальная организация местного самоуправления, на первом уровне которой находятся городские и сельские поселения, на втором — муниципальные районы и городские округа. При этом в ряде российских регионов на такую модель муниципальной территориальной организации не были сориентированы действующая социальная инфраструктура (сложившаяся в результате уже существовавшего административно-территориального деления), бюджетно-финансовые отношения, кадровый потенциал и т. д. Поэтому одной из основных тенденций реформирования местного самоуправления в последние годы стало изменение его территориальной организации, прежде всего путем объединения муниципальных образований [4, с. 326].

Согласно данным Департамента развития регионов и муниципальных образований Министерства регионального развития Российской Федерации, осуществляющего ежегодный мониторинг развития местного самоуправления в стране,

в последнее время наблюдается процесс сокращения количества муниципальных образований. Так, на 1 июля 2012 г. в Российской Федерации насчитывалось 23 139 муниципальных образований, из них:

- 515 городских округов;
- 1 822 муниципальных района;
- 1 709 городских поселений;
- 18 836 сельских поселений;
- 257 внутригородских территорий городов федерального значения Москвы и Санкт-Петербурга.

По сравнению с данными на 1 марта 2011 г. общее количество муниципальных образований сократилось на 124 единицы [5]. Основной причиной такого сокращения является объединение сельских поселений, вызванное в том числе сложностями реализации всех закрепленных за ними вопросов местного значения в связи с недостаточным экономическим потенциалом данного типа муниципальных образований [6]. Особо отмечается продолжение массового объединения сельских поселений в Костромской (количество сельских поселений сократилось на 12), Тульской (на 8), Кировской (на 16), Нижегородской (на 8) областях, Республике Татарстан (на 13) и Алтайском крае (на 36) [5].

Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ определяет объединение муниципальных образований как одну из возможных форм их преобразования (ч. 1 ст. 13). Способствовать объединению муниципальных образований вправе население муниципального образования, органы местного самоуправления, органы государственной власти субъектов Российской Федерации, федеральные органы государственной власти. Инициатива населения о преобразовании муниципального образования реализуется в порядке, установленном федеральным законом и принимаемым в соответствии с ним законом субъекта Российской Федерации для выдвижения инициативы проведения местного референдума. Инициатива органов местного самоуправления, органов государственной власти о преобразовании муниципального образования оформляется их решениями.

Независимо от того, кем инициировано объединение муниципальных образований, эта процедура не требует проведения голосования населения

по данному вопросу и осуществляется с учетом его мнения, выраженного органами соответствующих муниципальных образований. Так, объединение двух и более поселений, не влекущее изменения границ иных муниципальных образований, осуществляется с согласия населения каждого из поселений, выраженного представительным органом каждого из объединяемых поселений. Такое преобразование влечет создание новой муниципальной единицы.

Объединение двух и более муниципальных районов, не влекущее изменения границ иных муниципальных образований, осуществляется с учетом мнения населения, выраженного представительными органами каждого из объединяемых муниципальных районов. Такое преобразование ведет к созданию муниципального образования.

Объединение поселения с городским округом осуществляется с согласия их населения, выраженного представительными органами, а также с учетом мнения населения муниципального района, выраженного его представительным органом. Поселение, объединенное с городским округом, утрачивает статус муниципального образования. Кроме того, объединение городского поселения с городским округом осуществляется одновременно с изменением административно-территориального устройства субъекта Российской Федерации, в результате которого происходит объединение города, находящегося на территории городского округа, и города (поселка), находящегося на территории городского поселения и являющегося его административным центром.

Объединение муниципальных образований нередко называют их укрупнением, поскольку вновь образованное в его результате муниципальное образование территориально действительно становится крупнее, больше.

Хотя наибольшее количество изменений в территориальной организации местного самоуправления произошло в субъектах Центрального, Приволжского и Сибирского федеральных округов, эта тенденция затронула и субъекты, входящие в состав других округов [5]. Не стал исключением Южный федеральный округ, и Волгоградская область в частности. Летом 2012 г. четырнадцать сельских поселений, входящих в состав Михай-

ловского муниципального района, объединились с городским округом город Михайловка. Слияние произошло с согласия населения городского округа и сельских поселений, а также с учетом мнения населения муниципального района. Согласие было выражено представительными органами городского округа, каждого сельского поселения и муниципального района. Предварительно по данному вопросу в сельских поселениях, объединившихся с городским округом, прошли публичные слушания (их проведение, согласно ч. 3 ст. 28 Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ, являлось обязательным). В июне 2012 г. Волгоградской областной думой был принят Закон Волгоградской области «Об объединении сельских поселений, входящих в состав Михайловского муниципального района Волгоградской области, с городским округом город Михайловка Волгоградской области, внесении изменений в Закон Волгоградской области от 25 марта 2005 г. № 1033-ОД „Об установлении границ и наделении статусом города Михайловки Волгоградской области“ и признании утратившими силу отдельных законодательных актов Волгоградской области» [7]. Со дня его вступления в силу городской округ города Михайловка и сельские поселения, входящие в состав Михайловского муниципального района, считаются преобразованными. Сельские поселения, входящие в состав Михайловского муниципального района и объединившиеся с городским округом, утрачивают статус муниципальных образований. Правопреемником сельских поселений, входящих в состав Михайловского муниципального района и утративших статус муниципальных образований после их объединения с городским округом, равно как и самого муниципального района, определен городской округ, в том числе в сфере бюджетных и имущественных отношений.

После объединения муниципальных образований был изменен также Закон Волгоградской области от 25 марта 2005 г. № 1033-ОД «Об установлении границ и наделении статусом города Михайловки Волгоградской области», согласно положениям которого в состав городского округа города Михайловка в настоящее время входят такие населенные пункты, как город (1), рабочий посе-

лок (1), поселок (2), село (2), станица (2), хутор (47), ж/д разъезд (1) [8].

Предполагается, что аналогичный процесс объединения сельских поселений с городскими округами будет продолжен и укрупнению подвергнутся такие городские округа, как Камышин, Урюпинск и Фролово. По мнению региональных экспертов, укрупнение этих муниципальных образований позволит снизить затраты на содержание аппарата управления, уберет дублирующие функции параллельно работающих администраций, улучшит качество управления территориями и приведет к слому сложившихся в районах коррупционных чиновничьих кланов [9]. Известно, что проблемы, вызванные ростом количества коррупционных проявлений в деятельности муниципальных органов, оказывают весьма негативное влияние на возможность реализации гражданами и хозяйствующими субъектами своих прав и законных интересов, существенно снижают эффективность муниципального управления [10, с. 106].

В целом принимая их позицию, отметим, что, поскольку в состав территории городского поселения могут входить также территории, предназначенные для развития его социальной, транспортной и иной инфраструктуры (включая территории поселков и сельских населенных пунктов, не являющихся муниципальными образованиями), возникает вопрос, приведет ли к развитию инфраструктуры городского округа включение в его состав слишком большого числа территориальных образований, которые даже с натяжкой нельзя назвать урбанизированными. Признание территорий всех присоединяемых к городу сельских поселений зоной перспективного развития его инфраструктуры весьма сомнительно.

Следует также обозначить, что установленные в ст. 11 Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ требования к границам городских поселений и городских округов не предписывают устанавливать их с учетом пешеходной или транспортной доступности для населения, как в случае с границами сельских поселений и муниципальных районов. Понятно, что федеральный законодатель не предполагал территориальной «разбросанности» населенных пунктов, которые входят в состав городского поселения или городского округа.

Однако в свете сложившейся практики представляется, что требования к границам городских поселений и, следовательно, городских округов, в состав территории которых помимо одного города или одного поселка входят территории поселков и сельских населенных пунктов, не являющихся муниципальными образованиями, необходимо более детально регламентировать.

В Волгоградской области преобразование муниципальных образований произошло в предусмотренной федеральным законодателем форме объединения поселения с городским округом, но нередко на практике объединение муниципальных образований происходит и в формах, которые прямо не предусмотрены в Федеральном законе от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ, так как этот акт, определяя объединение муниципальных образований в качестве одной из форм их преобразования, не ограничивает виды муниципальных образований, которые могут объединиться. А. Н. Максимов в качестве ключевой проблемы отмечает двойственность толкования ст. 13 названного закона, где в ч. 1 перечень форм преобразования муниципальных единиц обозначен широко, а в чч. 2—8 — существенно сужен [11, с. 24].

Подобная коллизия истолковывается таким образом, что другие разновидности объединения и разделения муниципальных образований возможны, однако осуществляются вне специальных процедур, что является причиной противоречивой правоприменительной практики. В одних случаях при наличии объективных предпосылок для объединения или разделения муниципальных образований в формах, прямо не предусмотренных чч. 2—8 ст. 13 Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ, заинтересованные лица воздерживаются от инициирования и реализации соответствующих процедур. В других случаях, напротив, органы государственной власти пытаются реализовать определенные процедуры объединения муниципальных образований, которые прямо законом не предусмотрены и правомерность которых оспаривается. В связи с этим он предлагает закрепить в федеральном законодательстве следующие процедуры:

— преобразование городского округа в муниципальный район или муниципального района (с поселениями на его территории) в городской округ;

— объединение (двух и более) и разделение (на два и более) городских округов;

— объединение имеющих общие границы поселений различных муниципальных районов;

— изменение статуса городского поселения на сельское и наоборот [11, с. 24—25].

На практике чаще всего территориальная реорганизация местного самоуправления осуществлялась в прямо не предусмотренной Федеральным законом от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ форме объединения муниципального района и всех поселений в его границах в единый городской округ. Поэтому заслуживает внимания сделанное авторами итогового доклада «Местное самоуправление в России: состояние, проблемы, пути совершенствования» предложение законодательного закрепления обязательных условий, при которых возможно преобразование района в городской округ. К числу этих условий отнесены следующие:

1) в одном из населенных пунктов муниципального района, имеющем статус города, проживает по данным государственной статистики на 1 января года, в котором инициируется процедура объединения муниципальных образований, более 1/2 жителей муниципального района в целом;

2) в утвержденном генеральном плане городского поселения, «ядро» которого составляет этот город, содержится обоснованное предложение об изменении границ данного городского поселения;

3) территория городского поселения составляет не менее половины (вариант — 1/3 части) территории всего муниципального района.

Процедура объединения должна предусматривать получение согласия населения. Вновь образованный городской округ выступает в данном

случае правопреемником всех объединяемых поселений и муниципального района.

Подобная схема, по мнению ее авторов, и создает гарантии от неоправданного уменьшения возможностей граждан на участие в местном самоуправлении и одновременно открывает дорогу для адекватной процессам «расползания городов» и градостроительного планирования эволюции территориальной организации местного самоуправления [12, с. 231—232].

Поддерживая позицию авторов, хотим подчеркнуть важность определения критериев объединения муниципальных образований, поскольку первоначально при их создании и установлении границ применялись преимущественно два критерия зонирования: демографический (численность населения) и пространственный (доступность административного центра). При этом практически не учитывался экономический фактор [4, с. 326]. В результате многие муниципальные образования экономически несостоятельны и не имеют финансовых перспектив.

Здесь в противоречие вступают две цели: приближение муниципальной власти к населению и обеспечение экономической самостоятельности муниципалитетов. Поселенческие органы местного самоуправления созданы повсеместно и действительно стали ближе к населению, но их малая экономическая база только дискредитирует этот уровень власти. Тем значимее представляется системное решение вопросов территориальной организации местного самоуправления, причем проводить его следует в соотношении с другими аспектами территориальной организации государства.

Список библиографических ссылок

1. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: федер. закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2003. № 40. Ст. 3822.

2. Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. (с учетом поправок, внесенных законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 г. № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 г. № 7-ФКЗ) // Рос. газ. 2009. № 7.

3. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: федер. закон от 28 августа 1995 г. № 154-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1995. № 35. Ст. 3506.

4. Стрижкина И. В. Укрупнение муниципальных образований — результат реформирования местного самоуправления на Алтае // Известия Алтайского гос. ун-та. 2011. № 2—1 (70). С. 325—330.

5. Итоги ежегодного мониторинга развития местного самоуправления в Российской Федерации за 2011 г. [Электронный ресурс]. Систем. требования: Adobe Acrobat Reader. URL: http://www.minregion.ru/upload/documents/2012/08/270812/270812_itogi_1.pdf (дата обращения: 12.01.2013).

6. В Минрегионе России обсуждены вопросы развития муниципальных образований [Электронный ресурс]. URL: <http://www.minregion.ru/activities/msu/2159.html> (дата обращения: 14.11.2012).

7. Об объединении сельских поселений, входящих в состав Михайловского муниципального района Волгоградской области, с городским округом город Михайловка Волгоградской области, внесении изменений в Закон Волгоградской области от 25 марта 2005 г. № 1033-ОД «Об установлении границ и наделении статусом города Михайловки Волгоградской области» и признании утратившими силу отдельных законодательных актов Волгоградской области»: закон Волгоградской области от 28 июня 2012 г. № 65-ОД // Волгоградская правда. 2012. № 115.

8. Об установлении границ и наделении статусом города Михайловки Волгоградской области: закон Волгоградской области от 25 марта 2005 г. № 1033-ОД // Волгоградская правда. 2005. № 60.

9. В регионе готовятся к укрупнению Камышин и Урюпинск [Электронный ресурс]. Сайт новостей г. Волгограда. URL: <http://v1.ru/text/news/600526.html> (дата обращения: 12.01.2013).

10. Абезин Д. А. Ограничения и запреты для главы муниципального образования // Научный вестник ВАГС. Серия «Юриспруденция». 2011. № 2(6). С. 106—110.

11. Максимов А. Н. Территориальная организация местного самоуправления в России: проблемы совершенствования правового регулирования: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010.

12. Местное самоуправление в России: состояние, проблемы, пути совершенствования. Итоговый доклад Института современного развития. М.: Экон-Информ, 2009.

© Коростелева М. В., 2013

***

А. М. Солнцева, О. С. Музалева, А. С. Шварова

О СОЗДАНИИ СПЕЦИАЛИЗИРОВАННЫХ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ СУДОВ ДЛЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОЙ ЗАЩИТЫ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ПРАВ ГРАЖДАН

Предпринята попытка правового осмысления создания специализированных экологических судов в целях более эффективной защиты окружающей среды и экологических прав человека. Рассматриваются различные модели экологических судов на примере конкретных стран, указываются аргументы «за» и «против» создания такого типа судов.

Ключевые слова: экологическое право, экологические права человека, экологические суды, доступ к правосудию по вопросам окружающей среды.

A. M. Solntsev, O. S. Muzaleva, A. S. Shvarova

ABOUT THE CREATION OF SPECIALIZED ENVIRONMENTAL COURTS TO PROVIDE THE EFFECTIVE PROTECTION OF CITIZENS' ENVIRONMENTAL RIGHTS

The authors make an attempt to legally comprehend the creation of specialized environmental courts in order to more effectively protect the environment and environmental human rights. The article focuses on different models of environmental courts through the example of certain countries and represents pros and cons of the creation of courts of this type.

Keywords: environmental law, environmental human rights, environmental courts, access to justice on environmental issues.

За последние два десятилетия нормы экологического права и нормы в области прав человека тесно переплелись. Сегодня среди категорий прав человека принято выделять экологические права, и их исполнение может быть обеспечено в судебном порядке как на национальном, так и международном уровнях. Многие национальные конституции включают положения, гарантирующие защиту экологических прав. В международных универсальных и региональных инструментах защиты прав человека экологические права либо зафиксированы напрямую, либо выводятся путем расширительного толкования из уже признанных прав человека (право на жизнь, право на здоровье и т. д.) [1; 2].

Существующие гражданские и политические права могут быть использованы, чтобы предоставить физическим лицам, группам лиц или НПО доступ к экологической информации, средствам правовой защиты и политическому процессу. В этом смысле их роль заключается том, чтобы

способствовать осуществлению процесса принятия решений, связанных с защитой окружающей среды, и принуждению государств к гарантированию минимальных стандартов по защите жизни и собственности от вреда, связанного с ухудшением состояния окружающей среды [3, с. 34]. Также можно рассматривать право на благоприятную окружающую среду как одно из экономических и социальных прав, подобно тем, необходимость постепенной реализации которых определена Международным пактом об экономических, социальных и культурных правах 1966 г.

В судебной практике ряда государств вопрос взаимоотношения прав человека и защиты окружающей среды получает дальнейшую интерпретацию. Например, Верховный суд Индии указывает на то, что право на жизнь является фундаментальным правом, закрепленным в Конституции, и включает также право на чистую воду и воздух, необходимые для полноценной жизни [4, с. 16].

Сегодня в правовой доктрине принято выделять материальное экологическое право (право на благоприятную окружающую среду) и процессуальные экологические права (доступ к информации, участие общественности и доступ к правосудию). В настоящей статье речь как раз пойдет об одном из процессуальных экологических прав — *праве на доступ к правосудию по вопросам окружающей среды*.

Принцип 10 Декларации Рио-де-Жанейро об окружающей среде и развитии 1992 г. (Декларация Рио) гласит: «Экологические вопросы решаются наиболее эффективным образом при участии всех заинтересованных граждан — на соответствующем уровне. На национальном уровне каждый человек должен иметь соответствующий доступ к информации, касающейся окружающей среды, которая имеется в распоряжении государственных органов, включая информацию об опасных материалах и деятельности в их общинах, и возможность участвовать в процессах принятия решений. Государства развивают и поощряют информированность и участие населения путем широкого предоставления информации. Обеспечивается эффективная возможность использовать судебные и административные процедуры, включая возмещение и средства судебной защиты» [1, с. 13].

Со времени принятия этого принципа Рио его элементы (доступ к информации, участие общественности и доступ к правосудию) постепенно стали получать все большее признание и стали все в большем объеме осуществляться по всему миру. Вследствие этого общественность становится важной заинтересованной стороной в принятии решений, в законодательном процессе и разработке политики в области окружающей среды, а также в реализации мер по соблюдению и обеспечению выполнения как на национальном, так и на международном уровнях. Многие страны (в том числе Африки, Азии, Латинской Америки и Карибского бассейна), ввели в действие законодательство по этому вопросу, хотя в ряде случаев оно в недостаточной мере охватывает все три элемента принципа 10 Декларации Рио. На региональном уровне он уже кодифицирован и развит в Конвенции Европейской экономической комиссии ООН о досту-

пе к информации, участию общественности в процессе принятия решений и доступе к правосудию по вопросам, касающимся окружающей среды 1998 г. (Орхусская конвенция). Однако ни на глобальном уровне, ни в других регионах не существует сопоставимого документа. Элементы Принципа 10 также можно обнаружить в различных многосторонних глобальных экологических соглашениях.

Вопрос о доступе к правосудию по вопросам окружающей среды рассматривался Программой ООН по окружающей среде (ЮНЕП) неоднократно. В результате двухлетних обсуждений на 11-ой специальной сессии Совета управляющих ЮНЕП был принят текст *Руководящих принципов разработки национального законодательства о доступе к информации, участию общественности и доступе к правосудию по вопросам окружающей среды* (Бали, Индонезия, 24—26 февраля 2010 г.). 12 из 26 руководящих принципов посвящены вопросам доступа к правосудию, где подробно раскрывается содержание данного права человека. Этот документ хотя и не является юридически обязательным международным документом, но представляет собой консенсус всех государств мира по данному вопросу. Итак, согласно названному документу, сегодня государства должны в соответствии с действующим законодательством обеспечивать доступ любого физического или юридического лица к суду или другому независимому и беспристрастному органу для решения различных вопросов, связанных с окружающей средой, например, для опротестования материальной и процессуальной законности любого решения, акта или бездействия, касающегося участия общественности в процессе принятия решений по вопросам окружающей среды или для опротестования любого решения, акта или бездействия государственных органов или частных субъектов, которые имеют последствия для окружающей среды или, по их утверждению, нарушают материальные или процессуальные правовые нормы государства, касающиеся окружающей среды.

Данное право можно реализовывать разными средствами. В настоящее время в мире существует тенденция к формированию специализированных экологических судов (в некоторых странах — три-

буналов). Если до начала экологического движения 70-х гг. XX в. существовало только несколько специализированных органов по рассмотрению споров, связанных с окружающей средой, то по данным на 2010 г. было создано более 360 национальных и региональных экологических судебных инстанций более чем в 50 странах мира. При этом половина из них появилась в период с 2008 по 2010 гг. (например, в Боливии, Бельгии, Китае, Англии, Парагвае, Филиппинах, ЮАР и Таиланде) [5, с. 11—12].

Среди основных факторов, определивших такой резкий скачок увеличения числа специализированных экологических судов, можно назвать следующие: рост количества и масштабов экологических проблем; принятие во многих странах комплексного экологического законодательства; активизация позиции гражданского общества (в том числе активное участие НПО в судебных разбирательствах); неспособность судов общей юрисдикции эффективно осуществлять правосудие в сфере защиты окружающей среды [6].

С одной стороны, каждый из таких судебных институтов является уникальным, поскольку экологические проблемы, в ответ на которые создавались эти органы, нормативно-правовая база, политические институты, а также культурные и религиозные нормы в соответствующих странах разнятся. Однако, с другой стороны, все экологические суды имеют определенные общие черты и вносят значительный вклад в процесс осуществления защиты экологических прав человека [7, с. 5].

Вокруг создания специализированных экологических судов ведутся серьезные дебаты. Существуют аргументы как в пользу таких судебных инстанций, так выражающие сомнение в их эффективности.

К первой группе аргументов можно отнести следующие.

Специализация судов обеспечивается глубокими судебскими знаниями. Предполагается, что судьи в экологических судах будут обладать большим опытом по рассмотрению споров, связанных с нормами экологического права, нежели их коллеги в судах общей юрисдикции, поскольку наличие такового является обязательным критерием для их назначения. Также многие экологи-

ческие суды имеют в своем составе экспертов, специализирующихся в технических областях, знание и опыт которых могут внести значительный вклад в эффективное рассмотрение сложных дел, затрагивающих вопросы окружающей среды.

Эффективность. Из-за значительной нагрузки, которую испытывают суды общей юрисдикции, увеличиваются сроки рассмотрения жалоб, что ведет к большим издержкам как со стороны государств, так и со стороны частных лиц. Создание специализированных судов позволяет сделать процесс рассмотрения экологических жалоб более эффективным.

Возможность для государства показать своим гражданам действительную озабоченность экологическими проблемами и намерение повлиять на существующую ситуацию.

Значительное сокращение издержек благодаря организации собственных процедур.

Обеспечение единообразия судебной практики по экологическим вопросам, что дает сторонам возможность прогнозировать вероятный исход дела на основании ранее принятого решения, а также исключить такой негативный фактор, как выбор «удобного суда» (forum shopping), когда стороны могут выбирать суд, где, по их мнению, наиболее вероятно принятие решения в их пользу.

Возможность расширить субъектный состав судебного разбирательства, поскольку открывается дорога для исков, вытекающих из общественного интереса, участия в процессе заинтересованных третьих лиц, групповых исков и т. д.

Возможность устанавливать приоритеты по рассмотрению срочных дел, в то время как в судах общей юрисдикции дела по экологическим вопросам, как правило, рассматриваются в зависимости от срока их поступления и часто откладываются в силу их комплексного характера.

Возможность активно использовать альтернативные способы разрешения экологических споров. По словам Дж. и К. Принг, более половины экологических судов поддерживают альтернативное разрешение споров, включая мировое соглашение, процедуру посредничества, независимую экспертизу третьими лицами, арбитраж, и даже реституционное правосудие [8, с. 15].

Возможность применять экологическими судами интегрированный подход к рассмотрению дел, связанных с окружающей средой, и принимать решения по вопросам, которые обычно относятся к компетенции разных органов, однако взаимосвязаны между собой (например, зонирование, строительство, соответствие эпидемиологическим и санитарным нормам, лимиты выбросов в атмосферу, перевозка отходов, оценка воздействия на окружающую среду, требования по сохранению окружающей среды и др.).

Наконец, *специализированные экологические инстанции могут сочетать в своей деятельности различные юрисдикции* (гражданскую, уголовную, административную), что позволит суду применить наиболее эффективное средство судебной защиты экологических прав (опция, не доступная обычному суду). Реализация данной возможности в целом ряде стран, в том числе в России, представляется крайне затруднительной.

Как отмечает Председатель Суда по экологическим и земельным спорам Нового Южного Уэльса (Австралия) Бр. Престон, специально учрежденный экологический суд способен наиболее эффективно осуществлять функцию судебной системы по толкованию и обеспечению исполнения законодательных актов в целях достижения устойчивого развития [9].

Существуют также аргументы против экологических судов. В ответ на доводы о комплексном характере дел, связанных с охраной окружающей среды, критики утверждают, что есть отрасли права, регулирующие вопросы не менее сложные (например, информационное право), поэтому не следует выделять экологическое право, создавая специализированные инстанции.

Высказываются также опасения по поводу возможной «маргинализации» экологических дел, придания им меньшего значения в случае их отделения в компетенцию отдельных судебных органов [10].

В некоторых случаях возникают сомнения в необходимости создавать экологические суды из-за недостаточного количества дел для формирования отдельного звена судебной системы. Так, в Республике Бангладеш, где, прежде чем быть рассмотренным специализированным экологическим судом,

дело направляется в Министерство по окружающей среде для принятия решения о соответствии дела критерию приемлемости. До суда доходит незначительное количество дел, и поэтому судьи вынуждены принимать к рассмотрению дела, не имеющие отношения к экологическим вопросам. Такое положение не устраивает население Республики, и сейчас обсуждается законопроект по изменению существующей ситуации [11, с. 288].

Очевидно, что создание нового органа требует серьезных финансовых средств на оплату труда судей, персонала, помещений, оборудования, обучения и повышения квалификации и т. д.

К доводам против создания специального органа по рассмотрению экологических споров можно отнести сложность определения подсудности дел комплексного характера. Как определить, к компетенции суда общей юрисдикции или экологического трибунала относится то или иное дело «с экологическим элементом»?

Кроме того, в отношении небольших экологических трибуналов существует вероятность оказания давления со стороны влиятельных групп, когда последние могут влиять на процесс назначения судей, продвижение по службе, заработную плату и финансирование.

Все же, несмотря на заявления противников специализированных инстанций, количество создаваемых экологических судов показывает, что идея организации экологических судов более чем жизнеспособна.

При создании экологического суда необходимо решить целый комплекс вопросов: вид суда; юрисдикция; уровень в системе национальных судов (низшие инстанции, Верховный суд); территориальное действие; объем дел; процессуальная правоспособность; затраты; доступ к научной и технической экспертизе; альтернативное урегулирование споров; компетенция судей; управление делами; исполнение решений и способы правовой защиты.

Экологический суд может быть создан в различных формах: в качестве специализированного суда, как, например, в штате Вермонт в США, в Новом Южном Уэльсе в Австралии, в Онтарио в Канаде, Новой Зеландии — это независимые от исполнительной и законодательной власти суды,

в которых работают судьи-эксперты в области экологического права, их деятельность финансируется отдельно.

Экологический суд может также функционировать в рамках судебной системы в качестве подразделения, рассматривающего экологические споры. В таком случае не требуется издания специального законодательного акта и отдельного бюджета. Подобная система действует в Нидерландах, Дании, Финляндии, Швеции.

Это может быть также суд, состоящий не только из профессиональных судей, но и из непрофессионалов. В Кении, например, в Национальный экологический трибунал назначаются председатель, имеющий квалификацию судьи Высокого суда, адвокат Высокого суда Кении, назначаемый ассоциацией юристов Кении, юрист, специализирующийся на экологическом праве, а также два лица, обладающих знаниями в области экологического менеджмента [12].

Большое значение имеет географический охват, особенно для тех стран, где есть труднодоступные районы. Для решения таких проблем в разных государствах используются различные способы. Так, экологический суд в Новой Зеландии является районным судом. В ряде стран проводятся он-лайн слушания, используются теле- и видеоконференции (например, в Австралии) [13].

В связи с тем, что экологические проблемы — это сложный комплекс вопросов, который затрагивает как правовые, так и аспекты технического характера, следовательно, требуется оценка экспертов. Вопрос привлечения экспертов представляется важным при рассмотрении данной категории дел. Существуют разные подходы к привлечению экспертов. Суд может сам назначить экспертов за счет средств, заложенных в бюджет суда (Онтарио, Канада), или основываться на экспертных заключениях, представленных сторонами (Вермонт, США), или услуги экспертов оплачиваются сторонами, но действуют по указанию суда (Новый Южный Уэльс, Австралия). Эксперты могут также выступать в равном качестве с судьями. Такая модель существует в Швеции и Индии [14, с. 9—10].

Интересна структура экологического суда в Новой Зеландии. Он состоит из главного судьи, судейского корпуса, комиссаров и их заместите-

лей. Судьи одновременно являются судьями районных судов. Комиссары назначаются на пять лет и должны обладать знаниями и опытом в соответствующих областях (местное самоуправление, управление ресурсами, экология, технические науки, геодезия, ландшафтная архитектура, альтернативные средства разрешения споров и по вопросам, связанным с коренными народами маори). Обычно в судебном процессе участвуют один судья и 2 комиссара, т. е. обеспечивается объективное рассмотрение дела: с позиции права и учитывая знания в специальных областях [15].

Большое внимание уделяется альтернативным методам разрешения споров. Комиссар может выступить в качестве медиатора. Если спор не урегулирован посредством медиации, то он подлежит рассмотрению в суде, при этом комиссар, являющийся медиатором в данном споре, не может участвовать в судебном процессе, если стороны не дадут на это свое согласие. В Новой Зеландии такой способ разрешения споров активно используется Судом, с его помощью разрешается около 50 % дел [16].

В целом использование альтернативных методов разрешения споров обеспечивает гибкость судебной системы, что с учетом понятия естественной справедливости и разумности позволяет суду оперативно откликаться на разнообразие и сложность рассматриваемых дел.

В 2004 г. были приняты новые правила управления нагрузкой Суда. Экологический суд в Новой Зеландии использует различные методы урегулирования споров (использование различных подходов к рассмотрению дел путем распределения их в разные категории, применение альтернативных методов). Дела подразделяются на три категории: стандартные, сложные и приостановленные. Первая категория включает в себя дела наименьшей сложности, которые не требуют срочного рассмотрения; Суд должен назначить слушание по такому делу в течение шести месяцев. Вторая категория содержит приоритетные и срочные вопросы, касающиеся, прежде всего, планирования и строительства крупных инфраструктурных проектов; такие дела рассматриваются Судом в первую очередь. К третьей категории относятся дела, рассмотрение которых стороны решили отложить

по взаимному согласию для того, чтобы попытаться урегулировать спор путем ведения консультаций и переговоров; в любое время рассмотрение дела может быть возобновлено по заявлению сторон, однако стороны обязаны периодически информировать Суд о ходе переговоров, чтобы спор не остался неурегулированным. Такой способ представляется действенным, так как, с одной стороны, снимает нагрузку с суда, а с другой — не удаляет его совсем, оставляя ему надзорную функцию как гаранту справедливости и законности.

Рассмотренная выше система распределения нагрузки Экологического суда Новой Зеландии достаточно эффективна и может быть использована в работе аналогичных судов.

Важным моментом также является срок исковой давности. Например, в Индии он составляет шесть месяцев с момента, когда возникло основание для подачи иска. При наличии уважительных причин Суд может продлить этот срок еще на 60 дней [17]. Некоторые ученые считают, что этот временной период слишком мал. Такой точки зрения придерживается, например, Г. Н. Джилл, профессор юридического факультета Университета Дели. Он полагает, что в определенных ситуациях последствия загрязнения могут быть не сразу заметны и заявить о себе позднее, например, в процессе переплавки цветных металлов, сжигания топлива выделяется мышьяк, который загрязняет воздух, воду и почву и вредит здоровью [18, с. 465]. В таком случае нарушается один из ключевых принципов экологического права: загрязнитель платит.

Рассмотрим более подробно еще одну модель экологического суда, существующую в Австралии. Суд Нового Южного Уэльса по земельным и экологическим вопросам является специализированным судом высшего звена. В его юрисдикцию входит рассмотрение дел по существу, пересмотр дел, обеспечение в судебном порядке исполнения гражданско-правового законодательства, уголовное преследование, пересмотр уголовных дел в порядке апелляции, а также рассмотрение гражданских исков по вопросам, связанным с землеустройством, окружающей средой, собственностью на землю, добычей полезных ископаемых и др. [13].

В своей работе Суд опирается на соблюдение важнейших принципов: верховенство права; равенство всех перед законом; доступ к правосудию; справедливость, беспристрастность и независимость в принятии решений; ясный, определенный и своевременный характер процедур; предоставление отчетности о своей деятельности; применение наивысших стандартов в отношении компетентности и личных качеств судей, экспертов и иного персонала.

Включая Председателя, в Суд по земельным и экологическим вопросам входят шесть постоянных судей. Данные судьи имеют такой же статус, что и судьи Верховного суда.

В Суде также работают 9 комиссаров — это эксперты, которые назначаются на семилетний срок в силу их квалификации, специализированных знаний и опыта в следующих областях: управление землеустройством на местном уровне; планирование охраны окружающей среды на государственном и местном уровнях; наука об охране окружающей среды, оценка состояния окружающей среды; право и оценка стоимости земельных участков; архитектура, проектирование, геодезия, строительство; рациональное использование природных ресурсов.

Производство в суде можно разделить на три основные категории, которые отражают смешанную юрисдикцию суда.

1. *Административная.* Суд рассматривает решения, принятые государственными органами и должностными лицами в сфере охраны окружающей среды и землеустройства.

2. *Судебное разбирательство по вопросам землеустройства и охраны окружающей среды,* осуществляемое посредством: судебного контроля (пересмотр административных решений по заявлению физических или юридических лиц); обеспечения в судебном порядке исполнения гражданского законодательства (процесс, начатый государственными органами для устранения нарушений законодательства в области землеустройства и охраны окружающей среды); уголовного процесса (судебное разбирательство, вытекающее из правонарушения или угрозы нарушения экологических прав со стороны физических или юридических лиц).

3. *Апелляционная.* Суд осуществляет пересмотр приговоров местных судов за экологические правонарушения и решений комиссаров в апелляционном порядке.

Таким образом, мы видим, что в настоящее время создано множество экологических судов. Все они имеют различную форму и компетенцию, однако у них общее предназначение — обеспечить защиту экологических прав человека при помощи эффективного доступа к правосудию.

В заключение хотелось отметить, что в конце 2011 г. Председатель Следственного комитета России Александр Бастрыкин предложил создать в нашей стране специализированные экологические суды [19]. Данное решение следует поддерживать. В России за последние годы много сделано в ходе судебной реформы. Но именно в области экологии она оказалась наименее эффективной: суды и арбитражные суды не повернулись лицом

к экологическим делам, практически не проводится их обобщение, не осуществляется должная экологическая специализация судей, экологические дела весьма неохотно принимаются к производству, редко рассматриваются по существу, задерживается обеспечение экологических исков граждан в судебных инстанциях. Здесь немало объективных причин: загруженность судей, отсутствие квалификации, актуальность многих других неэкологических дел (о коррупции, об организованной преступности, о выборах, чести и достоинстве), недостаточное общественное внимание к вопросам экологии, экономический кризис в стране. Это может быть достигнуто путем создания специализированных экологических судов. Ликвидация указанных недостатков будет означать продвижение правовой реформы в экологии судов с учетом имеющегося зарубежного опыта и российской специфики.

Список библиографических ссылок

1. Абашидзе А. Х., Васильев Ю. Г., Солнцев А. М. Международное экологическое право: док. и коммент. Вып. III. Экологические права человека. М.: РУДН, 2010.
2. Солнцев А. М., Петрова Н. А. Как заставить государства соблюдать экологические права человека? // Международное право — International law. 2010. № 4 (44). С.41—49.
3. Boyle A. Human Rights or Environmental Rights? A Reassessment [Электронный ресурс] // Fordham University Law School. March 2, 2007. Систем. требования: Adobe Acrobat Reader. URL: http://www.law.ed.ac.uk/file_download/publications/0_1221_humanrightsorenvironmentalrightsareasses.pdf (дата обращения: 30.05.2010).
4. Kothari A., Anuprita P. Environment and human rights. An Introductory Essay and Essential Readings [Электронный ресурс]. National Human Rights Commission of India, 2006. URL: <http://www.nhrc.nic.in> (дата обращения: 11.05.2010).
5. Pring G., Pring C. Increase in environmental courts and tribunals prompts new global institute // Journal of court innovation. 2010. V. 3. № 1. P. 11—23.
6. Hon. Justice Brian J. Preston Operating an Environment Court: the experience of the Land and environment Court of New South Wales // 25 ENV'T & PLAN. L. J. 2008. P. 385.
7. Sheila Abed de Zavala, Antonio Herman Benjamin, Hilario G. Davide Jr., Alexandra Dunn, Parvez Hassan, Donald W. Kaniaru, Richard Macrory, Brian John Preston, Nicholas A. Robinson and Merideth Wright An institute for enhancing effective environmental adjudication // Journal of court innovation. 2010. V. 3. № 1. P. 1—11.
8. Pring G., Pring C. Greening Justice: Creating and Improving Environmental Courts and Tribunals, The Access Initiative, 2009 [Электронный ресурс]. Систем. требования: Adobe Acrobat Reader. URL: <http://moef.nic.in/downloads/public-information/Greening%20Justice.pdf> (дата обращения: 11.05.2010).
9. Preston Operating an environment court: The experience of the Land and Environment Court of New South Wales [Электронный ресурс]. Environmental and Planning Law Journal 25. 2008. P. 385—409. URL: <http://www.lawlink.nsw.gov.au> (дата обращения: 11.05.2010).

10. Cheng E. K. The Myth of the Generalist Judge: An Empirical Analysis of Specialization in the Federal Courts of Appeals [Электронный ресурс]. Stanford Law Review 2008. 61:519-572. Систем. требования: Adobe Acrobat Reader. URL: <http://lawreview.stanford.edu/content/vol61/issue3/Cheng.pdf> (дата обращения: 03.11.2010).
11. Kala Mulqueeny, Sherielysse Bonifacio, Jacqueline Esperilla. Asian judges, green courts and access to environmental justice: an Asian judges network on the environment // Journal of court innovation. V. 3. № 1. P. 288—299.
12. The environmental Management and Coordination Act № 8 of 1999 [Электронный ресурс]. Систем. требования: Adobe Acrobat Reader. URL: http://www.vertic.org/media/National%20Legislation/Kenya/KE_Environmental_Management_Act.pdf (дата обращения: 11.05.2010).
13. The Land and Environment Court Act 1979 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.lawlink.nsw.gov.au> (дата обращения: 1.06.2010).
14. Pring George, Pring Catherine. Specialized Environmental Courts & Tribunals [Электронный ресурс]: Improved Access to Justice for Those Living in Poverty. 2008. P. 1—11. Систем. требования: Adobe Acrobat Reader. URL: <http://www.law.du.edu/documents/ect-study/intro-paper.pdf> (дата обращения: 12.07.2010).
15. Resource Management Act № 69 22 July of 1991 [Электронный ресурс]. Систем. требования: Adobe Acrobat Reader. URL: <http://www.law.du.edu/documents/ect-study/intro-paper.pdf> (дата обращения: 11.05.2010).
16. Marlene Oliver. Environment Commissioner of Environment Court of New Zealand. Implementing Sustainability [Электронный ресурс]. New Zealand's Environment Court-Annexed Mediation. Fifth International Conference on International Environmental Law (8—9 December 2007, New Delhi, India). Систем. требования: Adobe Acrobat Reader. URL: http://www.leadr.co.nz/db/images/M_PDFs/marlene%20oliver%20paper.pdf (дата обращения: 30.05.2010).
17. The National Green Tribunal Act. № 19. 2 June of 2010 [Электронный ресурс]. Систем. требования: Adobe Acrobat Reader. URL: <http://www.elaw.org/system/files/National+Green+Tribunal+Act+2010.pdf> (дата обращения: 11.05.2011).
18. Gitanjali Nain Gill. A Green Tribunal for India // Journal of Environmental Law. 2010. P. 461—474.
19. А. Бастрыкин предложил создать специализированные суды по экологии и по правам несовершеннолетних [Электронный ресурс]. РИА Новости, 29.11.2011. URL: <http://www.vedomosti.ru/> (дата обращения: 29.11.2011).

© Солнцев А. М., Музалева О. С., Шварова А. С., 2013

***

О. И. Ганченко

ОСОБЕННОСТИ КВАЛИФИКАЦИИ ШАНТАЖА

В статье анализируются прикладные аспекты применения уголовно-правовых норм ответственности за шантаж.

Ключевые слова: уголовная ответственность, преступление, шантаж, вымогательство, психическая безопасность, угроза.

O. I. Ganchenko

PECULIARITIES OF THE DETERMINATION OF THE NATURE OF BLACKMAIL

The author analyzes applied aspects of the application of criminal law regulations of responsibility for blackmail.

Keywords: criminal responsibility, crime, blackmail, extortion, mental safety, threat.

Помимо установления конститутивных признаков шантажа, в правоприменительной деятельности возникает также вопрос о квалификации данного общественно опасного деяния. К числу таких следует отнести проблему уголовно-правовой оценки неоконченного шантажа, его совершения в соучастии, отграничения шантажа от иных преступлений.

В соответствии с предписаниями ст. 29 УК РФ преступление признается оконченным, если в совершенном лицом деянии содержатся все признаки состава преступления, предусмотренного отечественным уголовным законом. Неоконченным преступлением признаются приготовление к преступлению и покушение на преступление.

Проведенный нами анализ материалов следственно-судебной практики [1] свидетельствует о том, что в отдельных случаях умысел виновного в шантаже реализуется не полностью по независящим от него причинам, порождая вопрос о квалификации содеянного как неоконченного преступления. Как пишет Д. Ю. Жданухин, «все составы преступления, связанные с использованием шантажа, включают в объективную сторону два деяния (угрозу и требование), если совершено только одно из них, а другое, по независящим от виновного обстоятельствам, не реализовано, то субъект должен нести ответственность за покушение на соответствующее преступление» [2, с. 93].

Вместе с тем сложность в подобных ситуациях вызывает вопрос о совмещенности угрозы и требования. В результате рассмотрения признаков шантажа, если не будет установлено подкрепление требования виновного соответствующей угрозой, оценка содеянного как шантажа исключается. Затруднения могут возникать в тех случаях, когда требование и угрозы отдалены по времени. Кроме необходимости установить связь требования и угрозы нужно определить единого умысла, направленного на достижение единой цели виновного — выгодного варианта поведения потерпевшего.

Практике известны ситуации, когда шантаж совершается в соучастии. При этом изучаемое общественно опасное деяние может быть совершено не только с помощью какой-либо формы соучастия (ст. 35 УК РФ), но и с распределением ролей. Это возможно, в частности, при стремлении виновных к максимальной конспирации своих преступных действий. Например, одно лицо может требовать определенных показаний от потерпевшего, а другое — угрожает распространением нежелательных для огласки сведений.

В этой и подобных ситуациях необходимо установить согласованность действий виновных, их взаимообусловленность, и наличие общего для них умысла.

Стоит отметить, что для признания шантажа оконченным деянием наступления каких-либо

последствий не требуется. По мнению Д. Ю. Жданухина, «причина формулировки именно формальных составов... связана с общественной опасностью и вероятностным характером наступления последствий шантажа и других способов, указанных в упомянутых статьях. Шантаж как стрессовый фактор вызывает, как правило, определенные неблагоприятные изменения в здоровье человека, выполнение же требований, предъявленных при шантаже, может причинить самые разнообразные последствия: от имущественного ущерба до нарушения нормального функционирования системы правосудия. Многоаспектность и достаточная неопределенность негативного воздействия шантажа делает формулирование формальных составов в данном случае оправданным» [2, с. 93—94].

Вместе с тем вполне очевидно, что практически любое действие влечет за собой какие-либо последствия во внешнем мире. Отдельные из них могут потребовать самостоятельной уголовно-правовой оценки. Шантаж, являясь разновидностью психического насилия, может повлечь весьма разнообразные последствия для здоровья человека. В науке уголовного права обосновано, что следствием шантажа может быть в том числе расстройство здоровья потерпевшего [3, с. 226—233].

Необходимо подчеркнуть, что случаи причинения вреда здоровью в результате шантажа не охватываются виновным как способ совершения преступления. В зависимости от характеристик вины субъекта преступления будет наступать уголовная ответственность по соответствующим статьям УК РФ, предусматривающим уголовно-правовые запреты таких деяний (например, причинение тяжкого вреда здоровью по неосторожности).

Иные последствия шантажа, в частности совершение потерпевшим выгодных для виновного актов поведения тоже в определенных ситуациях могут потребовать самостоятельной квалификации. Так, если в результате вымогательства путем шантажа потерпевший передает принадлежащее ему имущество, то этот факт отдельной уголовно-правовой оценки не требует. Аналогично, к примеру, и в случаях дачи показаний, совершения сделки под влиянием шантажа.

В то же время не исключены ситуации, при которых потерпевший под воздействием шантажа будет вынужден совершить преступление. По этому аспекту О. И. Коростылев справедливо отмечает следующее: «В такой ситуации действия лица, склоненного к совершению преступления путем угрозы, будут менее общественно опасны, нежели действия склоненного уговором или подкупом, и даже, в зависимости от конкретных обстоятельств, вплоть до признания их непроступными, так как применяется обстоятельство, исключающее преступность деяния, — психическое принуждение, предусмотренное ч. 2 ст. 40 УК РФ» [4, с. 83].

В силу ч. 2 ст. 40 и ст. 39 УК РФ не является преступлением причинение вреда охраняемым уголовным законом интересам в состоянии крайней необходимости, т. е. для устранения опасности, непосредственно угрожающей личности и правам данного лица или иных лиц, охраняемым законом интересам общества или государства, если эта опасность не могла быть устранена иными средствами и при этом не было допущено превышения пределов крайней необходимости (причинения вреда, явно не соответствующего характеру и степени угрожавшей опасности и обстоятельствам, при которых опасность устранялась, когда указанным интересам был причинен вред, равный или более значительный, чем предотвращенный). Такое превышение влечет за собой уголовную ответственность только в случаях умышленного причинения вреда.

Следовательно, если потерпевший под воздействием шантажа незаконно передает виновному имущество, которое было вверено потерпевшему, то действия первого могут быть квалифицированы как хищение (ст. 160 УК РФ). Применению для потерпевшего от шантажа в таком случае подлежит обстоятельство, смягчающее наказание, предусмотренное п. «е» ч. 1 ст. 61 УК РФ — совершение преступления в результате психического принуждения.

Такой вывод закономерно вызывает вопрос о квалификации действий виновного как подстрекательства к совершению преступления. Согласно ч. 4 ст. 33 УК РФ, подстрекателем признается лицо, склонившее другое лицо к совершению преступ-

ления путем уговора, подкупа, угрозы или другим способом.

В теории уголовного права бытует мнение о том, что статьи российского уголовного закона, «в которых предусмотрена уголовная ответственность за преступления, по своей сути представляющие собой подстрекательские действия... являются специальными по отношению к ч. 4 ст. 33 УК РФ» [5, с. 187]. Исключение составляет вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления (ст. 150 УК РФ). Как разъяснил Пленум Верховного суда РФ, действия взрослого лица по подстрекательству несовершеннолетнего к совершению преступления при наличии признаков состава указанного преступления должны квалифицироваться по ст. 150 УК РФ, а также по закону, предусматривающему ответственность за соучастие (в виде подстрекательства) в совершении конкретного преступления [6]. Как пишет З. А. Абакаров, «государство устанавливает уголовную ответственность специально за подстрекательские действия в отношении несовершеннолетнего, считая именно данный факт общественно опасным и именно за данный факт устанавливая уголовное наказание. Взрослый подстрекатель в данном случае отвечает за сам способ совершения преступления путем использования несовершеннолетнего, который, в свою очередь, уже является субъектом преступления» [5, с. 187].

Необходимо подчеркнуть, что норма Особенной части, предусматривающая по своей сути подстрекательские действия, является специальной по отношению к ч. 4 ст. 33 УК РФ только в том случае, когда в ней прямо указывается на факт вовлечения, склонения, принуждения к преступлению. В противном случае, когда в норме не содержится ссылки на подстрекательство к совершению конкретного преступления, действия виновного следует квалифицировать по совокупности соответствующих преступлений. То есть в описанной ранее ситуации с хищением действия виновного в шантаже (при условии, что он одновременно подстрекал и к совершению хищения) необходимо квалифицировать по совокупности преступлений.

Таким образом, выполнение потерпевшим от шантажа требований виновного влечет уголовную

ответственность первого только в случае, если содеянное потерпевшим образует самостоятельный состав преступления. При назначении наказания учитывается обстоятельство, смягчающее наказание, закрепленное п. «е» ч. 1 ст. 61 УК РФ. Кроме того, при решении вопроса об уголовной ответственности шантажируемого необходимо применять положения ч. 2 ст. 40 УК РФ. В данной ситуации лицо, виновное в шантаже, несет уголовную ответственность только по норме, его предусматривающей, а в случае, когда в такой норме не содержится ссылки на подстрекательство к совершению конкретного преступления, действия виновного следует квалифицировать по совокупности норм об ответственности за шантаж и за подстрекательство к совершению конкретного преступления (ч. 4 ст. 33 УК РФ). Исключение составляет вовлечение несовершеннолетнего путем шантажа в совершение преступления — здесь применению подлежит ст. 150 УК РФ по совокупности с нормой об ответственности за подстрекательство к совершению конкретного преступления.

Практике правоприменения известны случаи, когда виновный в шантаже реализовывал свою угрозу. В подобных ситуациях решению подлежит вопрос об уголовно-правовой оценке таких действий субъекта преступления: «При расследовании случаев шантажа, правоохранительные органы должны учитывать, что получение сведений, используемых при шантаже, их распространение может требовать самостоятельной квалификации по совокупности» [2, с. 95].

Сведения, распространением которых угрожает виновный в шантаже, могут составлять охраняемую законом тайну, и виновный может ею обладать отнюдь не на законных основаниях. В таком случае необходимо установить ее происхождение. В частности, уголовную ответственность влечет незаконное собирание сведений о частной жизни лица, составляющих его личную или семейную тайну, без его согласия (ст. 137 УК РФ), собирание сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну, путем похищения документов, подкупа или угроз, а равно иным незаконным способом (ст. 183 УК РФ).

Вместе с тем исследовательский интерес представляет вопрос о распространении соответствующих сведений. А. Г. Уфалов утверждает, что

реализация угрозы распространения заведомо ложных, вымышленных, позорящих сведений о потерпевшем или его близких влечет за собой квалификацию по совокупности за шантаж и клевету [7, с. 138], а исполнение угрозы распространения информации частного характера, составляющей личную или семейную тайну, например, о здоровье потерпевшего или его близких, их привычках, образе жизни, отношении к религии, интимных связях, бывшей судимости, некредитоспособности, больших долгах и т. д. требует квалификации по совокупности за шантаж и нарушение неприкосновенности частной жизни [7, с. 139].

Однако такая точка зрения поддерживается не всеми авторами. Так, А. Г. Кибальник, В. Н. Клочков и И. Г. Соломоненко полагают, что поскольку в ч. 1 ст. 163 УК РФ «упоминается угроза распространения сведений о лице и близких, которые „могут причинить существенный вред правам и законным интересам потерпевшего и его близких“... разглашение сведений, составляющих личную или семейную тайну, безусловно, причиняет такой „вред“ и, вследствие включения этого признака в качестве конструктивного, вменение части 1 ст. 137 УК РФ излишне» [8, с. 69].

Считаем, что данное утверждение является дискуссионным. Обоснованием нашей точки зрения может служить тот факт, что распространение сведений о частной жизни лица не закреплено в ч. 1 ст. 163 УК РФ, где указывается угроза распространения сведений, позорящих потерпевшего или его близких, либо иных сведений, которые *могут* причинить существенный вред правам или законным интересам потерпевшего или его близких. То есть в тексте закона указывается лишь на свойства информации, образующей содержание угрозы, но никак не на способ совершения преступления. Кроме того, признаком возможности причинения вреда не охватывается фактическое его причинение.

На основании изложенного можем утверждать, что реализация угрозы в шантаже, выразившаяся в факте распространения охраняемой законом тайны, подлежит квалификации по совокупности шантажа и соответствующей статьи Особенной части УК РФ. Такого же мнения придерживаются 70 % респондентов, опрошенных в ходе проведенного нами исследования.

Если же угроза в шантаже была реализована посредством распространения заведомо ложных сведений, порочащих честь и достоинство другого лица или подрывающих его репутацию, содеянное квалифицируется как шантаж по совокупности со ст. 128 УК РФ (Клевета).

Изучение материалов следственно-судебной практики вызвало необходимость рассмотреть вопрос о квалификации шантажа в ситуациях, когда виновный угрожает распространением несуществующих сведений. Приведем следующий пример, хотя и не относящийся напрямую к шантажу, но аналогичная ситуация возможна и в случае шантажа. Так, Гагаринским районным судом г. Москвы З. и Г. признаны виновными в совершении вымогательства, т. е. требования передачи чужого имущества под угрозой применения насилия, совершенного группой лиц по предварительному сговору в целях получения имущества в особо крупном размере.

Подсудимые З. и Г. при неустановленных следствием обстоятельствах, преследуя корыстные цели, вступили в преступный сговор между собой для вымогательства в целях получения имущества в особо крупном размере — денежных средств К., знакомого З. Они договорились сообщить К. вымышленную информацию о намерениях некоего лица убить К. и осуществленном наиме таким лицом убийцы. Было также сообщено потерпевшему, что убийство можно предотвратить, если К. перечислит на указанный ему счет денежные средства в сумме 3,4 млн рублей. З. и Г. намеревались завладеть денежными средствами, осуществив их вымогательство под угрозой убийства потерпевшего, и затем поделить похищенные деньги между собой.

В приговоре отмечается, что суд подошел критически к оценке Г. своих действий как совершению покушения на мошенничество. Вопреки мнению защиты, у суда нет оснований для переквалификации действий подсудимых на ч. 3 ст. 30 ч. 4 ст. 159 УК РФ, поскольку такая квалификация не нашла подтверждения.

На основе совокупности доказательств судом установлено, что подсудимые вступили в предварительный преступный сговор, действуя из корыстных побуждений, на совершение вымогательства имущества К. в особо крупном размере. Умы-

сел З. и Г., каждого подсудимого, был направлен именно на совершение вымогательства, несмотря на недостоверность сообщаемых потерпевшему сведений (обман) о решении неких лиц убить его. Совокупностью доказательств, в том числе и показаниями подсудимого Г., суд установил: подсудимые осознавали, что предъявляют незаконное имущественное требование, причем в качестве средства воздействия на потерпевшего при этом используют угрозу, и желали именно таким путем добиться передачи им чужого имущества в особо крупном размере.

Суд отметил, что для квалификации действий подсудимых (каждого) как вымогательства не имеет значения, намерены ли были они привести свою угрозу в исполнение при отказе потерпевшего исполнить требование или нет. Из показаний потерпевшего К. следует, что он воспринял сообщение о расправе с ним неким лицом («заказчиком») реально, имел основания после такого сообщения опасаться за свою жизнь, и ему было сообщено лицом, представившимся Юрием (т. е. подсудимым Г.), что только лишь заплатив 100 тыс. долл. США, он сможет обезопасить свою жизнь. Таким образом, требования передачи денежных средств сопровождалась психическим насилием, передача денежных средств обуславливалась возможностью избежать смерти потерпевшему, и требования передачи денег были высказаны под угрозой расправы с потерпевшим [9].

Проводя параллель описанной ситуации с шантажом, возникает вопрос об обоснованности квалификации содеянного по ст. 163 УК РФ. В рамках проводимого нами исследования необходимо определить возможность квалификации содеянного как шантажа в случае угрозы распространения несуществующих сведений. Ситуация могла бы выглядеть аналогично изложенной, но вместо информации о предстоящем убийстве виновный оперировал бы информацией о предстоящем разглашении третьим лицом каких-либо нежелательных для огласки (но не существующих в действительности) сведений.

В теории уголовного права данный аспект привлекал внимание специалистов. Так, Р. З. Абдулгазиев пишет, что «если потерпевший поверил субъекту и воспринял его как избавителя от действительной опасности, то содеянное образует покушение на мошенничество, а при получении

субъектом имущества – оконченное хищение. Если же потерпевшему ясны истинные намерения виновного и то, что угроза исходит именно от него, следует заключить, что потерпевший испытывает не заблуждение, а страх, который и должен побудить его к действию. Такое деяние является вымогательством» [10, с. 101].

По нашему мнению, рассуждения данного автора заслуживают поддержки. Стоит отметить, что в приведенном примере усматриваются признаки мошенничества. Мошенничество совершается путем обмана, под воздействием которого владелец имущества передает его виновному. Пленумом Верховного суда РФ указывается, что обман как способ совершения хищения может состоять в сознательном сообщении заведомо ложных, не соответствующих действительности сведений. Сообщаемые при мошенничестве ложные сведения могут относиться к любым обстоятельствам, в частности к юридическим фактам и событиям [11].

Таким образом, в случаях требования от лица чужого имущества или права на чужое имущество под угрозой распространения несуществующих сведений, и распространение которых невозможно (что представляет собой обман), содеянное подлежит квалификации как мошенничество (ст. 159 УК РФ). Эту точку зрения разделили 58 % практикующих юристов, опрошенных в ходе проведенного нами исследования.

Следует отметить, что в правоприменительной практике встречаются ситуации, когда шантаж сопровождается угрозами иного характера либо применением насилия. Как свидетельствуют результаты исследования, в таком случае могут быть применены две или более нормы по совокупности. Возможно перерастание шантажа в более тяжкое преступление того же вида [12, с. 16]. Например, вымогательство путем шантажа может перерасти в вымогательство с применением насилия (п. «в» ч. 2 ст. 163 УК РФ). В данном случае содеянное квалифицируется по норме об ответственности за более тяжкое преступление. Если же шантаж предусмотрен в качестве способа совершения преступления наряду с иными, содеянное квалифицируется как единичное преступление с обязательным указанием в правоприменительном документе на все установленные способы совершения преступления.

Примечания

1. В ходе исследования данной проблемы автором в период с 2008 по 2012 гг. анализировались статистические данные ГИАЦ МВД России, изучались материалы 160 уголовных дел о преступлениях, связанных с шантажом; был проведен социологический опрос 150 сотрудников правоохранительных органов и судов в качестве экспертов; изучена опубликованная, в том числе посредством ГАС РФ «Правосудие», судебная практика по обозначенной проблеме.
2. Жданухин Д. Ю. Уголовно-правовая характеристика шантажа: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2005.
3. Шарапов Р. Д. Преступное насилие. М.: Юрлитинформ, 2009.
4. Коростылев О. И. Уголовно-правовая характеристика угрозы: моногр. Ставрополь: СФ КА МВД России, 2005.
5. Абакаров З. А. Ответственность за подстрекательство к совершению преступления по российскому уголовному праву: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2006.
6. О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних: постановление Пленума Верховного суда РФ от 1 февраля 2011 г. № 1 // Бюллетень Верховного суда РФ. 2011. № 4.
7. Уфалов А. Г. Проблемы совершенствования уголовно-правового регулирования ответственности за вымогательство и шантаж: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2003.
8. Кибальник А. Г., Клочков В. Н., Соломоненко И. Г. Уголовная ответственность за нарушение неприкосновенности частной жизни: моногр. Ставрополь: Сервисшкола, 2005.
9. Приговор Гагаринского районного суда г. Москвы от 19 августа 2010 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://gagarinsky.msk.sudrf.ru> (дата обращения: 18.09.2011).
10. Абдулгазиев Р. З. Вымогательство по российскому уголовному праву: дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2003.
11. О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате: постановление Пленума Верховного суда РФ от 27 декабря 2007 г. № 51 // Бюллетень Верховного суда РФ. 2008. № 2.
12. Коростылев О. И. Квалификация преступлений: учеб.-практ. пособие. Ставрополь: Сервисшкола, 2006.

© Ганченко О. И., 2013

***

Н. А. Егорова

**УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ МЕРЫ ПРОФИЛАКТИКИ КОРРУПЦИИ
В ГОСУДАРСТВАХ — УЧАСТНИКАХ СНГ***

Статья посвящена уголовно-правовым мерам профилактики коррупции в государствах — участниках СНГ. Рассматриваются основные проблемы правовой регламентации и осуществления названных мер в России и других странах Содружества, предлагаются возможные пути решения этих проблем.

Ключевые слова: уголовный закон, коррупция, коррупционное преступление, профилактика коррупции, сотрудничество государств — участников СНГ.

---

* Статья представляет собой текст выступления автора на пленарном заседании Международной научно-практической конференции «Сотрудничество государств — участников СНГ в борьбе с коррупцией: проблемы и перспективы» (6 декабря 2012 г., Академия Генеральной прокуратуры РФ).

N. A. Egorova

**CRIMINAL LAW MEASURES OF CORRUPTION PREVENTION
IN MEMBER COUNTRIES OF THE COMMONWEALTH OF INDEPENDENT STATES**

The article is devoted to the criminal law measures of corruption prevention in the CIS member countries. The author analyzes major problems of legal regulation and implementation of the mentioned measures in Russia and other countries of the Commonwealth of Independent States and offers possible ways of their solution.

Keywords: criminal law, corruption, corruption crime, corruption prevention, cooperation of the CIS member countries.

В последние годы уголовно-правовые меры предупреждения коррупционной преступности (и преступности вообще) нередко вызывают скептическое отношение. Однако задача предупреждения преступлений прямо закреплена в уголовном законодательстве всех государств — участников СНГ. На предупредительный потенциал уголовного права (как в целом, так и в контексте антикоррупционной политики) указывается в научных трудах [1; 2; 3, с. 103—137; 4, с. 220—221]. Профилактическое назначение уголовного права иногда небезосновательно рассматривается в рамках единой предупредительно-охранительной функции [5, с. 71—72].

В криминологических исследованиях уголовно-правовые меры профилактики коррупции не считаются приоритетными [6, с. 319] (хотя в одном из проектов поправок в российский закон «О противодействии коррупции» от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ уголовно-правовой составляющей антикоррупционной политики предлагается придать первостепенный характер [7]). Как бы то ни было, уголовное право не последнее средство предупреждения коррупции.

Ознакомление с нормативной базой деятельности СНГ, а также с уголовным законодательством государств Содружества позволяет выделить ряд проблем, которые, на наш взгляд, определенным образом препятствуют реализации профилактической функции уголовного права в рассматриваемом направлении.

1. Отсутствие многостороннего регионального договора между государствами — участниками СНГ, имеющего специальную антикорруп-

ционную направленность. В настоящее время фундаментом для сотрудничества в этой сфере остаются Конвенция от 22 января 1993 г. о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам, Модельный Уголовный кодекс для государств — участников СНГ (с изменениями и дополнениями) (далее — Модельный УК), а также Модельный закон «О противодействии коррупции» (в ред. от 25 ноября 2008 г.). Россия и другие государства СНГ присоединились к международным договорам о противодействии коррупции (например таким, как Конвенция ООН против коррупции 2003 г., Конвенция СЕ об уголовной ответственности за коррупцию 1999 г.). Однако страны — участники СНГ связаны тесными узами, ведь когда-то страны Содружества были одним государством. К тому же уголовно-правовые нормы этих государств в большей мере «поддаются» гармонизации и унификации (как более «совместимые» с точки зрения законодательной техники), чем, допустим, нормы уголовного права, с одной стороны — государства Содружества, с другой стороны — Германии, Франции, Испании и других западноевропейских держав.

2. В национальном уголовном праве государств — участников СНГ нет легального определения понятия «коррупционное преступление» и нормативно закрепленного перечня таких преступлений. В УК Республики Молдова имеются составы пассивного (ст. 324) и активного (ст. 325) коррумпиования. В главе XVI «Коррупционные преступления в частном секторе» предусмотрена ответственность за такие деяния, как получение взятки (ст. 333), дача взятки (ст. 334), злоупотреб-

ление служебным положением (ст. 335), подлог бухгалтерских документов (ст. 335.1).

В УК ряда государств СНГ (например Республики Казахстан, Азербайджанской Республики) есть самостоятельные главы о коррупционных преступлениях. В УК Республики Казахстан такая глава называется «Коррупционные и иные преступления против интересов государственной службы и государственного управления» (гл. 13). При этом в п. 5 примечаний к ст. 307 приводится исчерпывающий перечень преступлений, признаваемых коррупционными: злоупотребление должностными полномочиями; превышение власти или должностных полномочий в целях извлечения выгоды и преимуществ для себя или других лиц, организаций либо нанесения вреда другим лицам или организациям; незаконное участие в предпринимательской деятельности; воспрепятствование законной предпринимательской деятельности; получение взятки; дача взятки; посредничество во взяточничестве; служебный подлог; бездействие по службе; злоупотребление властью; превышение власти или служебных полномочий в целях извлечения выгоды и преимуществ для себя или других лиц или организаций либо нанесения вреда другим лицам или организациям; бездействие власти; совершенные в сфере военной службы; а также ряд посягательств, совершенных с использованием служебного положения (присвоение или растрата вверенного чужого имущества, мошенничество, лжепредпринимательство; легализация денежных средств или иного имущества, приобретенного незаконным путем, экономическая контрабанда, рейдерство). Преступления против интересов службы в коммерческих и иных организациях не отнесены к числу коррупционных.

В России критерии и перечни названных преступлений закреплены в подзаконном нормативном правовом акте — Перечне № 23 преступлений коррупционной направленности (утв. Указанием Генеральной прокуратуры РФ № 52-11, МВД РФ № 2 от 15 февраля 2012 г.).

Понятие коррупционного преступления отсутствует в Модельном УК и в Модельном законе «О противодействии коррупции». Это не способствует единообразию в определении границ уголовно-правового «сегмента» коррупции и, сле-

довательно, унификации уголовно-правовых мер ее предупреждения. Полагаем, что в Модельном УК, Модельном законе «О противодействии коррупции» (а в перспективе — в Соглашении о сотрудничестве государств — участников СНГ в противодействии коррупции) следовало бы отразить понятие и признаки коррупционного преступления и предусмотреть не подлежащий расширительному толкованию круг коррупционных преступлений.

Дефиниция понятия «коррупционное преступление» могла бы быть следующей:

Коррупционное преступление — это совершенное с корыстной целью общественно опасное деяние, запрещенное уголовным законом под угрозой наказания, посягающее на интересы службы как на основной объект и связанное с незаконным извлечением лицом, состоящим на службе, имущественной выгоды либо с предоставлением имущественной выгоды такому лицу.

К коррупционным преступлениям, по нашему мнению, необходимо отнести все виды взяточничества (т. е. получение взятки, дачу взятки и посредничество во взяточничестве), коммерческий подкуп и незаконное участие в предпринимательской деятельности (в перспективе, возможно — торговлю влиянием). Все эти преступления характеризуются единством основного объекта посягательства, специального субъекта (кроме активного коммерческого подкупа, дачи взятки и посредничества во взяточничестве), наличием корыстной цели у приобретателя имущественной выгоды и достижением этой цели — незаконным обогащением.

При необходимости иные преступления, часто относимые к коррупционным в литературе (злоупотребление должностными полномочиями, служебный подлог, хищения, совершаемые специальным субъектом — лицом с использованием своего служебного положения), можно было бы рассматривать как *сопутствующие коррупции*.

3. Несовершенство конкретных уголовно-правовых средств профилактики коррупции.

Опираясь на содержание уголовных кодексов государств — членов СНГ, на законодательном уровне можно выделить следующие *виды уголовно-правовых мер предупреждения коррупции*:

1) запрещение тех или иных видов коррупционного и сопутствующего ему поведения в диспозициях уголовно-правовых норм;

2) установление, изменение или отмена уголовно-правовых санкций за коррупционные и сопутствующие им преступления, в том числе посредством трансформации норм Общей части уголовного права об отдельных видах наказаний;

3) регулирование применения иных мер уголовно-правового характера.

Хотелось бы высказать некоторые суждения по поводу каждого из перечисленных видов мер.

1. Из тех деяний, которые в настоящей статье предлагается безоговорочно отнести к коррупционным, все (или большинство) в том или ином виде предусмотрены в уголовном законодательстве всех (или большинства) государств — участников СНГ: взяточничество (в том числе посредничество во взяточничестве), коммерческий подкуп и незаконное участие в предпринимательской деятельности.

Норма о коррупции как самостоятельном преступлении имеется в УК Кыргызстана (ст. 303). Представляется, что коррупция как уголовно-правовой феномен едва ли может быть выражена в единственном составе, поэтому конструирование подобного состава в Модельном УК и в антикоррупционном соглашении нецелесообразно.

Международным сообществом рекомендовано установить уголовную ответственность за незаконное обогащение, а также за злоупотребление влиянием.

Под незаконным обогащением понимается «значительное увеличение активов публичного должностного лица, превышающее его законные доходы, которое оно не может разумным образом обосновать» (ст. 20 Конвенции ООН 2003 г.). Такая норма введена в уголовное законодательство всего шести государств [8, с. 465]. Интересен опыт Украины: в ее уголовном законе предусмотрена ответственность за незаконное обогащение, под которым понимается «получение должностным лицом неправомерной выгоды в значительном размере или передача им такой выгоды близким родственникам при отсутствии признаков взяточничества» (ст. 368.2).

Очевидно, при полном совпадении наименований составов преступлений в уголовном праве данного государства и Конвенции ООН 2003 г. признаки названных составов существенно различаются. Нужно ли вводить подобную норму в Модельный УК и национальное законодательство государств — членов СНГ? Ответ на этот вопрос должен быть, скорее, отрицательным. Есть опасения, что при ярко выраженном репрессивном характере рассматриваемой нормы ее профилактический потенциал окажется слабым (фактически будет легализовано объективное вменение, криминализованы дисциплинарные проступки, предусмотренные законодательством о государственной и муниципальной службе, будут «размыты» границы между взяточничеством и такими деяниями, как хищение, злоупотребление должностными полномочиями, превышение должностных полномочий, совершенное из корыстной заинтересованности, незаконное участие в предпринимательской деятельности).

В системе уголовно-правовых мер профилактики коррупции перспективной видится норма о злоупотреблении влиянием, которая появилась, к примеру, в УК Украины (ст. 369.2), в УК Республики Молдова (ст. 326). Согласно ч. 2 ст. 369.2 УК Украины злоупотребление влиянием — это «получение неправомерной выгоды за влияние на принятие решения лицом, уполномоченным на выполнение функций государства, либо предложение осуществить влияние за предоставление такой выгоды».

Увлечись идеей противодействия наиболее опасной (верхушечной, элитарной) коррупции, мы как-то позабыли о «маленьком человеке» в системе коррупционных отношений. В процветании коррупции он играет не последнюю роль. Используя служебные или межличностные отношения, обращаясь с «просьбами» к должностным лицам или иными способами воздействуя на принятие управленческих решений, такие субъекты дискредитируют служащих, честно выполняющих свой долг. В российской правоприменительной практике таких участников коррупционных отношений иногда привлекают к уголовной ответственности за мошенничество ввиду объективного отсутствия у них полномочий, необходимых для принятия

нужного решения. Вряд ли подобная практика заслуживает одобрения, поскольку в упомянутых ситуациях не всегда присутствует обман как признак мошенничества. Поэтому в систему коррупционных преступлений Модельного УК и национальных уголовно-правовых систем СНГ, возможно, следует ввести состав злоупотребления влиянием. Однако обязательным признаком состава должно стать использование не именно влияния (в узком смысле) на должностное лицо, а любых (в том числе неправовых) возможностей изменить поведение последнего в нужную для заинтересованных лиц сторону. Для того чтобы такой состав соответствовал основаниям и принципам криминализации, возможно, следует предусмотреть в качестве криминообразующих признаков размер вознаграждения и (или) особенности статуса должностного лица, на решение которого оказывается влияние (действительное или мнимое).

В уголовном праве ряда государств Содружества имеется запрет незаконного участия должностных лиц в предпринимательской деятельности. Криминообразующим признаком такого деяния признается учреждение должностным лицом организации (юридического лица), осуществляющей предпринимательскую деятельность, либо участие в управлении такой организацией. При этом в уголовно-правовом пространстве СНГ пока «не нашлось достойного места» уголовной ответственности юридических лиц за это деяние. Поддерживая идею о возможности ее постепенного введения за ограниченный круг преступлений, полагаем, что такая ответственность могла бы быть предусмотрена в Модельном УК и в УК государств — участников СНГ для организаций, учрежденных должностными лицами вопреки законодательным запретам, установленным в этих государствах. Не поддерживаем концепцию «причастности» юридического лица к совершению коррупционного правонарушения, представленную в ст. 23 Модельного закона «О противодействии коррупции». Но если должностное лицо, нарушая закон, выступает учредителем организации, осуществляющей предпринимательскую деятельность, т. е. юридическое лицо создано не уполномоченным на это субъектом, функционирование такой организации изначально нелегитимно и по-

тому, как минимум, должно быть прекращено. Основанием для этого следовало бы признать совершение юридическим лицом деяния, содержащего все признаки такого состава преступления, как *осуществление предпринимательской деятельности организацией, учрежденной должностным лицом вопреки запрету, установленному законом* (название состава примерное). Самостоятельную статью о таком преступлении можно было бы предусмотреть в УК государств Содружества, Модельном УК и в Соглашении государств — участников СНГ.

2. Одна из немаловажных составляющих системы уголовно-правовых мер профилактики коррупции — это предусмотренные в санкциях уголовно-правовых норм виды и меры наказаний, которые, согласно международным стандартам, должны быть «эффективными», «соразмерными» и «сдерживающими» (ст. 19 Конвенции СЕ об уголовной ответственности за коррупцию 1999 г.).

В уголовном законодательстве государств — участников СНГ за коррупционные преступления предусмотрены такие традиционные виды наказаний, как лишение свободы, штраф, лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью. Делать априорные выводы о большем или меньшем превентивном воздействии того или иного вида наказания за коррупционное преступление довольно сложно. Однако такое российское нововведение, как кратные штрафы, представляется сомнительным. Полагаем, что, несмотря на огромные размеры штрафов, их профилактическая роль невелика. Во-первых, их нельзя было вводить за квалифицированные виды взяточничества в качестве наказания, альтернативного лишению свободы, по причине их неадекватности характеру и степени общественной опасности указанных преступлений. Во-вторых, для коррупционера перспектива такого имущественного наказания выглядит как привлекательная возможность либо откупиться от государства, либо «по уважительным причинам» не уплачивать всю сумму штрафа.

Мы располагаем сведениями об активном назначении судами кратных штрафов за коррупционные преступления. Так, за первый год действия рассматриваемой новеллы из почти 2 тыс. всех

осужденных к штрафам за названные преступления большинству (1852) были назначены штрафы в размере от 25 до 500 тыс. руб.; 38 приговорены к штрафам от 500 тыс. до 1 млн руб., 15 — от 1 до 2,5 млн руб.; еще 16 — от 2,5 до 15 млн руб. [9]. Однако превентивное значение имело бы только реальное исполнение таких приговоров, о котором как раз нет достоверной информации. В целом статистика исполнения наказаний в виде штрафа в России не внушает оптимизма (исполненных приговоров — примерно 35 %) [10], и в научных исследованиях эффективность принудительного исполнения приговоров в части имущественных взысканий оценивается как невысокая [11, с. 9—10; 12].

Для незаконно учрежденных должностными лицами организаций, осуществляющих предпринимательскую деятельность, считаем возможным введение такого вида наказания, как ликвидация. Это послужило бы дополнительной мерой профилактики противоправной коммерческой деятельности должностных лиц, поскольку санкции, предусмотренные за это деяние только для физических лиц, вряд ли способны удержать последних от совершения данного преступления, ведь их применение не означает утраты виновным статуса учредителя организации и, соответственно, источника преступного дохода.

3. В Модельном УК конфискация имущества отнесена к видам наказания (ст. 46). По уголовному законодательству ряда государств Содружества (например России, Молдовы, Азербайджана) конфискация имущества считается не наказанием, а иной уголовно-правовой мерой. По УК Кыргызстана конфискация как дополнительное наказание представляет собой принудительное безвозмезд-

ное изъятие в собственность государства имущества, добытого преступным путем, либо использованного или предназначенного для совершения преступления. Удачным видится решение вопроса об обязательном применении так называемой специальной конфискации в ч. 6 ст. 61 УК Республики Беларусь: принудительному безвозмездному изъятию в собственность государства подлежит, в частности, имущество, приобретенное преступным путем, независимо от категории преступления и вида назначенного наказания (то же — в ст. 99.1 УК Азербайджанской Республики). Конфискация имущества, добытого преступным путем либо приобретенного на средства, которые получены преступным путем, и переданного другим лицам, наряду с находящимся в собственности осужденного имуществом предусмотрена за коррупционные преступления в ч. 1 ст. 51 УК Казахстана.

Определенные основания для неоднозначного понимания правовой природы конфискации, конечно, имеются. Проблема в другом: российский законодатель пошел по пути «перечневого» определения круга преступлений, влекущих конфискацию преступных доходов, и почему-то не включил в данный перечень незаконное участие в предпринимательской деятельности (п. «а» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ). Этот пробел нашего национального законодательства необходимо восполнить [13, с. 13—14].

В целом можно сделать вывод о необходимости преобразования модельного и национального антикоррупционного уголовного законодательства государств СНГ по двум направлениям:

- 1) его дальнейших изменений в соответствии с новыми реалиями;
- 2) его унификации.

Примечания

1. Тимохин С. Ю. *Функции, задачи и цели уголовного права: проблемы соотношения*: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владивосток, 2002.
2. Рапопорт Е. А. *Уголовно-правовые основы предупреждения преступлений*: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2001.
3. Стефанишин С. С. *Предупреждение коррупционных преступлений в зарубежных странах*: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005.

4. Энциклопедия уголовного права. Т. 1. Понятие уголовного права. СПб., 2005 (автор главы — Ю. Е. Пудовочкин).
5. Лопашенко Н. А. Основы уголовно-правового воздействия. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2004.
6. Гишинский Я. И. Криминология: теория, история, эмпирическая база, социальный контроль. СПб.: Проспект, 2009.
7. Официальный сайт Министерства юстиции РФ [Электронный ресурс]. URL: <http://www.minjust.ru> (дата обращения: 27.06.2012).
8. Додонов В. Н., Капинус О. С., Щерба С. П. Сравнительное уголовное право. Особенная часть. М.: Юрлитинформ, 2010.
9. Шашков А. Кратные штрафы стали заменять условное лишение свободы (интервью с начальником управления Генпрокуратуры РФ Ю. Ю. Семиным) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.itar-tass.com/c49/427823.html> (дата обращения: 25.11.2012).
10. Пановский Н. А судьи — кто? [Электронный ресурс]. URL: http://oblsud.mag.sudrf.ru/modules.php?name=press_dep&op=4&did=83 (дата обращения: 26.11.2012).
11. Модестова Н. А. Проблемы законодательного закрепления и правового регулирования назначения и исполнения уголовного наказания в виде штрафа в России и Франции: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Красноярск, 2005.
12. Грицай О. В. Исполнение приговоров в части имущественных взысканий: процессуальная сущность, основания и порядок [Электронный ресурс]: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2007. URL: <http://law.edu.ru/book/book.asp?bookID=1266735> (дата обращения: 26.11.2012).
13. Эта идея разделяется и другими авторами. См., напр.: Астанин В. В. Антикоррупционная политика России: криминологические аспекты: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2009.

© Егорова Н. А., 2013

***

Э. Р. Исхаков

РЕГЛАМЕНТАЦИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОЛИЦИИ И АНТИКОРРУПЦИОННЫЕ АСПЕКТЫ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ О ЗДРАВООХРАНЕНИИ В ПЕРИОД ПРАВЛЕНИЯ ПАВЛА I

В статье анализируются изданные в эпоху правления Павла I правовые акты, регламентирующие здравоохранение в Российской империи, согласно которым полиция принимала участие в осуществлении санитарно-гигиенической деятельности, а также в организации финансирования медицинской помощи. В ряде документов, регулирующих те или иные стороны системы здравоохранения, были отмечены антикоррупционные составляющие.

Ключевые слова: медицинская деятельность полиции, законодательство Павла I, антикоррупционные факторы в законодательстве.

E. R. Iskhakov

REGULATION OF POLICE ACTIVITIES AND ANTI-CORRUPTOGENIC ASPECTS IN PUBLIC HEALTH REGULATORY ACTS PASSED DURING THE REIGN OF PAVEL I

The author analyzes legal acts passed during the reign of Pavel I to regulate public health in the Russian Empire. According to them, the police participate in sanitary and hygienic activities as well as in the organization of medical aid funding. The anti-corruption element was compulsorily included in a series of documents regulating particular aspects of the public health system.

Keywords: history of legislation, medical activities of the police, legislation of Pavel I, anti-corruption factors in the legislation.

Реформы эпохи Павла I (1796—1801) до сих пор вызывают противоречивые оценки относительно их целесообразности и результативности. При этом монархе были приняты регулирующие вопросы здравоохранения нормативно-правовые акты, в которых отражались принципы деятельности полиции и отмечались антикоррупционные аспекты, вызывающие современный научный интерес.

Во время правления Павла I полиции Санкт-Петербурга и Москвы вменялось в должностные обязанности проводить профилактику инфекционных заболеваний путем контроля и наблюдения за санитарно-гигиеническим состоянием обеих столиц на основе Высочайше утвержденных уставов Санкт-Петербурга и Москвы.

В принятом 12 сентября 1798 г. Уставе столичного града Санкт-Петербурга в § 19 гл. 6 «О полиции» предписывалось обер-полицмейстеру города, полицмейстерам отделений, инспекторам в частях, унтер-инспекторам и комиссарам в кварталах наблюдать все, что до «устройства чистоты... города относится» [1, т. XXV, с. 369—382].

В Высочайше утвержденном 17 января 1799 г. Уставе Столичного города Москвы полицейским установлено «смотрение» за городскими госпиталями и богадельнями (§ 2 гл. 5 «О Камеральном Департаменте Городского правления»), «...наблюдать, чтобы скот в бойни был вводим здоровый и незаморенный...» (§ 25 гл. 5), «...наблюдать за чистотой в кварталах...» (§ 19 гл. 6 «О полиции») [1, т. XXV, с. 528—540].

Сенатским указом от 24 августа 1799 г. «О выдаче прогонных денег уездным Врачам для объезда селений, из суммы на непредвидимые расходы ассигнуемой» была урегулирована проблема про-

ведения судебно-медицинской экспертизы врачами по направлению полиции в уездах. Так, уездные врачи были обязаны по требованию городничих и присутственных мест выезжать в отдаленные селения для освидетельствования фактов скоропостижной смерти, убийств, вспышек инфекционных заболеваний (или других заболеваний) или падежа скота, но денег им на это не выделялось, и они вынуждены были тратить из собственного жалованья, а так как оно было мало, то врачи никуда и не выезжали, что резко снижало эффективность как правоохранительной, так и медицинской деятельности. Поэтому юридически закреплялось правило в подобных случаях выдавать деньги для выезда из суммы, которая проходит по разделу «Ассигнуемые на непредвиденные расходы для Казенных палат» с соответствующим наблюдением за правильностью выдачи [1, т. XXV, с. 767—768].

Законодательно устанавливалось участие полиции в проведении собственно самих санитарно-гигиенических мероприятий. Так, 14 марта 1800 г. был «Высочайше принят утвержденный доклад комиссии о снабжении Резиденции припасами „О доходах и расходах Московской столицы“», согласно которому для сокращения расходов на очистку улиц и нечистот данные действия предписывалось проводить извозчикам на лошадях, состоящим на службе полиции. В качестве аргументации приводилось следующее: «Город, содержа полицию ныне на своем иждивении, имеет некоторое право ожидать в нуждах взаимностью, от нея пособие», т. е. «чищение нечистоты в Присутственных и других казенных местах были употребляемы» [1, т. XXVI, с. 71—72].

Полиция принимала участие и в организации финансирования медицинской помощи. 24 января 1801 г. Именным указом, объявленным Сенату генерал-прокурором «О правилах содержания ссыльных в Архангельской Губернии. С присовокуплением доклада Сената», губернатор предписал городничему выдавать продовольствие больным и увечным ссыльным, которые не могут работать и прошением милостыни пропитать себя не могут, чтобы они не умерли с голода. Городничим также вменялось в обязанность получать заработанные деньги поселенцев (работавших у судозвожеев) и 1/10 часть заработанных денег отдавать на пропитание больных и престарелых, которые не могут работать [1, т. XXV, с. 506].

В правовых документах, принятых во времена Павла I, прослеживается антикоррупционная составляющая, которая должна была препятствовать взяточничеству при оказании медицинской помощи населению в государстве.

Одним из указов этого монарха, кардинально реформирующим организацию управления здравоохранением в регионах Российской империи, можно считать «Высочайше утвержденный Доклад Медицинской Коллегии „Об учреждении Медицинских Управ. С приложением штата Медицинским чинам определенным по Губерниям и инструкций о должности врачебных Управ в Губернских городах и Медицинских чинов при войсках внутри империи находящихся“», принятый 19 января 1797 г. В нем предписывалось учредить Врачебную управу в каждом Губернском городе, которая руководила бы всем здравоохранением как по гражданской, так и по войсковой части. Раздел «О должности врачебной Управы» устанавливал обязанности работников Врачебной управы, в том числе указывалось, что «...помощь обязаны подавать страждущим людям, не требуя за свой труд воздаяния» [1, т. XXIV, с. 287—296].

25 февраля 1797 г. был принят Устав Военного флота, который сменил аналогичный документ, действующий еще со времен Петра I. Ряд разделов был посвящен регламентации и правилам оказания медицинской помощи в военном флоте, где тоже имелись антикоррупционные факторы. Так, в ч. 2 гл. XIII «О лекаре» устанавливались морально-этические правила поведения: п. 8 в частности предписывал, чтобы лекарь не брал

или не требовал с больных себе за труд зарплаты [1, т. XXV, с. 355—385].

Антикоррупционная составляющая имела и в другом документе, посвященном улучшению оказания медицинской помощи в армии. Так, в именном указе, данном Действительному Тайному Советнику Барону Васильеву, от 27 мая 1798 г. «Об определении в полки и города знающих врачебную науку лекарей» было написано, что в полки поступают лекари, «...кои занимая понапрасну места, пользы никакой не приносят...». Поэтому устанавливалось, чтобы в полки и города направлялись знающие в врачебной науке люди, и констатировалось, что в настоящий момент «...размещение лекарей делается с наблюдением отнюдь не общей пользы, а каких-либо частных выгод...» и при этом делался вывод: при направлении лекарей — «...иметь всегда в виду единственно общую пользу, не подчиняя отнюдь оную никакой личности или чьей-либо частной выгоде...» [1, т. XXV, с. 257].

Одной из глобальных мер, защищающих здоровье граждан Российской империи, являлось наличие службы, осуществляющей продивоэпидемические, карантинные и санитарно-гигиенические мероприятия на внешних границах государства по недопущению проникновения внутрь страны особо опасных инфекций (в частности чумы, или, по терминологии того времени, «моровой язвы»). Для дальнейшего улучшения функционирования такой службы 7 июля 1800 г. был принят Устав пограничных и портовых карантин [1, т. XXVI]. В нем акцентировалось внимание на том, что «...к безопасности и пользе державы...» необходимо рассмотреть вопросы организации и функционирования карантин для пресечения попадания в государство «моровой язвы» (чумы). Констатировалось, что для лучшего функционирования Карантин в содержание положений Устава нужно обязательно включать описание деятельности привлекаемых в штат медиков.

При перечислении предпосылок создания нового Устава (предыдущим являлось «Положение о Карантинном доме на острове Сескар» от 6 мая 1786 г.) указывалось на необходимость учета психологии человека при установлении регламента деятельности карантин: «Что если что-то запретить, то обязательно будут искать обходные

пути» — здесь имелось в виду умение купцов обходить установленные запреты и правила, что было чревато заносом инфекции в страну и вызовом еще больших негативных последствий.

Устанавливалось дополнительное денежное вознаграждение за «отличные труды и ревность к службе и благу Государственному» в зависимости от сроков выслуги (минимум 10 лет без злоупотребления), что можно рассматривать как норму, обеспечивающую антикоррупционное поведение; определялась компенсация семье за смерть при исполнении служебных обязанностей; также устанавливался штат нескольких застав.

В § 10, 15, 16 отд. 2 «Содержащее наставление Карантинной конторы» определялись морально-этические, профессиональные требования к составу конторы (инспектору, товарищу, доктору и штаб-лекарю), в том числе антикоррупционные: «испытанная честность», «безпорочное поведение». В § 25 отдельно подчеркивалось недопущение коррупции работниками Карантина, контроль за этим проводился со стороны Карантинной конторы: «Требующие во мзду своих трудов и беспокойства денег или других подобных тому вещей от пассажиров, при карантинном доме терпимы быть не могут; а по тому Карантинная контора должна употреблять все меры к обнаруживанию преступающих сие правило, пресекая законными средствами всякое непозволенное поползновение» [1, т. XXVI, с. 202].

В § 28 предусматривалось такое антикоррупционное требование, как обязательность отсутствия конфликтов интересов у работников карантинных: «Находящимся в отпращивании должностей при карантинном доме не должно иметь никакого

партикулярного интереса в кораблях или торговых трактовах с пассажирами или другими людьми, прибывающими в карантин, и ни на каких верующих писем, без особого на то от начальствующаго в Губернии дозволения не принимать; в противном случае все таковые действия сами собою почитаются уничтоженными» [1, т. XXVI, с. 204].

Антикоррупционный аспект имел § 76, в котором указывалось, что медицинские чины «...не должны требовать за свой труд никакого воздаяния под опасением исключения из службы» [1, т. XXVI, с. 209].

Принятая 17 сентября 1800 г. «Инструкция внутреннего распорядка и управления в Саратовских колониях» предусматривала руководителям колоний проводить и контролировать санитарно-гигиенические мероприятия в селениях, «...чтоб во всякой колонии по улицам не было нечистоты...», при этом п. 30 Инструкции предписывал антикоррупционное поведение руководству колоний — «...к взяткам отнюдь не касаться...» под угрозой наказания, вплоть до телесного [1, т. XXV, с. 299—313].

Таким образом, в эпоху правления Павла I были изданы правовые акты для регламентации здравоохранения в Российской империи, согласно которым полиция принимала участие в осуществлении санитарно-гигиенической деятельности, а также в организации финансирования медицинской помощи. В ряде документов, регулирующих те или иные стороны системы здравоохранения, обязательно содержались антикоррупционные положения, что следовало бы учесть и в современном законодательном процессе.

Список библиографических ссылок

1. Полное собрание законов Российской империи: в 45 т. Собрание Первое. 1649—1825 гг. СПб., 1830.

© Исхаков Э. Р., 2013

***

А. А. Лихолетов

ПОНЯТИЕ И ВИДЫ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ В СФЕРЕ ИГОРНОГО БИЗНЕСА

В данной статье предпринята попытка дефиниции и классификации преступлений, совершаемых в сфере игорного бизнеса.

Ключевые слова: азартные игры, игорный бизнес, игровые автоматы, незаконная игорная деятельность, преступления.

A. A. Likholetov

CONCEPT AND TYPES OF CRIMES COMMITTED IN THE SPHERE OF GAMBLING BUSINESS

The author makes an attempt to define and classify crimes committed in the sphere of gambling business.

Keywords: gambling games, gambling business, gaming machines, illegal gambling activities, crimes.

Согласно ст. 364 Налогового кодекса Российской Федерации под игорным бизнесом понимается «предпринимательская деятельность, связанная с извлечением организациями доходов в виде выигрыша и (или) платы за проведение азартных игр и (или) пари, не являющаяся реализацией товаров (имущественных прав), работ или услуг» [1].

Полагаем, что в связи с принятием Федерального закона № 244-ФЗ от 29.12.2006 г. «О государственном регулировании деятельности по организации и проведению азартных игр и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» [2] (далее, если не указано иное, — ФЗ от 29.12.2006 г.), приведенная норма Налогового кодекса требует внесения изменений в части определения понятия игорного бизнеса.

В связи с тем, что в соответствии с п. 1 ст. 4 ФЗ от 29.12.2006 г. под азартной игрой понимается «основанное на риске соглашение о выигрыше, заключенное двумя или несколькими участниками такого соглашения между собой либо с организатором азартной игры по правилам, установленным организатором азартной игры», а ч. 2 этой же статьи определяет пари как разновидность такой игры, — дифференцировать понятия «азартная игра» и «пари» нецелесообразно.

Кроме того, в ч. 1 ст. 6 указанного закона предусмотрено, что организаторами азартных игр мо-

гут выступать исключительно юридические лица, зарегистрированные в установленном порядке на территории Российской Федерации.

В определении же игорного бизнеса, содержащегося в ст. 364 НК РФ используется понятие «организация», более широкое по смысловому содержанию, чем термин «юридическое лицо», под которым согласно ч. 1 ст. 48 Гражданского кодекса России понимается только такая организация, которая «имеет в собственности, хозяйственном ведении или оперативном управлении обособленное имущество и отвечает по своим обязательствам этим имуществом, может от своего имени приобретать и осуществлять имущественные и личные неимущественные права, нести обязанности, быть истцом и ответчиком в суде» [1].

Определенные ограничения для организаторов азартных игр установлены ч. 2 ст. 6 ФЗ от 29.12.2006 г., согласно которой таковыми не могут выступать юридические лица, учредителями (участниками) которых являются Российская Федерация, субъекты Российской Федерации или органы местного самоуправления.

На основании изложенного под игорным бизнесом следовало бы понимать предпринимательскую деятельность, связанную с извлечением юридическими лицами, зарегистрированными в установленном порядке на территории Российской Федерации (за исключением юридических лиц, учреди-

телями/участниками которых являются Российская Федерация, субъекты Российской Федерации или органы местного самоуправления) доходов в виде выигрыша и (или) платы за проведение азартных игр, не являющуюся реализацией товаров (имущественных прав), работ или услуг.

Следовательно, преступления, совершаемые в сфере игорного бизнеса, можно определить так: виновно совершенные общественно опасные деяния, посягающие на общественные отношения, складывающиеся в связи с организацией и осуществлением предпринимательской деятельности, которая направлена на извлечение доходов от проведения азартных игр в соответствии с действующим законодательством, как на основной или дополнительный объект, запрещенные уголовным законом под угрозой наказания.

Игорному бизнесу всегда сопутствовали преступления различных видов, начиная от экономических (в том числе налоговых) и коррупционных, совершаемых организаторами игорного бизнеса, и заканчивая тривиальными хищениями, совершаемыми в целях получения средств для реализации возможности дальнейшего участия в азартной игре.

В настоящее время в российском уголовном законе есть только одна норма, специально направленная на охрану общественных отношений, складывающихся в связи с организацией предпринимательской деятельности в сфере игорного бизнеса — ст. 171.2 («Незаконная организация и проведение азартных игр»).

Однако очевидно, что в сфере игорного бизнеса могут совершаться и иные преступления, не охваченные диспозицией ст. 171.2 УК РФ. Как отмечается в литературе, упущения законодательства в сфере правового регулирования игорного бизнеса порождают многочисленные факты мошенничества, присвоения выручки, укрывательства доходов и различные финансовые махинации [3, с. 3].

Мошенничество — один из распространенных видов преступлений, совершаемых в сфере игорного бизнеса. На первоначальных этапах становления игорного бизнеса в нашей стране одним из его компонентов были уличные азартные игры, которые изначально организовывались в целях хищения денег у населения путем создания заведения проигрышных ситуаций.

Так, в мае 2011 г. сотрудники УМВД России по Хабаровскому краю задержали пятерых членов организованной преступной группы, которая с 2000 г. осуществляла мошеннические действия в отношении граждан в г. Хабаровске.

Организатор группы поддерживал жесткую внутреннюю дисциплину, нарушение которой каралось бескомпромиссно. В единоличном ведении руководителя преступного объединения находились все финансовые вопросы: распределение прибыли между участниками группы, хранение «рабочей кассы».

В ходе следствия некоторые члены организованной преступной группы дали признательные показания и пояснили, что игра «наперстки» выступает лишь в качестве прикрытия мошеннических действий, так как выиграть в нее невозможно, как бы внимательно игрок ни следил за шариком.

Задержанным предъявлено обвинение в совершении преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 159 УК РФ, и в декабре 2012 г. уголовное дело направлено в суд Центрального района г. Хабаровска [4].

С повсеместным появлением игорных заведений на территории страны их владельцы стали изобретать способы увеличения размеров прибыли от данной деятельности. Одним из таких способов стало снижение процента выигрыша в игровых автоматах путем внесения изменений в программное обеспечение оборудования.

Приказом Госстандарта России от 24.01.2000 г. № 22 устанавливалось, что технологически заложенный средний процент денежного выигрыша должен быть не ниже 75 % [5]. Однако владельцы некоторых игорных заведений путем внесения изменений в программное обеспечение снижали размер заложенного выигрыша иногда до 20 %, что не могли проверить ни посетители, ни сотрудники контролирующих органов [6].

В настоящее время в соответствии с ФЗ от 29.12.2006 г. средний процент выигрыша повышен до 90 % в целях соблюдения прав и законных интересов граждан, а также в соответствии с международной практикой.

Вместе с тем и со стороны посетителей залов игровых автоматов также появились лица, которые, вступая в преступный сговор с сотрудниками

игорных заведений и используя специально запрограммированные устройства (микрочипы), позволяющие увеличить выигрыш до 100 %, стали совершать хищения денежных средств, принадлежащих организаторам азартных игр.

Приговором Ленинского районного суда г. Владимира от 12.01.2009 г. 6 человек признаны виновными в совершении преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 159 УК РФ. Установлено, что в январе—марте 2007 г. указанные граждане, действуя по предварительному сговору, совершали систематические хищения денежных средств из игровых клубов области путем замены оригинальных микросхем, находящихся в игровых автоматах, на микросхемы, перепрограммированные с помощью специального устройства и позволяющие при игре получать стопроцентный выигрыш.

Совокупный ущерб, причиненный действиями указанных лиц игровым заведениям, превысил 270 тыс. руб. [7].

Отдельного внимания заслуживает распространение преступности в период неограниченного функционирования игорных заведений на всей территории страны, ставшее результатом увлечения азартными играми широких слоев населения. К таковым следует отнести общественно опасные деяния, совершаемые лицами с целью получить денежные средства для дальнейшего участия в игре, причем преступления варьировались от незначительных краж до разбойных нападений для хищения и убийств, сопряженных с разбоем.

Так, в ходе расследования по уголовному делу, возбужденному в отношении Л., установлено, что он в сентябре 2009 г., имея кредиторскую задолженность перед банком в размере около 1 млн рублей, образовавшуюся из-за его увлечения азартными играми, пришел домой к коллеге по работе, чтобы попросить денег в долг. Женщины не было дома, и Л., ожидая ее, стал уговаривать сына хозяйки убедить мать передать ему денег в долг. Получив отказ, он задушил последнего и начал искать деньги в квартире. Вернувшиеся домой мать и сожительница убитого застали Л. на месте преступления. Преступник убил обеих женщин. Он не смог найти денежные средства и, чтобы скрыть преступление, поджег квартиру.

Приговором Новосибирского областного суда Л. признан виновным в совершении преступлений, предусмотренных пп. «а», «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ, ч. 4 ст. 162 УК РФ и ч. 2 ст. 167 УК РФ [8].

До введения в уголовное законодательство ст. 171.2 УК РФ наиболее распространенными уголовно наказуемыми деяниями в сфере игорного бизнеса являлись незаконное предпринимательство, а также налоговые преступления.

В мае 2009 г. директор ООО «111» К. приобрел у неизвестного лица игровые автоматы в количестве 90 шт., после чего 01.06.2009 г. заключил с ООО «222» договор о модернизации оборудования, в рамках которого в данные автоматы были внесены изменения путем демонтажа купюроприемников.

Директор ООО «111» К. 15.07.2009 г. заключил с ООО «333» в лице директора П. ряд договоров поручения, по которым ООО «111» берет на себя обязательство совершать от имени и по поручению ООО «333» проведение негосударственной всероссийской стимулирующей лотереи «Ностальжи» с использованием лотерейного оборудования и с правом розыгрыша призового фонда лотереи и выдачи выигрышей участникам.

После заключения договоров с ООО «333» директор ООО «111» К. организовал деятельность Общества по проведению азартных игр под видом продажи канцелярских товаров и проведения стимулирующей лотереи в г. Волгограде. Канцтовары, заявленные в качестве призов в стимулирующей лотерее «Ностальжи», проводимой ООО «111», реализовывались по следующим ценам: один ластик — 100 руб., одна ручка шариковая — 500 руб., одна тетрадь (12 л.) — 1 000 руб. В то же время данные канцтовары закупались сотрудниками ООО «111» в канцелярских магазинах г. Волгограда по рыночным ценам, а именно: ластик — от 1 руб. 50 коп. до 6 руб. за 1 шт.; ручка шариковая — от 2 до 5 руб. за 1 шт.; тетрадь (12 л.) — 2 руб. 10 коп. за 1 шт.

Таким образом, директор ООО «111» К. в нарушение требований ФЗ от 29.12.2006 г. о запрете организации и проведения азартных игр на территории РФ вне специальных игорных зон осуществлял на территории Волгоградской области предпринимательскую деятельность по организации

и проведению азартных игр с использованием игрового оборудования и при этом извлек доход от незаконной деятельности в сумме 2 523 983 руб. [9].

Серьезный урон незаконный игорный бизнес приносит бюджетной сфере страны, поскольку его организаторы уклоняются от налогообложения. Теневой характер деятельности нелегальных игорных заведений приводит к тому, что многомиллионные доходы не облагаются установленным налогом.

Приговором Дзержинского районного суда г. Волгограда С. признан виновным в совершении преступления, предусмотренного п. «б» ч. 2 ст. 199 УК РФ. В судебном заседании установлено, что 02.07.2007 г. С., являясь руководителем ООО «РК «ХХХ», зарегистрировал и поставил на налоговый учет в ИФНС РФ по Дзержинскому району г. Волгограда 10 игровых столов. Затем С., имея умысел на уклонение от уплаты налога на игорный бизнес с ООО «РК «ХХХ» в особо крупном размере, 13.07.2007 г. в ИФНС РФ по Дзержинскому району г. Волгограда подал заявление, в которое внес заведомо ложные сведения о снятии с налогового учета в качестве объектов налогообложения 10 игровых столов.

После подачи заявления игровые столы в количестве 10 единиц продолжали находиться в обособленном подразделении ООО «РК «ХХХ», и на них в период с августа 2007 г. по октябрь 2008 г. проводились азартные игры. При этом С. систематически вносил в налоговые декларации недостоверные сведения, отражая наличие только игровых автоматов и не указывая 10 игровых столов, в результате чего не исчислен и не уплачен в бюджет налог на игорный бизнес на общую сумму 18 750 000 руб. [10].

Существование незаконного игорного бизнеса в нашей стране невозможно без весомой поддержки коррумпированных представителей властных структур — от рядовых сотрудников контролирующих органов, не принимающих мер к пресечению выявленных ими в ходе проверок правонарушений за разовое «вознаграждение», до руководителей силовых структур, обеспечивающих общее покровительство деятельности нелегальных игорных заведений.

Так, в январе 2012 г. начальник отдела полиции г. Заволжье Нижегородской области Г. после выявления нарушений в деятельности предпринимателя по организации и проведению азартных игр без установленного действующим законодательством разрешения предложил нарушителю передавать ему (Г.) незаконное ежемесячное вознаграждение в сумме 50 тыс. руб. за бездействие по службе (непроведение проверок и непринятие мер по пресечению противоправной деятельности). В своем служебном кабинете 08.02.2012 г. при получении взятки в сумме 20 тыс. руб. полицейский был задержан.

Приговором суда Г. признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 290 УК РФ [11].

Часто преступление, предусмотренное ст. 171.2 УК РФ, является предикатным для легализации (отмывания) денежных средств или иного имущества, добытых преступным путем. Данное обстоятельство обусловлено размерами неконтролируемой прибыли, получаемой в результате незаконных организации и проведения азартных игр и необходимостью вывода данных денежных средств из теневой сферы.

Незаконный игорный бизнес представляет собой благоприятную почву для развития организованной преступности, что также связано с большими объемами денежных потоков в данной сфере.

В феврале 2012 г. СО СК РФ по Воронежской области возбуждены уголовные дела в отношении девяти жителей г. Воронежа по ст. 210 УК РФ и ч. 2 ст. 171.2 УК РФ. В ходе расследования установлено, что житель г. Воронежа организовал преступную группу, в которой согласно распределенным ролям «территориальные менеджеры» подбирали «менеджеров» в помещения, оборудованные под проведение азартных игр, контролировали их деятельность по организации работы игровых автоматов и моноблоков, выдавали им заработную плату, контролировали получаемый ими доход, а также подыскивали новые помещения в целях последующего переоборудования под проведение азартных игр и т. д. В период с августа 2011 г. по февраль 2012 г. в результате преступных действий извлечен доход в сумме около 9 млн. рублей [12].

Помимо перечисленных в сфере игорного бизнеса могут совершаться и иные преступления, например незаконное образование (создание, реорганизация) юридического лица (ст. 173.1 УК РФ), незаконное использование документов для образования (создания, реорганизации) юридического лица (ст. 173.2 УК РФ), подделка, изготовление или сбыт поддельных документов, государственных наград, штампов, печатей, бланков (ст. 327 УК РФ) и др.

Данное обстоятельство подтверждает доводы о том, что незаконный игорный бизнес является благоприятной средой для развития преступности и оказывает негативное влияние на развитие личности и общества в целом.

По нашему мнению, преступления, совершаемые в сфере игорного бизнеса, можно подразделить:

1) на основные, ответственность за совершение которых установлена ст. 171.2 УК РФ, специально принятой для уголовно-правового противодействия незаконному игорному бизнесу;

2) иные преступления в сфере игорного бизнеса, ответственность за совершение которых предусмотрена другими статьями раздела VIII УК РФ.

По месту совершения данные преступления делятся:

1) на совершаемые на территории специально отведенных для организации и проведения азартных игр игорных зон;

2) совершаемые вне игорных зон.

Подробную классификацию рассматриваемых преступлений предлагают Р. А. Севостьянов и Е. В. Просвирин, выделяя три группы таких деяний:

1) преступления, совершаемые организаторами игр:

а) налоговые и иные экономические преступления;

б) преступления, совершаемые в отношении конкурентов;

2) преступления, совершаемые участниками игр:

а) преступления, совершаемые в отношении игорных заведений;

б) преступления, совершаемые игроками, страдающими игроманией, вне игорных заведений в целях получения средств для продолжения игр;

3) преступления, совершаемые иными лицами — деяния, направленные на получение денежных средств, принадлежащих игорным заведениям (кражи, грабежи, разбои) [13, с. 127, 128].

С предложенной системой сложно согласиться ввиду несоблюдения авторами требований единства критерия классификации. Так, первую группу составляют преступления, интегрированные по сфере совершения (налоговые и иные экономические) и по особенностям потерпевших (конкуренты). Вторая группа также образована по разным критериям (признаки потерпевшего и место совершения преступления).

С учетом сказанного преступления, совершаемые в сфере игорного бизнеса, по субъекту можно классифицировать следующим образом [14].

1. Преступления, совершаемые организаторами азартных игр:

а) преступления, совершаемые в отношении посетителей игорных заведений;

б) преступления, совершаемые в отношении государства;

в) преступления, совершаемые в отношении конкурентов.

2. Преступления, совершаемые участниками азартных игр:

а) преступления, совершаемые в отношении игорного заведения;

б) преступления, совершаемые в отношении граждан в целях получения денежных средств для продолжения участия в азартной игре;

3. Преступления, совершаемые иными лицами, — деяния, направленные на получение материальных ценностей и денежных средств, принадлежащих игорному заведению.

Список библиографических ссылок

1. Налоговый кодекс Российской Федерации. Часть вторая [Электронный ресурс] // Собрание законодательства РФ. 2000. № 32. Ст. 3340.

2. О государственном регулировании деятельности по организации и проведению азартных игр и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации [Электронный ресурс]: федер. закон от 29.12.2006 г. № 244-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2007. № 1 (Ч. 1). Ст. 7.
3. Берекет В. М. Административно-правовое регулирование игорного бизнеса: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 1996.
4. Официальный сайт ГУ МВД России по Хабаровскому краю [Электронный ресурс]. URL: <http://27.mvd.ru> (дата обращения: 23.12.2012).
5. О принятии Правил проведения испытаний игровых автоматов с денежным выигрышем с целью утверждения типа и контроля за их соответствием утвержденному типу [Электронный ресурс]: приказ Госстандарта РФ от 24.01.2000 г. № 22. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
6. Игровые автоматы становятся все более агрессивными [Электронный ресурс]. URL: http://www.rg.ru/bussines/rinky_2/76.shtm (дата обращения: 19.12.2012).
7. Официальный сайт прокуратуры Владимирской области [Электронный ресурс]. URL: <http://old.vladprok.ru> (дата обращения: 12.11.2012).
8. Официальный сайт Следственного комитета Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <http://www.sledcom.ru> (дата обращения: 22.12.2012).
9. Архив Центрального районного суда г. Волгограда. Уголовное дело № 094442.
10. Архив Дзержинского районного суда г. Волгограда. Уголовное дело № 1-397/2009.
11. Приговор Нижегородского областного суда от 17.05.2012 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://rospravosudie.com> (дата обращения: 10.01.2013).
12. Официальный сайт ГУ МВД России по Воронежской области [Электронный ресурс]. URL: <http://36.mvd.ru/news/325531> (дата обращения: 23.12.2012).
13. Севостьянов Р. А., Просвирин Е. В. Проблемы уголовно-правового регулирования организации и ведения незаконного игорного бизнеса: моногр. М., 2013.
14. См., напр.: Архив Волгоградского областного суда. Уголовное дело № 2-9/2008.

© Лихолетов А. А., 2013

***

С. В. Плохов

СИСТЕМА МЕР ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИОННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ В СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЕ

Статья посвящена вопросам противодействия коррупционной преступности в социальной сфере. Автор на основе анализа теоретических разработок и эмпирических данных формирует концептуальный подход к определению системы мер эффективного противодействия коррупционной преступности в социальной сфере.

Ключевые слова: коррупция, преступность, социальная сфера, противодействие.

S. V. Plokhov

THE SYSTEM OF MEASURES OF CORRUPTION PREVENTION IN THE SOCIAL SPHERE

The article is devoted to the issues of corruption prevention in the social sphere. On the basis of the analysis of theoretical developments and empirical data, the author represents the conceptual approach to the determination of the system of measures to effectively fight against corruption in the social sphere.

Keywords: corruption, crime, social sphere, prevention.

Конституция Российской Федерации, называя нашу страну социальным государством, гласит, что одно из важнейших направлений его деятельности касается социальной сферы: охрана труда и здоровья людей, получение общедоступного и бесплатного образования, установление гарантированного минимума оплаты труда, государственная поддержка семьи, инвалидов и пожилых граждан.

Между тем, проникая во все стороны жизни российского общества, коррупция, к сожалению, коснулась и ее социальной сферы, причем именно в данной области коррупционная преступность видоизменяется, приобретая новые формы и особые характерные черты.

Если в 2003 г. на территории страны зарегистрировано около 7 тыс. фактов взяточничества, то за последние 5 лет их число составляет не менее 9,7 тыс. [1], при этом, по официальным сведениям, большая часть выявленных общественно опасных деяний — преступления, совершенные врачами и преподавателями [2].

Одновременно необходимо учитывать, что коррупция в социальной сфере относится к числу самых латентных криминальных явлений, она почти не выявляется (из опрошенных автором настоящей статьи более 1 800 респондентов [3], свыше 80 % которых сталкивались с проявлениями коррупции, в правоохранительные органы обратился лишь один человек). Потому и воздействовать на коррупционеров (врачей, преподавателей) и тех, кто стоит по другую сторону (дающих взятки/незаконное вознаграждение), чрезвычайно сложно.

Коррупция в социальной сфере стала настолько присуща современной российской жизни, что превратилась в самовоспроизводящуюся и саморазвивающуюся социальную подсистему, т. е. стала

естественной. Поэтому, как заметил А. И. Селиванов, борьба с ней — дело не только длительное и кропотливое, но и во многом бесперспективное, как война с драконом, у которого на месте одной отрубленной головы вырастает две [4, с. 21].

Результаты проведенного нами социологического исследования продемонстрировали наличие аналогичных убеждений у различных категорий опрошиваемых.

В частности, в ходе изучения коррупции в сфере здравоохранения получены данные о том, что большинство респондентов Волгоградской области (48 % медицинских работников и 51 % пациентов) и значительное число опрошенных саратовцев (44 % медиков и 31 % пациентов) считают, что искоренить коррупцию невозможно, называя следующие причины:

— это невыгодно чиновникам (28 % медработников и 20 % пациентов);

— коррупция является составной частью системы российского здравоохранения, которое не сможет развиваться без коррупционных отношений (9 % и 18 % соответственно).

Оставшаяся часть респондентов уверена, что полностью искоренить коррупцию в сфере здравоохранения нельзя, однако можно незначительно улучшить ситуацию.

В том, что возможно полностью искоренить коррупцию в сфере образования, уверены лишь 10 % опрошенных педагогов вузов и 18 % учащихся, 22 % преподавателей и 30 % студентов считают, что можно лишь незначительно улучшить ситуацию. Остальная же категория респондентов полагает, что искоренить коррупцию невозможно.

Экспертный опрос также продемонстрировал отсутствие оптимистического настроения сотрудников правоохранительных органов: лишь 2 % опрошен-

ных считают, что коррупцию в социальной сфере можно искоренить. Между тем 40 % специалистов уверены, что возможно незначительно улучшить ситуацию. О том, что коррупцию искоренить нельзя, в категоричной форме высказались 58 % респондентов, при этом 23 % указали в качестве причины то, что коррупция является составной частью системы здравоохранения (образования), и здравоохранение (образование) не сможет развиваться без коррупционных отношений, тогда как 35 % опрошенных причиной назвали поддержку коррупции чиновниками.

В литературе все чаще встречается утверждение, что коррупция — явление социальное, и потому не поддается правовому воздействию [5, с. 15—16].

Однако, как верно отмечает А. И. Долгова, искусство юриста заключается, во-первых, в том, чтобы выделить проявления того или иного социального явления, поддающегося внешнему контролю, и дать его адекватное юридическое описание; во-вторых, учесть необходимость конструирования такой системы юридических мер воздействия, которая включала бы меры предупреждения, восстановления нарушенных прав и законных интересов, общие организационные меры; в-третьих, ввести надежные юридические основания для индивидуализации уголовной ответственности разных субъектов, общественная опасность действий которых не является тождественной [6, с. 728—729].

Следует иметь в виду, что термин «противодействие» шире категории «борьба» и охватывает закрепленный в Федеральном законе «О противодействии коррупции» механизм, который представляет собой систему мер, предпринимаемых различными государственными органами власти, специальными службами, организациями и гражданами по противодействию коррупции, состоящую из трех следующих элементов:

— по выявлению и устранению причин и условий, способствующих соответствующей угрозе (профилактика в широком смысле);

— выявлению, пресечению, раскрытию и расследованию конкретных преступлений, выступающих своеобразным ядром данной угрозы (борьба);

— минимизации и (или) ликвидации ее последствий.

С. М. Иншаков наряду с категорией «противодействие» употребляет термин «воздействие на преступность», в который ученый включает предупреждение преступности, профилактику преступности, борьбу с преступностью и контроль преступности [7, с. 78—81].

В то же время первостепенное значение в противодействии любому виду преступности должно уделяться именно ее предупреждению в целях недопущения совершения новых преступлений и, как следствие, порождаемых ими общественно-опасных последствий.

Предупреждение преступности понимается криминологами как многоуровневая система мер и осуществляющих их субъектов, направленная: а) на выявление и устранение либо ослабление и нейтрализацию причин преступности, отдельных ее видов, а также способствующих им условий; б) выявление и устранение ситуаций на определенных территориях или в определенной среде, непосредственно мотивирующих или провоцирующих совершение преступлений; в) выявление в структуре населения групп повышенного криминального риска и снижение этого риска; г) выявление лиц, поведение которых указывает на реальную возможность совершения преступлений, и оказание на них сдерживающего и корректирующего воздействия, а в случае необходимости — и на их ближайшее окружение [8, с. 265—266].

В криминологии выделяются комплексы общесоциальных и специальных (криминологических) мер предупреждения преступлений.

Общесоциальные меры — это совокупность экономических, политических, организационных, информационных и иных мероприятий, обеспечивающих развитие российского общества, которое выражается в становлении и укреплении нашей рыночной экономики, что прямо и косвенно отражается на материальной и духовной жизни народа [9, с. 928—929].

Общесоциальные меры предупреждения преступности в отличие от специальных не имеют прямой и непосредственной направленности на предупреждение антисоциального поведения, но именно они определяют основное содер-

жание профилактики. К таким мерам относится соблюдение государством равенства всех граждан перед законом и судом, личной неприкосновенности частной жизни, свободного передвижения, использования своих способностей и имущества, соблюдение иных экономических, политических и социальных гарантий.

Специально-криминологические меры предупреждения преступлений охватывают мероприятия, непосредственно направленные на устранение выявленных причин и условий, способствующих совершению преступлений, на прямое противодействие преступным проявлениям [9, с. 930]. Такие меры определяются комплексом причин и условий, детерминирующих преступления конкретного вида.

Существуют разнообразные классификации специальных мер профилактики преступности.

К примеру, В. Н. Кудрявцев и В. Е. Эминов подразделяют такие меры на следующие категории:

1) по объему — воздействующие на массив обстоятельств, ситуаций, лиц с неопределенной численностью; на группу обстоятельств, ситуаций и лиц, имеющих определенные характеристики; на обстоятельства, ситуации, лиц, связанных с совершением конкретного преступления;

2) по направленности — имеющие целью ограничение проявлений преступности применительно к отдельным ее видам, типам преступников, криминальным обстоятельствам, ситуациям, мотивам;

3) по механизму воздействия — воспитательные, социальной поддержки, правового воздействия, технические меры;

4) по своевременности применения — ранняя профилактика, непосредственная профилактика, профилактика на этапе преступного поведения, профилактика рецидива [8, с. 278—283].

В. В. Лунеев, кроме того, выделяет классификации специально-криминологических мер:

1) по масштабам — федеральные, региональные, объектные, контингентные, индивидуальные;

2) по правовой регламентации — процессуальные, непроцессуальные [9, с. 928].

Н. Л. Денисов меры предупреждения подразделяет исходя из сфер применения на социально-экономические, идеологические, культурно-воспитательные, организационно-управленческие, технические и правовые [10, с. 194].

По нашему мнению, при конструировании системы мер противодействия, в том числе профилактики коррупции необходимо учитывать, что коррупция — сложное криминальное явление, детерминированное множеством факторов самой различной природы (культурно-исторических, экономических, политических, организационно-управленческих, социально-психологических, идеологических и др.). Соответственно, антикоррупционная политика должна носить комплексный характер и реализовываться с помощью разнообразных общественных механизмов и правовых средств различной отраслевой принадлежности. В то же время необходимо иметь в виду, что основные детерминанты коррупции находятся в области функционирования экономических и политических институтов, в социальной и культурной сферах. Антикоррупционная стратегия должна строиться на применении упреждающих мер и отдавать первостепенное значение общепреventивным подходам.

Одновременно сокращение причин и условий, порождающих коррупционное поведение, необходимо подкреплять повышением риска коррупции (эффективным преследованием коррупционеров). При правовом противодействии коррупции целесообразно использовать комплекс правовых средств разнообразной отраслевой природы, обеспечивая их согласованное применение.

Результаты проведенного нами социологического исследования подтверждают необходимость принятия следующих мер по противодействию коррупции в социальной сфере (указаны данные Саратовской области, затем в скобках — Волгоградской):

Вариант ответа	Врачи	Пациенты	Учителя	Школьники	Преподаватели вузов	Студенты	Сотрудники правоохр. органов
Повышение заработной платы работникам социальной сферы	88 % (85 %)	77 % (73 %)	88 % (93 %)	71 % (66 %)	75 % (69 %)	86 % (49 %)	77 % (96 %)
Совершенствование антикоррупционного законодательства в части установления запретов и ограничений для врачей и преподавателей, усиления контроля за их работой	34 % (9 %)	24 % (14 %)	27 % (29 %)	72 % (58 %)	34 % (50 %)	48 % (30 %)	74 % (83 %)
Повышение правовой культуры населения	42 % (20 %)	39 % (23 %)	34 % (24 %)	34 % (42 %)	36 % (51 %)	37 % (31 %)	67 % (72 %)
Усиление уголовной ответственности	28 % (10 %)	54 % (17 %)	13 % (13 %)	52 % (47 %)	40 % (43 %)	51 % (57 %)	67 % (72 %)
Улучшение условий оказания услуг и труда работников социальной сферы	84 % (56 %)	62 % (52 %)	—	—	—	—	80 % (70 %)

Респондентам разрешалось отметить неограниченное число вариантов. Как видно, всеми категориями активно отмечалось несколько наиболее важных мер. Таким образом, большинство опрошенных обоснованно полагают, что необходим комплекс предложенных выше мер противодействия коррупции.

В связи с изложенным, учитывая комплекс причин и условий, детерминирующих коррупцию в социальной сфере, мы предлагаем следующую систему специально-криминологических мер противодействия коррупционным преступлениям в здравоохранении и образовании.

1. Комплекс мер социально-экономического характера, в том числе:

— повышение заработной платы врачам и преподавателям;

— введение оплаты труда медицинскому персоналу лечебно-профилактических учреждений в зависимости от объема оказанных платных услуг;

— улучшение материально-технических условий оказания медицинской помощи и образовательных услуг населению, а также труда работников социальной сферы.

2. Комплекс правовых мер, таких как:

— дополнение гл. 25 УК РФ специальным составом, предусматривающим уголовную ответственность медицинских работников и преподавателей за получение незаконного вознаграждения, что необходимо ввиду несоответствия закону сложившейся практики привлечения указанных лиц к уголовной ответственности по ст. 290 УК РФ, широкой распространенности и повышенной общественной опасности коррупционных злоупотреблений в сферах образования и здравоохранения:

«1. Получение работником медицинского или образовательного учреждения, не являющимся должностным лицом, незаконного вознаграждения за выполнение работы или оказание услуги в сфере дошкольного, среднего или высшего образования либо медицинского обслуживания, входящих в круг служебных обязанностей такого работника, —

наказывается штрафом в размере от пятикратной до двадцатипятикратной суммы незаконного вознаграждения с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок

до трех лет, либо принудительными работами на срок до одного года с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет.

2. Те же действия, совершенные путем вымогательства незаконного вознаграждения, —

наказываются штрафом в размере от двадцатипятикратной до пятидесятикратной суммы незаконного вознаграждения с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет, либо принудительными работами на срок до трех лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет»;

— внесение изменений в Федеральный закон «О противодействии коррупции» в части корректировки определения коррупции, которое не соответствует ни юридической логике, ни целям борьбы с указанным негативным явлением [11, с. 290—298] с обращением внимания: на расширение понятия коррупции при недопущении отождествления его лишь с преступлениями коррупционной направленности (необходимо дать собирательное определение, показав массовость данного явления и конкретные объекты, подлежащие изучению и пристальному вниманию со стороны компетентных органов); расширение мотива совершения коррупционных деяний путем указания на иную личную заинтересованность; ограничение субъектов коррупционных деяний государственными и муниципальными служащими, что приведет к правильному смещению акцентов деятельности правоохранительных органов;

— реформирование административного законодательства России в части заимствования положений законодательства других государств;

— завершение работы по имплементации

в российское законодательство норм международного права, в том числе Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности, Конвенции ООН против коррупции и Конвенции Совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию.

3. *Комплекс психологических (идеологических, культурно-воспитательных) мер*, в том числе:

— повышение правовой культуры населения посредством информирования людей о негативных последствиях коррупции, проведения различных акций и культурно-массовых мероприятий под лозунгом «Нет коррупции»;

— повышение уровня доверия населения правоохранительным органам, в том числе посредством обучения их сотрудников психологическим приемам общения с населением;

— знакомство сотрудников образовательных лечебных учреждений, а также студентов медицинских и педагогических учебных заведений с российскими и международными этическими кодексами документами.

4. *Разработка и внедрение сильной государственной политики в области противодействия коррупции в социальной сфере (комплекс организационных мер)*, а именно:

— введение системы администраторов лечебных учреждений, что позволит эффективно бороться с таким проявлением коррупции в медицине, как оплата услуг «в карман» врачу (разработан проект соответствующего приказа Минздрава РФ);

— усиление и реальное осуществление контроля за качеством образования и здравоохранения в стране и регионах в частности;

— выделение средств на проведение профилактических антикоррупционных мер в каждой крупной больнице, в школах и вузах страны и обязательный контроль за их расходованием, и многие другие.

Примечания

1. Общие сведения о состоянии преступности [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mvd.ru> (дата обращения: 28.01.2013).

2. У Чайки все хуже [Электронный ресурс]. URL: http://www.gazeta.ru/politics/2011/04/21_a_3591281.shtml (дата обращения: 17.06.2011).

3. Социологическое исследование проведено в 2010 г. на территории Волгоградской и Саратовской областей в рамках программы «Исследовательские проекты молодых ученых» Саратовского Центра по исследованию проблем организованной преступности и коррупции. Полный текст исследования опубликован на сайте: www.sartraccc.ru.

4. Селиванов А. И. Геополитические и геоэкономические причины коррупции в России // Гос. власть и самоуправление. 2010. № 5.

5. Мельник Н. И. Понятие коррупции // Коррупция и борьба с ней. М., 2000.

6. Криминология: учебник / под общ. ред. А. И. Долговой. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2008.

7. Иншаков С. М. Криминология: учебник. М., 2000.

8. Криминология: учебник / под ред. В. Н. Кудрявцева и В. Е. Эминова. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2006.

9. Лунеев В. В. Курс мировой и российской криминологии: учебник. Общая часть. М., 2011. Т. 1.

10. Криминология: учеб. пособие для студ. вузов / под ред. С. Я. Лебедева, М. А. Кочубей. М., 2007.

11. Подр. см.: Плохов С. В. К вопросу о понятии коррупции в Российском законе // Современное состояние и проблемы уголовного и уголовно-процессуального права, юридической психологии: материалы междунар. науч.-практ. конф. (г. Волгоград, 13—14 декабря 2012 г.). Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2012.

© Плохов С. В., 2013

***

В. А. Гусев

ПОНЯТИЕ И СУЩНОСТЬ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПРОЦЕДУРЫ ПРОВЕДЕНИЯ ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ

В работе рассматриваются сущность и содержание оперативно-разыскных мероприятий с точки зрения регламентированной законодательством и ведомственными актами процедуры их проведения. Предлагается авторская концепция понятия «процедура проведения оперативно-разыскных мероприятий» и ее правового регулирования.

Ключевые слова: оперативно-разыскная деятельность, оперативно-разыскные мероприятия, процедура.

V. A. Gusev

CONCEPT AND CORE OF THE LEGAL PROCEDURE OF CONDUCTING OPERATIONAL SEARCH ACTIVITIES

The article focuses on the core and content of operational search activities in terms of the procedure of their conduct that is regulated by the legislation and institutional acts. The author offers his own concept of “procedure of the conduct of operational search activities” and its legal regulation.

Keywords: operational search activities, operational search arrangements, procedure.

Оперативно-разыскные мероприятия (ОРМ) как инструментарий органов, осуществляющих ОРД, на полном основании можно считать «сердцевинной» оперативно-разыскного процесса, обеспечивающей выявление, сбор и фиксацию информации, необходимой для достижения целей и решения задач ОРД. Именно поэтому, как нам представляется, на современном этапе существует объективная необходимость формирования системы процедурных норм, регламентирующих порядок осуществления оперативно-разыскных мероприятий.

В настоящее время оперативно-разыскное законодательство фактически не содержит таких норм. Так, Б. Я. Нагиленко, опираясь на труды С. С. Алексеева, делает вывод о том, что каждое отраслевое право с юридической стороны выделяется в правовой системе режимом регулирования [1, с. 191]. Если с этих теоретических позиций рассматривать содержание Федерального закона «Об оперативно-разыскной деятельности», то в нем мы не увидим правового порядка проведения оперативно-разыскных мероприятий, осуществление которых должно порождать соответствующие пра-

воотношения, более того, сущность указанных мероприятий в этом законе не раскрывается [2, с. 81].

Безусловно, данные обстоятельства негативно сказываются на эффективности проведения ОРМ правоприменителем, однако мы не разделяем столь категоричное мнение. В некоторой степени аналогичную ситуацию можно наблюдать и в уголовном процессе. Так, например, к числу используемых в доказывании процессуальных действий правосознание правоприменителя относит получение объяснений [3] и запрос (истребование). А. М. Баранов справедливо отмечает: «Формально сегодня нет законной процедуры для сбора доказательств путем производства этих действий, т. е. они перестали быть процессуальными, однако рассматриваемые способы повсеместно применяются на практике и ни у одной из сторон процесса не возникает вопросов о признании результатов этих действий недопустимыми. Отличительным признаком этих и многих других процессуальных способов собирания доказательств, упомянутых в УПК РФ, является отсутствие процедуры их производства» [4, с. 62—63].

С принятием ФЗ об ОРД методы оперативно-разыскной деятельности фактически приобрели правовую форму в виде конкретных оперативно-разыскных мероприятий, которые, являясь одним из основных элементов ОРД, представляют собой не что иное, как юридические процедуры получения оперативно-разыскной информации (хоть и определенные в подзаконных нормативных актах) в рамках общего оперативно-разыскного процесса. При этом правовая природа оперативно-разыскных мероприятий проявляется в том, что «их результаты всегда влекут определенные юридически значимые последствия или связаны с их наступлением» [5, с. 72]. Кстати, именно поэтому мы не можем согласиться с суждением о том, что законодательный перечень оперативно-разыскных мероприятий не должен быть исчерпывающим. При отсутствии правовой регламентации ОРМ и процедуры их проведения будет затруднено или даже невозможно использование их результатов при доказывании. Это признается противником данной точки зрения — В. Г. Бобровым, который отмечает, что «отсутствие законодательного определения сущности отдельных ОРМ на практике приводит к тому, что их проведение следователями, прокурорами, судом и адвокатами (защитниками) в ряде случаев признается незаконным» [6, с. 76—77].

Действительно, достаточно часто в следственной и судебной практике встречаются негативные факты нарушения юридических процедур при проведении оперативно-разыскных мероприятий, что приводит к признанию недопустимыми доказательств, образованных на их основе. Так, Постановлением Верховного суда Карачаево-Черкесской Республики от 10 октября 2007 г. уголовное дело в отношении Б., обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного п. «в» ч. 4 ст. 290 УК РФ, и в отношении А., обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного ч. 5 ст. 33, п. «в» ч. 4 ст. 290 УК РФ, возвращено прокурору Карачаево-Черкесской Республики для устранения препятствий его рассмотрения судом. Суд указал, что обвинительное заключение по делу составлено с нарушением требований УПК РФ, результаты оперативно-разыскных мероприятий, представленные в судебном заседании как доказательства

виновности Б. и А., получены с нарушением ФЗ об ОРД и, следовательно, являются недопустимыми, поскольку имеющееся в деле постановление о передаче следователю материалов оперативно-разыскного мероприятия «Оперативный эксперимент» подписано ненадлежащим лицом. В качестве недопустимых доказательств суд указал протокол передачи денежных купюр и применения специальных окрашивающих средств, протокол передачи технических средств, протокол изъятия технических средств и производные от них заключения судебных экспертиз [7].

В настоящее время подавляющее большинство ученых полагают, что система нормативных предписаний, содержащихся в законодательных и подзаконных нормативных актах, регулирующих проведение ОРМ, обладает признаками, с которыми в теории права связывают понятие самостоятельного правового института [8]. И если данное утверждение уже не вызывает большой дискуссии в юридическом сообществе, то гласные и негласные формы осуществления ОРМ продолжают оставаться предметом научно-практических споров.

Так, среди ученых и практиков существует мнение, основоположником которого является Б. Я. Нагиленко, об абсолютной «негласности» ОРД, необходимости отнесения гласных ОРМ в сферу административно-правового регулирования и об отсутствии необходимости законодательного закрепления основных положений ОРД, т. е. нецелесообразности существования ФЗ об ОРД [9]. Несмотря на большое количество аргументов (чаще всего предъявляемых бессистемно), признать обоснованными такие выводы вряд ли представляется возможным. Во-первых, потому что о существовании ОРД и о возможностях органов, ее осуществляющих, осведомлено подавляющее большинство граждан, соответственно полагать, что ОРД может оставаться негласной, неразумно. Во-вторых, значимость ФЗ об ОРД и заключается в том, что некогда тайная и, по мнению некоторых представителей общественности, незаконная разведывательная деятельность государства «легализовалась» и стала одной из правовых форм борьбы с преступностью. В-третьих, мы солидарны с Н. П. Водько в том, что в оперативно-разыскном процессе не всегда можно четко

провести разделительную линию между гласными, зашифрованными и негласными мероприятиями, поскольку в динамике они дополняются, перерастают одно в другое и органически сочетаются на оперативно-тактическом и организационном уровнях деятельности [10, с. 21].

Мы предлагаем взять за основу общепринятое в теории ОРД представление о том, что гласное проведение ОРМ предполагает выполнение оперативными сотрудниками действий, при которых не скрываются ни факт проведения оперативно-разыскного мероприятия, ни его субъекты, ни истинные цели мероприятия. Осуществление гласных оперативно-разыскных мероприятий предполагает официальные контакты должностных лиц органов, осуществляющих ОРД, с физическими лицами и представителями юридических лиц [11, с. 447]. В свою очередь при негласном проведении ОРМ от его объектов и посторонних лиц скрывается сам факт осуществления действий, образующих оперативно-разыскное мероприятие, а также принадлежность его субъектов к правоохранительным органам.

Исходя из этого, не можем не согласиться с учеными, которые отмечают, что элементы гласности присутствуют в различных ОРМ (например, невозможно представить себе негласный опрос потенциальных свидетелей на месте совершения преступления или негласное наведение справок при направлении официальных запросов на предприятия, в учреждения, организации) [12]. Более того, целый ряд ОРМ, которые изначально осуществляются негласно, впоследствии могут завершаться в гласной форме. В частности, оперативный эксперимент и проверочная закупка планируются и проводятся негласно, однако затем нередко завершаются задержанием выявленного преступника и гласным оформлением результатов. В связи с этим полагаем целесообразным согласиться с А. Е. Чечетиным, который под оперативно-разыскными мероприятиями предложил понимать закрепленные в ФЗ об ОРД и проводимые уполномоченными на то субъектами в соответствии с требованиями нормативных правовых актов действия, основанные на применении как гласных, так и негласных средств и методов и направленные на непосредственное выявление

и использование фактических данных, необходимых для решения задач ОРД [13, с. 53].

Принимая во внимание, что ФЗ об ОРД не содержит законодательных определений сущности и содержания оперативно-разыскных мероприятий, органы, осуществляющие ОРД, в пределах своей компетенции определяют их понятие и регламентируют их организацию и тактику в ведомственных нормативных актах. Однако они не в состоянии восполнить весь тот законодательный «вакуум» неурегулированности оперативно-разыскных процедур. Становится очевидным, что необходимо разрабатывать акты, регламентирующие наиболее сложные ОРМ (оперативное внедрение, контролируемая поставка и т. д.), а также решение иных частных задач ОРД (создание и функционирование легендированных объектов, оперативная работа в ИВС и т. д.) [14, с. 33]. Примечательно, что в последнее время стали появляться ведомственные нормативные акты, регулирующие ОРМ, без ограничительного грифа секретности, в частности, Инструкция о порядке проведения сотрудниками органов внутренних дел гласного оперативно-разыскного мероприятия обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств, утвержденная приказом МВД России от 30 марта 2010 г. № 249.

Приветствуя в целом детальную регламентацию ОРД, способствующую более эффективной реализации права оперативно-разыскных органов на проведение ОРМ, полагаем, что многосубъектность ведомственных нормотворцев имеет определенный негативный потенциал. Так, проведенный В. Ф. Луговиком контент-анализ научных и правовых источников, позволяет утверждать, что в настоящее время между различными органами, осуществляющими ОРД, наблюдается несогласованность терминологии, в том числе и при формулировании положений в ведомственных нормативных правовых актах; дается различное толкование норм ФЗ об ОРД; имеются расхождения по концептуальным проблемам оперативно-разыскной науки [15, с. 27]. На этом фоне одобрение вызывает совместно разработанная и утвержденная Инструкция о порядке представления результатов ОРД в уголовное судопроизводство [16]. Однако это единственное исключение из правил, которое

регулирует лишь отдельный аспект ОРД. Поэтому, если рассматривать решение этого вопроса с позиций ведомственной регламентации, то наиболее предпочтительным вариантом будет издание совместного (всеми субъектами ОРД) нормативного акта, регулирующего процедуру осуществления оперативно-разыскных мероприятий [15, с. 29].

Представляется целесообразным законодательное закрепление процедуры проведения каждого оперативно-разыскного мероприятия в отдельной норме ФЗ об ОРД. Специалисты отмечают, что практика испытывает значительные затруднения в связи с отсутствием законодательного определения ОРМ и детального регулирования многих положений, связанных с подготовкой и проведением всей системы оперативно-разыскных мероприятий, соотношением этой системы с иными институтами в сфере ОРД [17, с. 39]. Мы поддерживаем инициативу А. Е. Чечетина, который предлагает включить в ФЗ об ОРД отдельную главу, посвященную основаниям, условиям и процедуре проведения оперативно-разыскных мероприятий [18]. Такой подход позволит на законодательном уровне закрепить оперативно-разыскные мероприятия в качестве легальных способов собирания информации и познания окружающей действительности. Это, на наш взгляд, создаст необходимые предпосылки для эффективной реализации законодательного права органов, осуществляющих ОРД, на проведение оперативно-разыскных мероприятий, в частности, это позволит систематизировать законодательные нормы, регулирующие проведение ОРМ, и соединить их в целостный комплекс правовых положений, представляющий собой механизм реализации права государственных органов на проведение ОРМ.

В действующем законодательстве данная совокупность норм хаотично распределена по различным статьям ФЗ об ОРД и других законодательных актов. Например, при наличии общего права всех органов, осуществляющих ОРД, проводить оперативно-разыскные мероприятия, ст. 8.1 ФЗ об ОРД содержит *исключительное право* оперативных подразделений органов федеральной службы безопасности проводить ОРМ в целях определения факта установления иностранным инвестором контроля над хозяйст-

венным обществом, имеющим стратегическое значение для обеспечения обороны страны и безопасности государства. В другом случае законодатель, определив перечень органов, которым предоставляется право осуществлять ОРД, в ч. 5 ст. 13 ФЗ об ОРД отмечает, что их оперативные подразделения *вправе* проводить совместно с работниками уголовно-исполнительной системы оперативно-разыскные мероприятия в следственных изоляторах уголовно-исполнительной системы. Остается непонятным, зачем законодатель при формулировании оснований для проведения оперативно-разыскных мероприятий в ч. 2 ст. 7 ФЗ об ОРД обозначил, что органы, осуществляющие оперативно-разыскную деятельность, в пределах своих полномочий *вправе* также собирать данные, необходимые для принятия целого перечня организационно-правовых решений.

Примечательно, что сопутствующие праву на проведение ОРМ иные права органов, осуществляющих ОРД, встречаются в других законодательных актах. Например, в ст. 49 Федерального закона «О наркотических средствах и психотропных веществах» [19] отмечается, что органы, осуществляющие ОРД, имеют *право* на проведение контролируемой поставки и проверочной закупки наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров в целях оперативно-разыскной деятельности.

Такое бессистемное распределение законодательных норм, регулирующих по существу единое право органов, осуществляющих ОРД, на проведение оперативно-разыскных мероприятий не способствует, на наш взгляд, правильному восприятию законодательного акта правоприменителем и гражданами, ставшими участниками оперативно-разыскных правоотношений. Вместе с тем проблема законодательной регламентации *права* на проведение оперативно-разыскных мероприятий (как в принципе и правовой регламентации самих ОРМ) является весьма актуальной как с научной, так и с практической точки зрения.

Об этом свидетельствует наличие среди ученых мнения о том, что далеко не вся сыскная деятельность полиции нуждается в жестком юридическом нормировании. Так, например, по мнению Н. П. Водько, процессуализация ОРД на данном

этапе развития права несостоятельна и нецелесообразна: как свидетельствуют практика и научные изыскания, только отдельные положения ОРД нуждаются в их согласовании с уголовно-процессуальными нормами [10, с. 126]. Поэтому процессуальной регламентации подлежат лишь те оперативно-разыскные действия, результаты которых могут быть подвергнуты оценке в соответствии с принципами уголовного судопроизводства [20, с. 9]. Ю. П. Соловей полагает, что полицейский, частный детектив, журналист в ходе своей деятельности вправе делать то, что не запрещено законом и чем безнаказанно может заниматься любое частное лицо: беседовать с незнакомыми людьми, задавать им вопросы и получать ответы, если те желают с ними говорить; просить кого-либо предоставить информацию и вознаграждать за это; осуществлять скрытое наблюдение за интересующими лицами или объектами, фотосъемку, видео- и аудиозапись в общедоступных местах; собирать о ком-либо сведения; использовать с согласия владельцев помещения, транспортные средства, иное имущество и т. п. Иными словами, сыскная деятельность, не затрагивающая права и свободы граждан, должна находиться за пределами сферы правового регулирования [21].

Позволим себе не согласиться с таким подходом прежде всего потому, что оперативные сотрудники в процессе осуществления ОРД действуют не как частные лица, а как представители государственных правоохранительных органов, и поэтому они осуществляют не «какие-либо не запрещенные законом действия», а проводят оперативно-разыскные мероприятия. Примечательно, что ч. 6 ст. 6 ФЗ об ОРД содержит прямой запрет на проведение оперативно-разыскных мероприятий не уполномоченными на то физическими и юридическими лицами. Должностные лица оперативных подразделений при проведении ОРМ действуют от лица государства и в интересах общества. Процедура и результаты этих мероприятий должны быть документально зафиксированы, так как в последующем могут иметь определенные юридические последствия: принятие решения о доставлении и задержании гражданина; прове-

дении в отношении него следственных действий и т. п. Необходимо также отметить, что сведения, полученные в результате ОРМ, могут быть использованы для принятия различных решений, предусмотренных чч. 2 и 3 ст. 7 ФЗ об ОРД. Данные решения влекут за собой крайне важные для отдельных граждан и общества юридические последствия, в связи с этим, по нашему убеждению, они должны быть основаны на данных, полученных и зафиксированных в установленной законом процедуре.

Не следует забывать, что ОРМ могут проводиться только для достижения целей и решения задач ОРД, соответственно в иных случаях должностные лица оперативно-разыскных органов не имеют права осуществлять их. Здесь отчасти заложен определенный антикоррупционный потенциал: оперативный сотрудник обязан обосновать необходимость проведения тех или иных ОРМ решением задач, определенных в ФЗ об ОРД, а не своей корыстной или другой заинтересованностью. К сожалению, иногда оперативные сотрудники за незаконное вознаграждение проводят ОРМ в интересах какой-либо коммерческой организации или частного лица. Более того, имеются случаи, когда сотрудники оперативных подразделений совершают преступления (осуществляют сбыт наркотиков, оружия) под прикрытием проведения «оперативного эксперимента» или «оперативного внедрения». И только наличие или отсутствие регламентированных нормативными правовыми актами оперативно-служебных документов, содержащих основания для проведения ОРМ и отражающих процесс их осуществления, позволяет выявить такую замаскированную преступную деятельность.

Именно поэтому, на наш взгляд, процедура оперативно-разыскных мероприятий и право на их проведение должны быть тщательно регламентированы в ФЗ об ОРД. Действительно, перечень оперативно-разыскных мероприятий, в некоторых случаях ограничивающих конституционные права и свободы граждан, — это тот инструментальный борьбы с преступностью, использовать который вправе только определенные законодателем госу-

дарственные органы. В связи с этим мы полностью разделяем позицию М. П. Полякова и Р. С. Рыжова в том, что ОРД может рассматриваться как технология производства информации, а пути усовершенствования познавательных технологий созвучны информационной характеристике результатов познания: содержательные и субъектные аспекты в конечном итоге замыкаются на процедуру. Признание ОРД технологией познания криминала позволяет рассматривать этот способ познания в одной плоскости с уголовно-процессуальным познанием. Ученые полагают, что два этих вида познания — элементы одной *кримкогнитивной* системы [22, с. 62—64, 69].

Отсюда следует вывод, что методы познания преступления у органов, осуществляющих ОРД и предварительное расследование, по существу одинаковые. В основе всех познавательных технологий лежат общие методы познания: наблюдение, опрос, эксперимент и т. д. И следственные действия, и оперативно-разыскные мероприятия — это всего лишь способы адаптации эмпирических методов познания [22, с. 67—68]. В связи с этим считаем возможным исследовать процедуру ОРМ, основываясь на результатах научных изысканий в области уголовно-процессуальной теории и права.

Прежде всего хотелось бы отметить, что УПК РФ не содержит общего понятия «следственное действие» и не раскрывает сущность каждого следственного действия в отдельности, однако это не препятствует эффективному осуществлению предварительного расследования. Это позволяет нам сделать вывод, что отсутствие законодательно определенного понятия «следственного действия» не оказывает какого-либо влияния на процедуру его осуществления и процесс собирания доказательств в целом. В связи с этим мы также не видим необходимости законодательно закреплять понятие «оперативно-разыскное мероприятие» в ФЗ об ОРД. В то же время уголовно-процессуальное законодательство детально регламентирует общие правила производства следственных действий, а также частные основания и порядок производства отдельных следственных действий с учетом специфики используемых в том или ином

случае методов познания. Именно это составляет сущность уголовно-процессуальной процедуры производства следственных действий, в результате которой получают доказательства.

По мнению Р. С. Белкина, информация о преступлении становится доказательственной информацией и составляет содержание доказательства лишь после надлежащей процессуальной процедуры [23, с. 121]. Именно наличие в уголовно-процессуальном законодательстве такой процедуры производства следственных действий и отсутствие аналогичной процедуры производства ОРМ в оперативно-разыском законодательстве повлекло за собой недостаточное восприятие результатов ОРД в целом. Правило о том, что доказательства могут быть получены только средствами и в порядке, прямо установленном в уголовно-процессуальном законе, нашло свое нормативное закрепление в ч. 1 ст. 86 УПК РФ и по меткому замечанию А. М. Баранова стало священным для правосознания современных юристов. Этим, по мнению ученого, законодатель строго ограничил возможность правоприменителя в средствах получения доказательств, допустив методологическую ошибку и выбрав неверный путь толкования рассматриваемых понятий, хотя объективных причин для такого подхода у законодателя нет [24, с. 63].

В науках криминального цикла уже сложилась традиция обозначать сведения, полученные вне процедур уголовно-процессуального метода термином «непроцессуальная информация» [25, с. 34]. Мы вынуждены согласиться с А. М. Барановым, который утверждает: «Правосознание юристов не желает воспринимать результаты ОРД в качестве доказательств потому, что информацию получают в результате иной по юридической природе деятельности, существующей параллельно, как равная уголовному судопроизводству. Коль юридическая природа разная, то и юридическая природа результатов разная, и, как следствие, результаты с разной юридической природой не могут быть использованы для обоснования выводов в иной деятельности. Уголовное судопроизводство в силу своего консерватизма и процедурности (формальности) воспринимает в качестве доказательств сведения, полученные только в рамках данной

процедуры» [24, с. 64]. Таким образом, свойство процессуальности приписывается только одному виду деятельности — уголовному процессу. Представляется, однако, что подобная монополия не может быть признана оправданной [26, с. 67].

Разрушить этот стереотип и создать эффективную правоохранительную систему, включающую в себя полноправную ОРД, возможно только путем законодательного закрепления процедур осуществления ОРМ. И если данный тезис уже не оставляет широкого поля для юридической дискуссии, то вопрос, в каком законе и как регламентировать эти процедуры, содержит большой потенциал для полемики среди ученых и практиков. Так, например, существует мнение о том, что уголовно-процессуальной форме, в которой должны быть представлены результаты ОРД, должна корреспондировать оперативно-разыскная форма, соблюдение которой является необходимой предпосылкой перевода результатов ОРД в доказательств [27, с. 165]. В соответствии с другой точкой зрения негласные приемы и способы собирания сведений (доказательств) должны иметь уголовно-процессуальную природу, т. е. регулироваться уголовно-процессуальным законодательством [28, с. 65].

В обоих случаях мы наблюдаем ярко выраженный уголовно-процессуальный уклон в перспективной регламентации процедуры проведения ОРМ. Однако, несмотря на явный, обеспечивающий уголовное преследование характер ОРД, напомним, что ОРМ могут также проводиться в целях принятия решений (чч. 2 и 3 ст. 7, ст. 8.1 ФЗ об ОРД), не связанных с уголовным судопроизводством. При этом законодательно регламентированная процедура ОРМ не менее важна, так как ее результаты имеют очевидные юридические последствия (о предоставлении либо об аннулировании лицензии на осуществление частной детективной или охранной деятельности; о замещении должностей государственных и муниципальных служащих; о замещении должности судьи и т. д.). Не исключено, что допустимость и достоверность собранных оперативным путем сведений могут стать предметом судебного разбирательства в рамках гражданского процесса. В этом случае именно соблюдение оперативно-разыскной процедуры, т. е. оснований и условий проведения ОРМ, подтвер-

жденных соответствующими процессуальными документами, будет способствовать принятию объективного судебного решения по иску.

Важным элементом процедуры проведения ОРМ является документальное оформление принятия процессуального решения, порядка его проведения и полученных результатов. Принятие решения по конкретному делу и его оформление в виде индивидуального акта применения права относятся к числу обязательных признаков правоприменительной деятельности государственного органа или должностного лица [29, с. 320]. С. А. Шейфер аргументированно обосновывает, что проведение следственного действия представляет собой не что иное, как акт применения уголовно-процессуального права [30, с. 51—54]. Не является, на наш взгляд, исключением и оперативно-разыскное мероприятие, которое можно и нужно рассматривать как акт применения оперативно-разыскного права.

Следует иметь в виду, что слово «акт» (от лат. *actus*) в рассматриваемом нами аспекте может быть определено как действие (поступок) и как постановление или документ, имеющий юридическое значение [31, с. 28]. При этом юридическое значение такого документа заключается в том, что в нем удостоверяется что-либо, отражается какой-либо юридический факт и его составление имеет определенные правовые последствия [32, с. 19]. Нам представляется, что акт правоприменения имеет именно такое двуединое значение, которое отражает и активную часть применения права, и ее документальное оформление. В связи с этим мы солидарны с учеными, которые пришли к выводу о неразрывном единстве процессуального действия и процессуального документа, соотносящихся между собой как содержание и форма одного и того же явления [33, с. 56]. Такой подход вполне применим в рамках нашего исследования процедуры оперативно-разыскных мероприятий.

Действительно, оперативно-разыскное законодательство предусматривает необходимость вынесения постановления в случае принятия процессуального решения о проведении некоторых ОРМ. Так, в ч. 3 ст. 8 впервые в ФЗ об ОРД законодатель определил, что в случаях, которые не

терпят отлагательства и могут привести к совершению тяжкого или особо тяжкого преступления, а также при наличии данных о событиях и действиях (бездействии), создающих угрозу государственной, военной, экономической или экологической безопасности Российской Федерации, допускается проведение ОРМ, которые ограничивают конституционные права человека и гражданина, на основании мотивированного постановления одного из руководителей органа, осуществляющего ОРД. Далее, в ч. 7 ст. 8 ФЗ об ОРД, отмечается, что проверочная закупка или контролируемая поставка предметов, веществ и продукции, свободная реализация которых запрещена либо оборот которых ограничен, а также оперативный эксперимент или оперативное внедрение должностных лиц органов, осуществляющих оперативно-разыскную деятельность, а равно лиц, оказывающих им содействие, проводятся на основании постановления, утвержденного руководителем органа, осуществляющего ОРД. В ч. 3 ст. 9 ФЗ об ОРД законодатель опять упоминает о мотивированном постановлении одного из руководителей органа, осуществляющего ОРД, как об основании для решения судьей вопроса о проведении оперативно-разыскного мероприятия, ограничивающего конституционные права граждан.

На этом законодательное регулирование оформления процессуального решения о проведении ОРМ (постановления) заканчивается. Остается непонятным, почему в ФЗ об ОРД не предусматривается оформление в виде постановления решения о проведении таких ОРМ, как сбор образцов для сравнительного исследования, отождествление личности, обследование нежилых помещений и др. Принимая во внимание, что при проведении этих ОРМ должностные лица органов, осуществляющих ОРД, могут ограничивать свободу передвижения граждан, производить у них изъятие документов, предметов, материалов и сообщений, нам представляется крайне необходимым оформление постановления, в котором бы содержались данные, указывающие на обоснованность принятия такого процессуального решения.

Кроме этого, полагаем, что сам процесс проведения ОРМ и его результаты должны быть также отражены в соответствующей процессуальной форме. Однако ФЗ об ОРД вообще не упоминает о каких-либо документах, содержащих описание порядка и результатов проведения ОРМ. Безусловно, ряд таких документов предусмотрен ведомственными нормативными актами, вместе с тем, на наш взгляд, такие ключевые элементы процедуры проведения ОРМ следовало включить в ФЗ об ОРД, тем более, что данный аспект ОРД вряд ли представляет собой секретную информацию. Например, мы полагаем вполне допустимым заимствовать в оперативно-разыскную деятельность уголовно-процессуальную форму фиксации процедуры и результатов следственных действий — протокол. Данный термин полностью отражает сущность фиксации правоприменительных действий (в том числе и оперативно-разыскных мероприятий), так как слово «протокол» лингвисты определяют как акт (документ), составленный должностным лицом и содержащий описание произведенных им действий и установленных фактов [34, с. 497]. Кроме того, использование в оперативно-разыском законодательстве термина «протокол» исключит бессистемное применение понятий «акт», «справка», «сводка» и других наименований документов в оперативно-разыскной практике, а возможно и создаст определенные предпосылки для более лояльного восприятия результатов ОРД в уголовном судопроизводстве.

Таким образом, для формирования эффективной системы оперативно-разыскных методов сбора информации процедуры проведения ОРМ должны быть детально регламентированы оперативно-разыскным законодательством. Однако, прежде чем сформулировать предложения по законодательной регламентации ОРМ, необходимо определить сущность и содержание оперативно-разыскной процедуры их проведения.

Основываясь на полученных результатах нашего исследования, полагаем, что процедура проведения оперативно-разыскного мероприятия представляет собой *установленную законодательством и ведомственными нормативными актами*

систему оснований принятия должностными лицами органов, осуществляющих ОРД, процессуального решения о проведении ОРМ, условий осуществления оперативно-разыскных дейст-

вий, составляющих его сущность, и правил процессуального оформления всех этапов проведения ОРМ и полученных результатов.

Примечания

1. Алексеев С. С. Теория права. 2-е изд., перераб. и доп. М.: БЕК, 1995.
2. Нагиленко Б. Я. Нужен ли Федеральный закон «Об оперативно-разыскной деятельности»? // Труды ВИПК МВД России: Вып. 22: Актуальные проблемы теории и практики оперативно-разыскной деятельности ОВД на современном этапе: материалы межвуз. науч.-практ. конф. / под общ. ред. Ю. Н. Демидова; сост.: В. В. Савушкин, Г. П. Афонькин, М. А. Сидорова. Домодедово: ВИПК МВД России, 2008. Ч. 1.
3. Объяснение фактически является результатом гласного оперативно-разыскного мероприятия «опрос». Примечательно, что правоприменитель невольно стремится к процессуализации самого документа (объяснения): подпись опрашиваемого лица на каждой странице, разъяснение опрашиваемому лицу положений ст. 51 Конституции РФ и т. п.
4. Баранов А. М. Использование результатов негласных способов собирания доказательств в уголовном судопроизводстве // Гос-во и право. 2007. № 8.
5. Бобров В. Г. О правовой природе оперативно-разыскных мероприятий: исходные положения к исследованию проблемы // Актуальные вопросы теории и практики оперативно-разыскной деятельности: труды Академии управления МВД России. М., 2001.
6. Бобров В. Г. О некоторых вопросах законодательного регулирования оперативно-разыскной деятельности // Полицейское право. 2005. № 2.
7. Обзор кассационной практики Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда Российской Федерации за 2007 г. // Бюллетень Верховного суда Российской Федерации. 2008. № 9.
8. Шматов М. А., Шматов В. М. Понятие оперативно-разыскного мероприятия // Оперативно-разыскные мероприятия: актуальные вопросы теории и практики: материалы науч.-практ. семинара / отв. ред. В. М. Аتماжитов. М., 2005; Омелин В. Н., Пардилов Р. Х. Институт оперативно-разыскных мероприятий в оперативно-разыском законодательстве (теоретический и правовой аспекты): моногр. М.: ВНИИ МВД России, 2007 и др.
9. Нагиленко Б. Я. О правовой природе гласных мер, осуществляемых милицией, и об их соотношении с оперативно-разыскной деятельностью // Оперативник (сыщик). 2005. № 4; Нагиленко Б. Я., Асташина Т. В., Косарева Т. В. Понятие оперативно-разыскной деятельности: содержание и правовое регулирование: курс лекций. Домодедово: ВИПК МВД России, 2010. Ч. 1.
10. Водько Н. П. Федеральный закон «Об оперативно-разыскной деятельности» в системе Российского законодательства: проблемы и решения: моногр. М.: Изд. дом И. И. Шумиловой, 2007.
11. Горяинов К. К., Кваша Ю. Ф., Сурков К. В. Федеральный закон «Об оперативно-разыскной деятельности»: комментарий. М.: Новый Юрист, 1997.
12. Вагин О. А., Исиченко А. П., Чечетин А. Е. Комментарий к Федеральному закону «Об оперативно-разыскной деятельности»: постатейный. М.: Деловой двор, 2009.
13. Чечетин А. Е. Теоретические и правовые проблемы оперативно-разыскных мероприятий: моногр. Барнаул: Барнаульский юрид. ин-т МВД России, 2005.
14. Аتماжитов В. М. О совершенствовании правового регулирования оперативно-разыскной деятельности // Проблемы совершенствования оперативно-разыскного законодательства: материалы круглого стола, посвященного 10-летию принятия Федерального закона «Об оперативно-разыскной деятельности» / под ред. В. И. Елинского. М.: ВНИИ МВД России, 2005.

15. Луговик В. Ф. Перспективы совершенствования правового регулирования оперативно-разыскной деятельности // 15 лет Федеральному закону «Об оперативно-разыскной деятельности»: сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. Омск: Омский юрид. ин-т, 2010.
16. Об утверждении Инструкции о порядке представления результатов оперативно-разыскной деятельности дознавателю, органу дознания, следователю, прокурору или в суд: приказ МВД РФ от 17.04.2007 г. № 368, ФСБ РФ № 185, ФСО РФ № 164, ФТС РФ № 481, СВР РФ № 32, ФСИН РФ № 184, ФСКН РФ № 97, Минобороны РФ № 147 // Рос. газ. 2007. № 101.
17. Кириллов А. П., Нетреба В. А. Некоторые нормы подзаконного правового акта, не имеющие перспективы реализации в практике оперативных подразделений // Вопросы теории и практики оперативно-разыскных мероприятий: межвуз. сб. науч. тр. / под ред. А. Е. Чечетина. Барнаул: Барнаульский юрид. ин-т МВД России, 2003.
18. Чечетин А. Е. Проект законодательного регулирования оперативно-разыскных мероприятий // Полицейское право. 2006. № 4.
19. О наркотических средствах и психотропных веществах: федер. закон от 8 января 1998 г. № 3-ФЗ (ред. от 28.12.2010 г.) // Собрание законодательства РФ. 1998. № 2. Ст. 219.
20. Ефремов А. М. Процессуальный статус оперативно-разыскной деятельности в уголовном судопроизводстве // Оперативник (сыщик). 2004. № 1.
21. Соловей Ю. П. О совершенствовании законодательного регулирования оперативно-разыскной деятельности в Российской Федерации // 15 лет Федеральному закону «Об оперативно-разыскной деятельности»: сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. Омск: Омский юрид. ин-т, 2010.
22. Поляков М. П., Рыжов Р. С. Использование результатов оперативно-разыскной деятельности в уголовном процессе как правовой институт: моногр. М.: Изд. дом И. И. Шумиловой, 2006.
23. Белкин Р. С. Курс криминалистики: в 3 т. Т. 1. Общая теория криминалистики. М., 1997.
24. Баранов А. М. Использование результатов негласных способов собирания доказательств в уголовном судопроизводстве // Гос-во и право. 2007. № 8.
25. Бедняков Д. И. Непроцессуальная информация и расследование преступлений. М., 1991.
26. Следует всегда выделять отрасль (сферу действия) процессуальности. В нашем случае это означает, что необходимо вести речь не о непроцессуальной информации, а об неуголовно-процессуальной информации. В противном случае получается, что критерий процессуальности (процедурности), а значит и эффект методологической аргументации закрепляется только за информацией, полученной по уголовно-процессуальной технологии. Все остальные инструменты добывания информации о криминале лишаются права на аргументационную силу своих результатов (во всяком случае, этот статус принижается). См.: Поляков М. П., Рыжов Р. С. Использование результатов оперативно-разыскной деятельности в уголовном процессе как правовой институт: моногр. М.: Изд. дом И. И. Шумиловой, 2006.
27. Котухов М. П. Перевод результатов оперативно-разыскной деятельности в доказательства: дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2001.
28. Тогда в сознании юристов исчезнет основание, препятствующее использованию в качестве доказательств сведений, полученных в результате негласного собирания доказательств, т. е. в рамках ОРД. См.: Баранов А. М. Использование результатов негласных способов собирания доказательств в уголовном судопроизводстве // Гос-во и право. 2007. № 8.
29. Общая теория государства и права: академический курс: в 2 т. / под ред. М. Н. Марченко. М.: Зерцало, 1998. Т. 2. Теория права.
30. Шейфер С. А. Следственные действия. Система и процессуальная форма. М.: Юрлитинформ, 2001.
31. Современный словарь иностранных слов: ок. 20 000 слов. 3-е изд., стер. М.: Рус. яз., 2000.

32. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М.: Рус. яз., 2000. Т. 1.

33. Марфицин П. Г., Николаева Н. М. Письменность предварительного расследования: моногр. Красноярск: Сибирский юрид. ин-т МВД России, 2004.

34. Слово «протокол» имеет греческое происхождение и обозначает первый лист с обозначением даты и имени писца, приклеивался к свитку, манускрипту. См.: Современный словарь иностранных слов: ок. 20 000 слов. 3-е изд., стер. М.: Рус. яз., 2000.

© Гусев В. А., 2013

***

А. Ю. Козловский

**КРИТЕРИИ ЭФФЕКТИВНОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНЫХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ ТАМОЖЕННЫХ ОРГАНОВ РОССИИ
В УСЛОВИЯХ ТАМОЖЕННОГО СОЮЗА, ВСЕМИРНОЙ ТОРГОВОЙ ОРГАНИЗАЦИИ
И ФОРМИРОВАНИЯ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА**

В статье обозначены основные направления деятельности оперативно-разыскных подразделений таможенных органов России в условиях Таможенного союза, Всемирной торговой организации и формирования Евразийского экономического пространства и способы выработки в соответствии с ними системы показателей и критериев эффективности работы этих подразделений.

Ключевые слова: таможенные органы России, оперативно-разыскные подразделения, Таможенный союз, Всемирная торговая организация, Евразийское экономическое пространство, оперативно-разыскная деятельность, система показателей, критерии эффективности.

A. Y. Kozlovskiy

**CRITERIA OF PERFORMANCE EFFICIENCY OF OPERATIONAL SEARCH SUBDIVISIONS
OF THE RUSSIAN CUSTOMS BODIES IN CONDITIONS OF THE CUSTOMS UNION,
THE WORLD TRADE ORGANIZATION AND THE FORMATION
OF THE EURASIAN ECONOMIC SPACE**

The article represents the main directions of activity of operational search subdivisions of the Russian customs bodies in conditions of the Customs Union, the World Trade Organization and the formation of the Eurasian economic space. The author analyzes ways of working out the system of indicators and criteria of these subdivisions' performance efficiency.

Keywords: Russian customs bodies, operational search subdivisions, the Customs Union, the World Trade Organization, the Eurasian economic space, operational search activities, system of indicators, criteria of efficiency.

Функционирование Таможенного союза (ТС), вступление России во Всемирную торговую организацию (ВТО), формирование Евразийского экономического пространства (ЕЭП) и разработка принципиально нового национального законодательства [1; 2] существенно изменяют условия, в которых таможенные органы (ТО) Российской Федерации (РФ) осуществляют оперативно-разыскную деятельность (ОРД).

В этих условиях стратегическими задачами ОРД ТО должны стать обеспечение экономической безопасности страны в таможенной сфере и таможенная защита российской экономики в условиях ТС, ВТО и формирования ЕЭП, а основными направлениями использования их оперативно-разыскных подразделений (ОРП) — следующие:

1) создание условий для полноты собирания таможенных платежей и поступления иных финансовых средств в федеральный бюджет при осуществлении контроля после выпуска товаров, в том числе при проведении таможенных проверок;

2) повышение эффективности выработки мер таможенно-тарифного регулирования, а также применения запретов и ограничений;

3) информационное обеспечение расследования, проводимого специальным органом, определяемым Правительством РФ, для решения вопроса о введении специальной защитной, антидемпинговой или компенсационной меры при импорте товара;

4) участие в выработке и принятии решений о предоставлении исключительного права на экспорт и (или) импорт отдельных видов товаров;

5) участие в выработке и принятии решений о целесообразности введения количественных ограничений на конкретные виды товаров;

6) участие в выработке и принятии решений о возможности введения конкретных мер экономического и административного характера, способствующих развитию внешнеторговой деятельности (ВТД);

7) участие в контроле за соблюдением условий договоров международного лизинга в целях обеспечения полноты поступления таможенных платежей и иных финансовых средств в результате реализации названных договоров;

8) выявление фактов и признаков противоправной деятельности и участие в расследовании

дел, в том числе об административных правонарушениях (АП), относящихся к компетенции ТО РФ, и др. [3; 4].

С учетом изложенного система итоговых показателей ОРП ТО России должна быть скорректирована. В настоящее время она ориентирована на так называемую «палочную систему», связанную с учетом количества раскрытых, относящихся к их компетенции преступлений, стоимости товаров, веса наркотических средств, психотропных и сильнодействующих веществ, прекурсоров, изъятых в процессе пресечения и расследования преступлений, количество отработанных документов по международным запросам и т. д. [5].

Это позволяет сделать вывод, что реальные возможности ОРД ТО на современном этапе используются не в полном объеме, а система их показателей требует существенной доработки, так как ТО России, как и другие субъекты ОРД, правомочны добывать информацию о событиях или действиях (бездействии), создающих угрозу экономической безопасности РФ и устанавливать имущество, подлежащее конфискации [6, чч. 3 и 4 ст. 2].

Анализ ведомственных нормативных актов, регламентирующих деятельность ТО РФ, и материалов отчетов Главного управления по борьбе с контрабандой (ГУБК) ФТС России показывает, что отдельные экономические показатели работы ОРП ТО в настоящее время учитываются.

Так, наряду с такими методиками расчета показателей, как «Доля уголовных дел, возбужденных по материалам подразделений собственной безопасности ТО, в общем числе уголовных дел, возбужденных всеми правоохранительными органами в отношении должностных лиц ТО по коррупционным преступлениям», «Доля уголовных дел, возбужденных ТО, в общем объеме зарегистрированных преступлений, отнесенных к компетенции ТО», «Количество проведенных специальных операций, в том числе международных, направленных на пресечение нарушений таможенного законодательства РФ» и «Количество случаев направления в иностранные и международные органы и организации информации о возможной или выявленной контрабанде оружия, наркотиков, контрафактной продукции», имеет место методика расчета показателя «Доля ввезенных на таможенную тер-

риторию РФ товаров, по которым ТО приняты меры по устранению нарушений законодательства РФ в общем количестве ввезенных товаров» [7].

Последний из перечисленных показателей, рассчитываемых ГУБК ФТС России, направлен на отражение результатов осуществляемых мер по противодействию латентной преступности. Так, в 2006 г. данный показатель составил 1,4 % от общей стоимости товаров, оформленных в таможенном режиме (процедуре) выпуска для внутреннего потребления (1 654,9 млн долл. США), в 2007 г. — 1,93 % (3 261,5 млн долл. США), в 2008 г. — 1,73 % (4 103,3 млн долл. США), в 2009 г. — 2,89 % (4 262,4 млн долл. США), в 2010 г. — 2,78 % (5 611,174 млн долл. США), а за 9 месяцев 2011 г. — 2,04 % (3 898 млн долл. США) [8].

Действующее российское законодательство в числе основных критериев оценки работы ТО наряду с эффективностью противодействия преступлениям и АП определяет скорость совершения таможенных операций при ввозе товаров в РФ и вывозе товаров из РФ, сокращение издержек заинтересованных лиц при совершении таможенных операций, а также своевременность и полноту поступления таможенных платежей [9, ч. 1 ст. 18].

Полагается, что, учитывая требования п. 2 ч. 1 ст. 18 Федерального закона «О таможенном регулировании в Российской Федерации», перечень экономических показателей работы ОРП ТО должен быть существенно расширен, прежде всего, за счет включения в него результатов новых направлений ОРД российской таможенной службы в условиях ТС и ВТО. В частности, наряду с имеющимися целесообразно ввести новые показатели деятельности ОРП ТО, которые позволят определить так называемый «экономический эффект» от поступивших и реализованных ими оперативно-разыскных материалов.

Например, практика ТО России по противодействию АП в сфере таможенного дела показывает, что деятельность их ОРП вносит существенный вклад в обеспечение полноты поступления денежных средств в федеральный бюджет страны. Общая сумма назначенных наказаний по делам об АП, возбужденных ТО, в 2009 г. составила более 131,8 млрд руб. (около 4 % от суммы таможенных

платежей, перечисленных в федеральный бюджет), а в 2010 г. — более 150,7 млрд руб. (около 3,5 %). Значительная часть пресеченных противоправных деяний, по которым впоследствии возбуждались дела об АП, первично попадала в поле зрения ОРП ТО в процессе осуществления оперативного поиска преступлений [10; 11; 12].

Анализ алгоритма деятельности ТО по выявлению и пресечению противоправных деяний в сфере таможенного дела и судебной системы по рассмотрению дел, связанных с конфискацией имущества, показывает, что задача по установлению имущества, подлежащего конфискации, должна решаться ТО одновременно с выявлением противоправного деяния, так как в противном случае конфисковать будет нечего — товар, ввезенный в Россию с нарушением таможенных правил, будет вывезен из России, спрятан или реализован добросовестному приобретателю.

Кроме того, так называемый «экономический эффект» может быть достигнут в ходе реализации взаимодействующими правоохранительными органами (спецслужбами) России и зарубежных государств оперативно-разыскной информации, полученной ТО, причем здесь не обязательно речь идет о преступлениях в сфере таможенного дела. Основным условием эффективности деятельности ОРП ТО и достигнутого результата по обеспечению экономической безопасности страны и защиты отечественной экономики в данном случае могут считаться оценочные суммы контрафактных товаров, имеющих иностранную маркировку, в том числе произведенных в РФ, денежные средства, выведенные из теневого оборота вследствие вскрытого ОРП ТО преступления, и т. д.

В перечне экономических показателей ОРП ТО должны найти свое место результаты работы этих подразделений по созданию условий для полноты собирания таможенных платежей и поступления иных финансовых средств в бюджет страны в процессе:

- контроля после выпуска товаров, в том числе при таможенной проверке [13; 14; 15];
- выявления новых противоправных схем ухода от уплаты таможенных платежей в связи с введением конкретных тарифных ставок на отдельные товары, запретов и ограничений, а также опреде-

ления последствий введения проектируемых ставок таможенных пошлин;

— наведения справок о лицах (физических, юридических), в отношении которых проводится специальное расследование по поручению Правительства РФ для решения вопроса о введении специальной защитной, антидемпинговой или компенсационной меры при импорте товара, а также при проверке поступившей конфиденциальной информации;

— оперативной проверки финансовой состоятельности претендентов на получение исключительного права на экспорт и (или) импорт отдельных видов товаров;

— оперативной проверки сведений о соответствии данных, поступивших в ТО, о конкретных видах товаров, ввезенных в РФ через таможенную границу ТС (государственную границу РФ), при принятии решений о целесообразности введения количественных ограничений на конкретные виды товаров;

— оперативного сопровождения мониторинга выполнения договоров международного лизинга и проверки соответствия сведений, представляемых лизингодателем и (или) лизингополучателем, в целях полноты собираемости платежей;

— добывания сведений о противоправных способах противодействия мерам экономического и административного характера, способствующих развитию ВТД и др. [3; 4].

Перечисленные показатели должны восприниматься исключительно в совокупности, а не по отдельности, так как каждый из них является лишь статистическим параметром, свидетельствующим о положении дел на конкретном участке деятельности или об изменении оперативной обстановки на участке деятельности ОРП ТО. В первом случае надо искать причину изменения в результатах работы ОРП ТО, а во втором — корректировать сами показатели работы этих подразделений. Взаимное влияние статистических показателей свидетельствует о наличии или отсутствии какой-либо системы в работе ОРП ТО и может являться в ряде случаев составной частью свидетельства эффективности их деятельности.

С учетом изложенного целесообразно наряду с показателями ОРП ТО России ввести понятие

критерия эффективности их деятельности и выделить основные из них.

Под критериями эффективности ОРП ТО предлагается понимать итоговые значения, результирующие совокупность статистических сведений (показателей) о результатах работы этих подразделений по одному или некоторым направлениям в соответствии с возложенными на них задачами и функциями.

Так, для ОРП ТО по противодействию коррупции одним из критериев эффективности предлагается понимать процентное соотношение выявленных коррупционных преступлений в ТО этими подразделениями в общем числе преступлений, выявленных всеми правоохранительными органами. К сожалению, данный параметр при подведении итогов работы ОРП ТО по противодействию коррупции именуется показателем, а не критерием эффективности, как и другие так называемые «палочные» показатели. Однако необходимо отметить, что именно он отражает совокупность других показателей и вклад названных подразделений по выявлению коррупционных преступлений в процесс выявления и пресечения коррупции в ТО России.

С нашей точки зрения, для ОРП ТО по борьбе с контрабандой и иными таможенными правонарушениями одним из критериев эффективности может стать процентное соотношение материальных и финансовых средств, поступивших в федеральный бюджет по результатам их деятельности, в соотношении с величиной таможенных платежей, перечисленных в федеральный бюджет. При расчете данного критерия эффективности должны учитываться не только выявленные преступления, но и АП, результаты проведенных по материалам ОРП ТО таможенных проверок, изъятые в том числе взаимодействующими правоохранительными органами по информации ОРП ТО материальные ценности и финансовые средства, впоследствии поступившие в федеральный бюджет, и др.

Считаем, что этот критерий эффективности в совокупности с величиной перечисленных в бюджет страны таможенных платежей будет показывать реальный вклад ТО России в формирование федерального бюджета.

Таким образом, можно сделать выводы:

1. В условиях ВТО перечень показателей работы ОРП ТО должен быть существенно расширен, прежде всего за счет включения в него результатов новых направлений ОРД российской таможенной службы в условиях ТС и ВТО. Названные показатели позволят определить так называемый «экономический эффект» от поступивших и реализованных ими оперативно-разыскных материалов при осуществлении деятельности по созданию условий для полноты собирания таможенных платежей и поступления иных финансовых средств в федеральный бюджет.

2. В перечне экономических показателей ОРП ТО могут быть результаты работы этих подразделений в процессе:

— контроля после выпуска товаров, в том числе при таможенной проверке;

— выявления новых противоправных схем ухода от уплаты таможенных платежей в связи с введением конкретных тарифных ставок на отдельные товары, запретов и ограничений, а также определения последствий введения проектируемых ставок таможенных пошлин;

— наведения справок о лицах (физических, юридических), в отношении которых проводится специальное расследование по поручению Правительства РФ для решения вопроса о введении специальной защитной, антидемпинговой или компенсационной меры при импорте товара, а также при проверке поступившей конфиденциальной информации;

— оперативной проверки финансовой состоятельности претендентов на получение исключи-

тельного права на экспорт и (или) импорт отдельных видов товаров;

— оперативной проверки сведений о соответствии данных, поступивших в ТО, о конкретных видах товаров, ввезенных в РФ через таможенную границу ТС (государственную границу РФ), при принятии решений о целесообразности введения количественных ограничений на конкретные виды товаров;

— оперативного сопровождения мониторинга выполнения договоров международного лизинга и проверки соответствия сведений, представляемых лизингодателем и (или) лизингополучателем, в целях полноты собираемости платежей;

— добывания сведений о противоправных способах противодействия мерам экономического и административного характера, способствующих развитию внешнеторговой деятельности, и др.

3. Наряду с показателями ОРП ТО России целесообразно ввести понятие критериев эффективности их деятельности и приступить к их разработке.

Под критериями эффективности деятельности ОРП ТО России понимаются итоговые значения, результирующие совокупность статистических сведений (показателей) о результатах работы ОРП ТО по одному или некоторым направлениям в соответствии с возложенными на них задачами и функциями.

Полагаем, что названные критерии в совокупности с величиной перечисленных в бюджет страны таможенных платежей будут показывать реальный вклад ТО России в формирование федерального бюджета.

Примечания

1. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации [Электронный ресурс]: федер. закон от 07.12.2011 г. № 420-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. О внесении изменений в статью 104 [2] Уголовного кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс]: федер. закон от 10.07.2012 г. № 107-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. Козловский А. Ю. Возможные направления осуществления оперативно-разыскной деятельности по обеспечению экономической безопасности России в сфере таможенного дела // Вестник Рос. таможенной академии. 2012. № 1. С. 46—53.

4. Козловский А. Ю. О возможных направлениях использования оперативно-разыскных подразделений таможенных органов России в условиях формирования Евразийского экономического пространства и вступления во Всемирную торговую организацию // Таможенное дело. 2012. № 2 (12). С. 2—7.

5. Таможенная служба Российской Федерации в 2004—2011 гг.: справ. материалы к заседанию коллегий ФТС России 2005—2012 гг.
6. Об оперативно-розыскной деятельности [Электронный ресурс]: федер. закон от 12.08.1995 г. № 144-ФЗ (с изм. и доп.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
7. Об утверждении методик расчета показателей эффективности деятельности ФТС России и методики расчета степени достижения критериев оценки эффективности деятельности таможенных органов [Электронный ресурс]: приказ ФТС России от 26 июня 2009 г. № 1193. Прил. 25, 26, 27, 31, 32. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
8. Выборка из материалов отчетов ГУБК ФТС России за 2006—2010 гг. и отчета за 9 месяцев 2011 г.
9. О таможенном регулировании в Российской Федерации [Электронный ресурс]: федер. закон от 27.11.2010 г. № 311-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
10. Козловский А. Ю. О сыскной (оперативно-розыскной) деятельности отечественных таможенных органов и возможностях ее изучения с позиций сыскологии // Оперативник (сыщик). 2011. № 2 (27). С. 35—41.
11. Таможенная служба Российской Федерации в 2009 г.: справ. материалы к заседанию коллегии ФТС России. М., 2010.
12. Таможенная служба Российской Федерации в 2010 г.: справ. материалы к заседанию коллегии ФТС России. М., 2011.
13. Козловский А. Ю. О направлениях совершенствования оперативно-розыскной деятельности таможенных органов России в условиях Таможенного союза // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. 2010. № 12. С. 90—94.
14. Козловский А. Ю. Оперативно-розыскная деятельность таможенных органов России в системе контроля после выпуска товаров в условиях Таможенного союза // Вестник Рос. таможенной академии. 2011. № 3. С. 79—85.
15. Козловский А. Ю. Оперативно-розыскная деятельность таможенных органов России в условиях Таможенного союза: перспективы совершенствования // Право: история, теория, практика: сб. ст. и материалов. Брянск: Изд-во Брянского гос. ун-та, 2011. Вып. 15. С. 149—158.

© Козловский А. Ю., 2013

***

А. А. Коловоротный, И. В. Куртынов

**ОСОБЕННОСТИ ВЫЯВЛЕНИЯ ОРГАНИЗАТОРА
И УЧАСТНИКОВ ПРЕСТУПНОГО СООБЩЕСТВА
ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ СОВЕРШЕННЫХ ИМИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ**

В статье рассматриваются особенности выявления организатора и участников преступного сообщества при расследовании совершенных ими преступлений. Указаны основные следственные ситуации и тактические приемы производства следственных действий, направленных на установление обстоятельств совершения преступления, выявление организатора и участников преступного сообщества. Допрос подозреваемых и обвиняемых выделяется как самое важное и сложное следственное действие при расследовании организации преступного сообщества. Даны советы и рекомендации по организации и производству расследования преступлений, совершенных преступными сообществами.

Ключевые слова: выявление организатора и участников, преступное сообщество, расследование преступлений, следственные действия, планирование расследования, тактические приемы.

A. A. Kolovorotniy, I. V. Kurtynov

**PECULIARITIES OF DETECTION OF THE ORGANIZER
AND PARTICIPANTS OF A CRIMINAL GANG
WHEN INVESTIGATING CRIMES COMMITTED BY THEM**

The article focuses on some peculiarities of detection of the organizer and participants of a criminal gang when investigating crimes committed by them. The authors point out the main investigative situations and tactical techniques of the conduct of investigative actions aimed at establishing the circumstances of the commission of a crime and detecting the organizer and participants of a criminal gang. The interrogation of suspects and the accused is distinguished as the most important and complicated investigative action when investigating the organization of a criminal gang. The authors give recommendations on how to organize and conduct the investigation of crimes committed by criminal gangs.

Keywords: detection of the organizer and participants, criminal gang, criminal investigation, investigative actions, investigation planning, tactical techniques.

Задачи установления организатора, участников преступного сообщества и совершенных ими преступлений должны решаться уже в ходе производства следственных действий и оперативно-разыскных мероприятий на первоначальном этапе расследования.

Особенно эффективными в этом плане являются первые допросы подозреваемых, так как часто допрашиваемый, рассказывая об участии и роли в совершении преступления других лиц, не задумывается о значении сообщаемых им сведений. Однако на практике следователями и оперативными работниками нередко допускается следующая тактическая ошибка: они ограничиваются сбором доказательств по данному преступлению и одной из главных целей первых допросов считают получение показаний подозреваемых о самом факте участия в преступлении тех или иных лиц. При этом упускается возможность выяснения конкретной роли каждого из соучастников в организации и совершении преступления, а также возможность получения наиболее полной информации о возникновении, функционировании и деятельности преступного сообщества. Повторные допросы подозреваемых и обвиняемых в целях выявления организатора являются менее эффективными, так как соучастники под влиянием других задержанных по-новому оценивают значение и последствия показаний об организаторе преступного сообщества.

Установление организатора и участников преступного сообщества упрощается, когда следователь, используя внутренние разногласия в преступном сообществе, сможет разъединить его членов и таким путем получить правдивые показания о роли каждого соучастника [1]. Однако ведение тактики «разжигания конфликта» между соучастниками возможно лишь при взаимодействии оперативных служб со следователем. Конфликт в преступном сообществе надо контролировать и направлять в нужное для расследования русло. Все сведения, полученные посредством разжигания конфликта в преступном сообществе, подлежат тщательному документированию.

При допросе подозреваемых успешное применение тактических приемов, направленных на выявление, создание и обострение конфликтов между соучастниками, возможно в случае соблюдения одного важного условия — обеспечения надежной изоляции участников группового преступления друг от друга при содержании их в следственном изоляторе. Чаще всего режим изоляции нарушается при задержании соучастников, их доставке в следственные органы для производства следственных действий, непродуманном размещении в камерах следственного изолятора или организации прогулок арестованных. На наш взгляд, большинство случаев отказа и изменения показаний, данных в ходе предварительного следствия, является следствием грубейшего нарушения требо-

ваний изоляции обвиняемых после окончания расследования уголовного дела.

В ситуациях, когда задержан только один подозреваемый, он часто пытается либо переложить основную ответственность на других соучастников, либо скрыть факт группового преступления и взять всю вину на себя.

При допросе подозреваемого (обвиняемого), его знакомых и родственников целесообразно также предложить им назвать всех лиц, с которыми подозреваемый поддерживает дружеские отношения. Затем все эти показания следует сопоставить между собой, а также с другими данными, полученными при расследовании (например, при осмотре писем, фотографий, записных книжек и пр.). Если окажется, что обвиняемый не назвал какое-либо лицо, то проверку последнего необходимо провести особенно тщательно, поскольку возможно, что именно это лицо и является соучастником.

В целях выявления организатора преступной группы, всех ее участников проводится также допрос потерпевших и очевидцев, как правило, сразу после возбуждения уголовного дела. Иногда даже незначительное промедление с проведением допроса потерпевшего отрицательно сказывается не только на сроках, но и на результатах расследования, поскольку со временем в памяти потерпевшего стираются некоторые обстоятельства преступления и он уже не может сообщить важные для дела сведения. Кроме того, на потерпевшего может быть оказано влияние со стороны подозреваемых.

На допросе потерпевших и свидетелей следователю предстоит выяснить следующие вопросы: кто руководил действиями соучастников; установить количество лиц, принимавших участие в совершении преступления, внешние признаки преступников; определить конкретные действия каждого из них, особенности поведения; как они называли друг друга, использовали ли клички; кто и чем был вооружен; как нападавшие покинули место происшествия [2, с. 240—241].

Показания потерпевшего чаще всего более полны, чем показания свидетеля, и они помогают следователю составить определенное представление о случившемся, построить версии, обнаружить доказательства. Однако при допросе по делам

о преступлениях, совершенных с применением физического насилия, следователем обязательно должно учитываться душевное состояние потерпевшего, ибо под влиянием страха он часто добросовестно заблуждается и освещает события в преувеличенном виде.

Кроме того, при оценке результата допроса потерпевшего следует иметь в виду возможность дачи им ложных показаний. Иногда потерпевшие говорят не обо всех действиях лиц, совершивших преступление, скрывая такие из них, огласки которых они хотят избежать.

Наряду с показаниями потерпевших показания свидетелей являются одним из факторов формирования внутреннего убеждения следователя. Свидетели содействуют установлению обстоятельств подготовки и совершения преступлений, выявлению лиц, совершивших преступление, их виновности, мотивов их преступных деяний, установлению данных, характеризующих личность обвиняемых, причин и условий, способствовавших совершению преступления. Свидетели также могут помочь в выявлении других очевидцев происшедшего, проверке и уточнении собранных по делу доказательств. Поэтому в случае задержания хотя бы одного лица, принимавшего участие в совершении преступления, в целях установления очевидцев его совершения необходимо провести поквартирные обходы с предъявлением жильцам фотографии задержанного [3, с. 24—25; 4, с. 65—66].

Информация о преступлениях, совершенных преступными сообществами, может быть получена и посредством проведения очной ставки. Если кто-либо из обвиняемых сознался в совершении данным преступными сообществом и других преступлений, то при проведении очной ставки сознавшемуся обвиняемому предлагается дать показания только о каком-либо одном нападении, участником которого был и обвиняемый, отрицающий свою вину. Такой обвиняемый, видя, что он изобличен своим соучастником и что следователь располагает сведениями о совершенных им преступлениях, часто начинает давать правдивые показания и, не зная о каких именно преступлениях известно следствию, иногда рассказывает и о тех, которые еще не попали в поле зрения следователя.

Иногда вместо проведения очной ставки можно ознакомить несознающего обвиняемого с соответствующим протоколом допроса сознавшегося участника, а еще лучше воспроизвести в его присутствии фонограмму этих показаний.

Помимо указанных следственных действий для установления организатора, участников преступного сообщества и совершенных ими преступлений следователю необходимо: выяснить способ формирования преступного сообщества; изучить межличностные отношения в нем и психические свойства, личностные качества каждого из участников; выявить среди них лиц, обладающих сильным характером, стремлением властвовать и подчинять себе людей, физически развитых; выяснить конкретные факты повседневной жизни членов преступной группы. Кроме того, следует обратить особое внимание на то, кто из соучастников предлагает особые усилия для налаживания связи между членами преступного сообщества после их задержания или ареста с целью выработать единую линию поведения на следствии.

Преступные сообщества принимают активные меры конспирации во избежание утечки информации о замышленном или осуществленном ими преступлении. Поэтому для выявления организатора преступного сообщества, всех его членов и всех совершенных им преступлений необходимо использовать и оперативные методы, которые должны органично дополнять следственную работу. Так, следователю и оперативным сотрудникам надо направлять свои согласованные усилия на получение нескольких источников информации как внутри преступной группы, так и вне ее, что позволит обеспечить контроль за достоверностью получаемой информации.

Для установления всех участников преступного сообщества строятся и отрабатываются версии по его образованию и по лицам, которые в него могут входить. Использование совокупности отдельных признаков личностей преступников, определенных на первоначальных допросах, и построенных версий позволяет в наибольшей степени конкретизировать и согласовать следственно-оперативную работу по розыску преступников [5, с. 23—24].

В случае установления личностей соучастников и мест их пребывания целесообразнее всего про-

изводить задержание одновременно в различных местах, чтобы преступники не могли известить друг друга и скрыться от правоохранительных органов.

Задержание преступников, как правило, сопряжено с производством обысков по месту их пребывания (одновременно по всем адресам). В ходе обыска надо обращать внимание не только на поиск похищенного имущества, но и на сбор доказательств о связях задержанного с другими членами преступного сообщества.

Основными средствами выявления соучастников являются установление и проверка связей обвиняемых, проводимые как следственным, так и оперативным путем. С этой целью возможно также предъявление потерпевшим изъятых у обвиняемых фотографий с изображением каких-либо лиц. Среди них потерпевшие могут узнать еще не известных следствию участников преступления. Кроме того, при допросах обвиняемого, его знакомых и родственников необходимо выяснить, кто изображен на указанных фотоснимках, и произвести соответствующую проверку этих лиц.

Если обвиняемый ранее привлекался к уголовной ответственности, то целесообразно изучить по архивному делу лиц, привлекавшихся вместе с ним, и проверить, не являются ли они соучастниками и в совершении расследуемого преступления.

В том случае, если преступное сообщество многочисленно и имеет широкие связи, то, на наш взгляд, необходимо составить схему связей участников преступного сообщества, которая поможет лучше узнать структуру данного сообщества, выявить ее слабые и сильные стороны, а также определить порядок и тактику проведения следственных действий.

Следует помнить, что характерной чертой преступных сообществ является стремление к совершению латентных преступлений, либо создание условий, при которых потерпевшие не будут обращаться в правоохранительные органы за помощью. Это обстоятельство и обуславливает необходимость выявления латентных преступлений в целях более полного разоблачения преступной деятельности и поиска доказательственной базы.

На выявление латентных преступлений необходимо нацеливать весь аппарат органов внут-

ренных дел, который, контактируя с членами преступных сообществ, может получать информацию о потерпевших, времени и месте преступления, возможных свидетелях, месте нахождения или сбыта похищенного имущества.

Выявление потерпевших, не пожелавших обращаться за помощью, сопряжено с возможностью противодействия с их стороны сотрудникам правоохранительных органов. Поэтому необходи-

мо направить основные усилия и на получение объективных данных о сокрытом преступлении.

Таким образом, выявление организатора, участников преступного сообщества и всех совершенных ими преступлений возможно при условии тщательного изучения обстоятельств формирования преступного сообщества, его структуры, характера межличностных отношений, распределения ролей.

Список библиографических ссылок

1. Баев О. Я. Конфликты в деятельности следователя. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1981; Быков В. М. Особенности расследования групповых преступлений: учеб. пособие. Ташкент, 1980. С. 44—45; Его же. Преступная группа: криминалистические проблемы. Ташкент: Узбекистан, 1991. С. 126—127; Ратинов А. Р. Судебная психология для следователей. М., 1967. С. 161.
2. Антонян Ю. М., Еникеев М. И., Эминов В. Е. Психология преступника и расследования преступлений. М.: Юрист, 1996.
3. Большаков А. П. Разыскная деятельность следователя: учеб. пособие / под ред. А. А. Закатова. Волгоград: ВА МВД России, 2009.
4. Куртынов И. В. Проблемы раскрытия и расследования групповых преступлений: моногр. Волгоград: ВА МВД России, 2010.
5. Бирюков С. Ю. Особенности расследования организации незаконной миграции: учеб. пособие. Волгоград: ВА МВД России, 2010.

© Коловоротный А. А., Куртынов И. В., 2013

***

А. П. Кругликов

УПК РФ И НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ, СВЯЗАННЫЕ С ОБЕСПЕЧЕНИЕМ ЗАЩИТЫ УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

В статье анализируются проблемы обеспечения защиты участников уголовного процесса, высказываются предложения по совершенствованию уголовно-процессуального законодательства и практики его применения.

Ключевые слова: участники уголовного судопроизводства, потерпевший, свидетель, суд, прокурор, следователь, меры обеспечения защиты участников уголовного судопроизводства и проблемы их реализации.

A. P. Kruglikov

**THE CODE OF CRIMINAL PROCEDURE OF THE RUSSIAN FEDERATION
AND SOME PROBLEMS RELATED TO PROVIDING PROTECTION
FOR PARTICIPANTS OF CRIMINAL PROCEEDINGS**

The author analyzes problems of providing protection for participants of criminal proceedings and makes proposals on how to improve the legislation of criminal procedure and the practice of its application.

Keywords: participants of criminal proceedings, victim, witness, court, prosecutor, investigator, measures to provide protection for participants of criminal proceedings and problems of their implementation.

Во всем мире борьба с преступностью является одной из главных проблем, от которой неотделима задача защиты лиц, содействующих правосудию. Конечно, данная задача в той или иной мере, в том числе и в Российской Федерации, решалась всегда. Например, самыми простыми средствами: 1) соучастников преступлений помещали по разным камерам; 2) потерпевшим и свидетелям предлагали на время следствия и суда переехать жить в другое место; 3) очевидцам и другим лицам, располагающим сведениями о преступлении, предлагалось сообщить их «без записи в протокол». Использовались и другие средства.

В связи с изменениями в современном обществе и государстве, ростом организованной преступности, ростом коррупции, в том числе и в правоохранительных органах, указанных средств оказалось недостаточно, стала очевидной важность принятия законодательных актов, специально направленных на защиту участников процесса. В Концепции судебной реформы в Российской Федерации, одобренной Постановлением Верховного Совета РСФСР 24 октября 1991 г., была отмечена «настоятельная необходимость» определить эффективные меры защиты лиц, сотрудничающих с правосудием, включая возможность смены их места жительства и обмена документов [1, с. 86—87].

В России наиболее значимым из законодательных актов, специально направленных на защиту участников уголовного судопроизводства, является Федеральный закон от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного

судопроизводства», который вступил в законную силу с 1 января 2005 г.

Следует отметить, что наше государство не было в числе первых, принявших специальное законодательство, посвященное защите участников уголовного судопроизводства. Основным универсальным документом в этой сфере считается принятая 29 ноября 1985 г. резолюцией 40/34 Генеральной Ассамблеи ООН «Декларация основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотребления властью». В ней рекомендовано, в частности (в подп. «d» п. 6), принять меры «для сведения к минимуму неудобств для жертв, охраны их личной жизни, если это необходимо, и обеспечения безопасности жертв, а также безопасности их семей и свидетелей с их стороны и их защиты от запугивания и мести» [2, с. 60—61].

Текст Декларации многими странами был положен в основу принятых законов, направленных на обеспечение безопасности участников судопроизводства, а в некоторых государствах такая работа велась и ранее, причем довольно успешно.

В «Российской газете» отмечено, что Программа защиты свидетелей впервые появилась в США. За более чем тридцать лет существования через нее прошли 16 тыс. человек, из них 7 тыс. живут под вымышленными именами в разных частях страны. Приведен пример, когда эффективная защита свидетеля привела к значительному успеху в борьбе с организованной преступностью. Речь идет о клиенте службы защиты свидетелей — бывшем агенте ФБР Джозефе Пистоне. Его нынешнее имя и место жительства — государственная тайна США. В 1970-х гг. он под именем Донни Браско внедрился в мафию. Когда все раскрылось,

мафиози долго не могли поверить, что Донни Браско — государственный агент. Пять лет после завершения операции Джозеф Пистоне давал показания перед судом. В результате более сотни гангстеров были приговорены к заключению на срок от 5 до 100 лет. Главари мафии назначили награду за голову Пистоне: полмиллиона долларов, правда, глава мафиозной семьи, давший обещание заплатить, и сам попал за решетку. Его сдали сообщники, которых также взяла под крыло программа защиты свидетелей, однако на судьбу Пистоне это повлияет мало: он обречен до конца дней жить под чужим именем [3].

Следует отметить, что многие из применяемых в США мер защиты свидетелей (например, такие как: предоставление места жительства и защиты свидетеля во время официальных процессов, касающихся преступления, если имеется вероятность совершения насильственных действий в отношении данного участника процесса; предоставление нового жилья; принятие мер по защите семьи или лиц, которые тесно связаны со свидетелем, если они подвергаются опасности из-за участия свидетеля в судебном процессе; обеспечение свидетеля законно оформленными новыми документами; перевозка мебели и крупного имущества на новое местожительство; выплата денег, необходимых для удовлетворения основных жизненных нужд; трудоустройство; иные услуги для самостоятельного проживания; предоставление временной защиты свидетелю в случае возникновения для него реальной опасности) используются и у нас, но не всегда, когда это необходимо, и не всегда должным образом.

Такое положение необходимо менять. В специальной литературе отмечается устойчивая тенденция к росту случаев воздействия преступников и связанных с ними лиц на потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства с целью воспрепятствовать установлению истины по уголовным делам [4, с. 3].

Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации В. П. Лукин привел вызывающие тревогу данные: ежегодно жертвами преступлений становятся до 4 млн. человек. Четвертая часть потерпевших по тем или иным причинам отказалась от своих показаний в процессе

судебного разбирательства, примерно столько же не явились в суд вообще. Около 60 % лиц, пострадавших от разного рода преступлений, предпочитают не обращаться в правоохранительные органы, будучи уверенными в том, что защиты от них не получат. До 90 % опрошенных ответили, что в случае угрозы их жизни или здоровью откажутся от показаний или же дадут ложные показания [5].

Количество участников судопроизводства, нуждающихся в защите, весьма значительно, их можно разбить на две основные группы.

К первой группе в соответствии с Федеральным законом № 45-ФЗ «О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов», принятым 20 апреля 1995 г. (с последующими изменениями и дополнениями), относятся: судьи всех судов общей юрисдикции и арбитражных судов, арбитражные заседатели, присяжные заседатели; прокуроры; следователи; лица, производящие дознание; лица, осуществляющие оперативно-разыскную деятельность, и др.

Ко второй группе в соответствии с названным выше Федеральным законом от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства», вступившим в законную силу с 1 января 2005 г., относятся: потерпевший; свидетель; частный обвинитель; подозреваемый, обвиняемый, подсудимый, их защитники и законные представители, осужденный, оправданный, а также лицо, в отношении которого уголовное дело либо уголовное преследование было прекращено; эксперт, специалист, переводчик, понятой, а также участвующие в уголовном судопроизводстве педагог и психолог; гражданский истец, гражданский ответчик; законные представители, представители потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика и частного обвинителя.

Государственной защите также подлежат определенные Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации близкие родственники, родственники и близкие лица, противоправное посягательство на которых оказывается с целью воздействовать на потерпевших и свидетелей.

Меры государственной защиты могут быть также применены и до возбуждения уголовного дела в отношении заявителя, очевидца или жертвы

преступления, либо иных лиц, способствующих предупреждению или раскрытию преступления.

Защита перечисленных участников уголовного судопроизводства обеспечивается нормами различных отраслей права: уголовного, административного, уголовно-процессуального и др. Остановимся на вопросе о том, как уголовно-процессуальное законодательство регламентирует защиту участников процесса.

Законодатель придает важное значение защите участников уголовного судопроизводства: её основные положения содержатся в ст. 11 УПК РФ, закрепившей принцип уголовного процесса: «Охрана прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве». Часть 3 ст. 11 устанавливает: «При наличии достаточных данных о том, что потерпевшему, свидетелю или иным участникам уголовного судопроизводства, а также их близким родственникам, родственникам или близким лицам угрожают убийством, применением насилия, уничтожением или повреждением их имущества либо иными опасными противоправными деяниями, суд, прокурор, руководитель следственного органа, следователь, орган дознания и дознаватель принимают в пределах своей компетенции в отношении указанных лиц меры безопасности, предусмотренные статьями 166 частью девятой, 186 частью второй, 193 частью восьмой, 241 пунктом 4 части второй и 278 частью пятой настоящего Кодекса, а также иные меры безопасности, предусмотренные законодательством Российской Федерации».

Положения, направленные на обеспечение защиты участников уголовного процесса, содержатся и в других статьях УПК РФ, не названных в ч. 3 ст. 11, например, взятием подписки о неразглашении данных предварительного расследования (ч. 2 ст. 161), мерами неразглашения выявленных в ходе обыска обстоятельств частной жизни лица, в помещении которого был произведен обыск, его личная и (или) семейная тайна, а также обстоятельства частной жизни других лиц (ч. 7 ст. 182). Можно привести нормы и из других статей УПК РФ: в ст. 56 в числе прав свидетеля названо право ходатайствовать о применении мер безопасности, предусмотренных ч. 3 ст. 11 УПК РФ. Аналогичное право имеет потерпевший (п. 21 ч. 2 ст. 42 УПК РФ).

Об отдельных случаях применения мер защиты в России в отношении участников уголовного судопроизводства иногда сообщается в печати, к примеру, в «Российской газете»: «Свидетелей доставили в суд в масках и балахонах. Никто не видел их лиц, кроме судьи. Никто не слышал их голоса. Специальная аппаратура позволяла менять речь настолько, что узнать человека по разговору было невозможно. Так недавно впервые в нашей стране были экспериментально опробованы в подлинном судебном процессе некоторые меры безопасности из разработанной программы защиты свидетелей. Случилось это в Татарстане, когда судили лидеров преступной группировки „Хадитакташ“. Итогом стал приговор по обвинению в организации преступного сообщества. Двое лидеров получили „пожизненно“. Еще одиннадцать человек в сумме были приговорены к 180 годам лишения свободы.

Такой процесс состоялся лишь потому, что правоохранительные органы взяли под опеку свидетелей. Очевидцев привозили в суд не просто под охраной, но в масках и балахонистых пальто, скрывавших фигуру. Свидетелей размещали в соседней комнате, где были установлены видеокамера и микрофоны, изменяющие голос. Судья входил в эту комнату, удостоверять личность и возвращался в зал заседания. Кое-кто из свидетелей был готов говорить и без маски, но не там же, где за решеткой сидели 13 плечистых парней, один вид которых действовал устрашающе. Для дачи показаний устраивали своеобразный телемост. И все же риск оставался. Несмотря на беспрецедентные меры безопасности, всех свидетелей уберечь не удалось. И в ходе следствия и во время процесса при невыясненных обстоятельствах погибли несколько человек, дававших показания» [3].

Если говорить о недостатках, имеющихся в УПК РФ применительно к защите прав участников уголовного судопроизводства, то можно назвать следующие. В ч. 9 ст. 166 говорится, что при *необходимости* обеспечить безопасность свидетеля, потерпевшего, их близких лиц, следователь *вправе* в протоколе следственного действия не приводить данные об их личности, т. е. налицо «необходимость обеспечить безопасность», но сле-

дователь не обязан, а лишь вправе принять меры по их защите.

Применительно к потерпевшему и свидетелю необходимо отметить следующее. Не всегда указанные участники процесса могут знать об угрозах их безопасности и безопасности их близких родственников, но у следователя могут быть сведения о таких угрозах. Представляется целесообразным закрепить в УПК РФ обязанность следователя извещать указанных участников уголовного процесса и других, в отношении которых он должен принимать соответствующие меры защиты, об имеющихся угрозах в их адрес и в адрес их близких родственников. Невыполнение этого следует расценивать как нарушение им принципа уголовного процесса, закрепленного в ст. 11 УПК РФ, со всеми вытекающими из данного нарушения последствиями для следователя, причем независимо от наступивших для названных выше участников процесса последствий.

Следует учитывать и тот факт, что по данным опроса, проведенного сотрудниками Омского юридического института О. Б. Яблоковой и Ю. Е. Кайгородовой, только 25,8 % из опрошенных ими осужденных знали о существовании института защиты участников уголовного судопроизводства. Понятно, что многие не могли воспользоваться возможностью получить такую защиту, даже если бы и хотели этого. Недостаток сложившегося положения заключается и в том, что среди прав задержанных и обвиняемых, названных в ст. 46 и 47 УПК РФ, не указано их право ходатайствовать о применении мер безопасности. Законодателю необходимо устранить данный недостаток, тем более что аналогичное право имеется у потерпевшего и свидетеля.

В полной мере это предложение относится ко всем участникам уголовного судопроизводства, имеющим право на защиту. При перечислении их прав необходимо закрепить в УПК РФ право ходатайствовать о применении мер защиты.

В судах США допускается допрос не самого свидетеля, а должностного лица полиции или следователя, которым от защищаемого лица в ходе служебной деятельности стали известны обстоятельства преступления. Однако сокрытие источника информации вызывает возражения, поскольку это противоречит принципам уголовного судопро-

изводства, в частности, состязательности и равноправия сторон.

Аналогичное замечание сделано К. Б. Калиновским в отношении закрепленного в УПК РФ права следователя не указывать в протоколе следственного действия данные о личности потерпевшего, его представителя или свидетеля (ч. 9 ст. 166); использование показаний свидетеля, который является анонимным для стороны защиты, является довольно глубоким отступлением от принципа непосредственности исследования доказательств, способным нарушить право обвиняемого на защиту. Вместе с тем, полагает Калиновский, оно оправданно для обеспечения защиты интересов свидетеля, потерпевшего и общества в раскрытии преступления (ч. 3 ст. 50 Конституции РФ). Применение указанной в ч. 9 ст. 166 УПК РФ меры по защите свидетеля и потерпевшего должно быть подкреплено дополнительными гарантиями. В числе таких мер — предоставление защите достаточных возможностей задать вопросы «засекреченным» свидетелям. Обвиняемый имеет право сам допрашивать показывающих против него свидетелей (п. «е» ст. 14 Международного Пакта о гражданских и политических правах; п. 3 «d» ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод). Эта гарантия остается нереализованной в стадии предварительного расследования, но ее обеспечивают правила судебного следствия: общий запрет на оглашение показаний не явившихся свидетелей без согласия стороны защиты и механизм ознакомления сторон с засекреченными данными (ч. 6 ст. 278 УПК РФ) [6, с. 11—15].

Как уже говорилось, 21 сентября 2012 г. премьер-министр РФ Дмитрий Медведев утвердил Правила применения мер безопасности в виде переселения защищаемого лица на другое место жительства в отношении потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства. Конкретные цифры переселяемых участников в Правилах не названы [7, с. 10], но они содержатся в других источниках, например, Н. Козлова в публикации «Секретный свидетель под крышей» сообщает: «Правоохранительные органы в 2010 г. обеспечили государственную защиту более тысячи человек. За нынешний год (имеется в виду 2011 г. — А. К.)

12 фигурантов уголовных дел получили новые документы, 28 — новое жилье, а 600 — временное укрытие» [8, с. 10].

Это много или мало? На данный вопрос правильного ответа дать мы не сможем. Но если учесть, что в Государственной программе «Обеспечение безопасности потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства на 2009—2013 г.», утвержденной Постановлением Правительства РФ от 2 октября 2009 г. № 792, было отмечено, что «...в России ежегодно 10 млн. человек выступают в качестве потерпевших и свидетелей в ходе расследования и рассмотрения уголовных дел по особо тяжким преступлениям. Из них каждый пятый получает угрозы в целях изменения либо отказа от даваемых показаний. Значительное количество граждан, ставших жертвами или свидетелями преступлений, не обращаются в правоохранительные органы, опасаясь мести со стороны преступников либо не веря в эффективность государственной защиты» [9],

то становится очевидным, что количество привлеченных Н. Козловой мер по защите участников уголовного судопроизводства явно недостаточно.

По мнению Д. Н. Лозовского, процессуальная деятельность по защите участников судопроизводства находится в стадии становления. Только в некоторых судах оборудуются помещения для обеспечения допроса лица в условиях, исключающих его визуальное наблюдение, закупается специальное оборудование и аппаратура для изменения голоса, готовятся специалисты по применению такой техники [10, с. 288].

Изложенное в настоящей статье свидетельствует о том, что проблемы государственной защиты потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства нуждаются в дальнейшем исследовании, некоторые из них могут быть решены только путем изменений и дополнений действующего законодательства.

Список библиографических ссылок

1. Концепция судебной реформы в Российской Федерации / сост. С. А. Пашин. М.: Республика, 1992.
2. Основные документы Организации Объединенных Наций. Документы Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе и документы Совета Европы для судей, прокуроров, милиции, адвокатов, организаций по правам человека, граждан и средств массовой информации / сост. и ред. Фр. Куинн. Варшава: Изд-во ОБСЕ/БДИПЧ, 1999.
3. Защита по-американски // Рос. газ. 2003. 28 ноября. С. 3 (см. также в этой газете: Куликов В. Опасный свидетель получит новое лицо, дом и новую биографию. С. 7).
4. Новикова А. М. Расследование разглашений данных предварительного расследования и сведений о мерах безопасности, применяемых в отношении участников уголовного судопроизводства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009.
5. Проблемы защиты прав потерпевших от преступлений. Специальный доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации В. П. Лукина // Рос. газ. 2008. 4 июня.
6. Калиновский К. Б. Меры по защите участников уголовного процесса как общее условие предварительного расследования в российском уголовном процессе // Проблемы государственной защиты участников уголовного судопроизводства: материалы межвуз. конф. (Санкт-Петербург, Сев.-Зап. филиал РПА МЮ РФ, 6 марта 2007 г.) СПб., 2007.
7. Об утверждении Правил применения меры безопасности в отношении потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства: постановление Правительства Российской Федерации от 21 сентября 2012 г. № 953 // Рос. газ. 2012. 26 сентября.
8. Козлова Н. Секретный свидетель под крышей. Полиция хочет покупать жилье тем, кого охраняет // Рос. газ. 2011. 20 октября.

9. Программа защиты свидетелей в России. Справка [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rapsinews.ru> (дата обращения: 12.01.2013).

10. Лозовский Д. Н. Государственная защита участников уголовного судопроизводства: вопросы теории // Материалы междунар. науч.-практ. конф., 13—14 декабря 2012 г. / Волгоградский гос. ун-т, Прокуратура Волгоградской области; сост. И. С. Дикарев, А. В. Боровков, Е. И. Елфимова. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2012.

© Кругликов А. П., 2013

***

Нгуен Дык Чунг

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИ ЗНАЧИМАЯ ИНФОРМАЦИЯ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ ТРАНСНАЦИОНАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА

Автор высказывает мнение о критериях отграничения транснациональных от иных видов преступлений и раскрывает общие вопросы криминалистической характеристики транснациональных преступлений.

Ключевые слова: транснациональная преступность, организованная преступная группа, криминалистическая характеристика, организация незаконной миграции, торговля людьми и редкими животными; незаконный оборот наркотических средств, оружия, фальшивомонетничество.

Nguyen Duc Chung

INFORMATION OF CRIMINALISTIC IMPORTANCE RELATED TO TRANSNATIONAL CRIMES

The author offers his opinion on the criteria for differentiating transnational crimes from other types of crimes and analyzes general issues of criminalistic characteristics of transnational crimes.

Keywords: transnational crime, organized criminal group, criminalistic characteristics, organization of illegal migration, trafficking in human beings and rare animals, illegal drugs and weapons trafficking, counterfeiting.

О появлении нового транснационального уровня преступности западные ученые стали говорить со второй половины XX в. [1]. В России данное явление также стало объектом пристального изучения. Одними из первых, кто попытался выявить и охарактеризовать специфические черты нового для страны вида преступности, среди ученых-криминалистов были, в частности, Г. А. Зорин, С. Е. Еркенов [2; 3]. В своих работах они рассматривали транснациональные преступления как один из видов преступлений, совершаемых различными организованными преступными формированиями, в связи с чем к особенностям расследования таких

преступлений авторы относили установление сведений об организации и функционировании самих преступных формирований, их иерархии и взаимоотношениях между участниками. Другие ученые, констатируя в своих исследованиях транснациональный характер рассматриваемого вида преступлений, вообще не давали описание соответствующих признаков, которые те приобретают в этом случае [4].

В настоящее время транснациональная преступность стала реальной угрозой для безопасности всего человечества как по своим масштабам, так и по разрушительному влиянию. Транснацио-

нальная преступность формирует силу, угрожающую социально-экономическому развитию любого из государств, при этом масштабы ее постоянно растут. Это явление способно не просто расширять свою деятельность, но и нацеливать ее на подрыв безопасности экономики государств, в первую очередь, развивающихся стран и стран с переходной экономикой [5].

Согласно «Словарю русского языка» С. И. Ожегова первая часть сложных слов *транс-* означает «движение через какое-нибудь пространство», «расположение за пределами чего-нибудь» [6, с. 790]. Термин «транснациональный» (от лат. *trans* — «сквозь, через» и национальный) трактуется как «выходящий за пределы одной нации, одного государства, межнациональный» [6, с. 667]. С учетом этого представляется верным такое суждение: под транснациональными преступлениями следует понимать такие общественно опасные деяния, совершение которых прямо связано с установлением определенных взаимосвязей, непосредственно затрагивающих территории двух или более государств, причем эти взаимосвязи исходят не от лиц, представляющих конкретное государство [7, с. 27]. Мы согласны с А. Г. Волеводзом, считающим, что к транснациональным преступлениям относятся те, подготовка, совершение и последствия которых географически охватывают две и более страны. Следовательно, основным признаком, позволяющим отнести конкретное преступление к группе транснациональных, является «их выход за пределы национальных границ» [8, с. 9]. Приобретать указанный признак может механизм практически любого преступления, причем не каждое из них будет совершаться организованной преступной группой. Хотя, как показывает судебно-следственная практика, подавляющее большинство транснациональных преступлений совершается группой лиц или организованной преступной группой.

В. М. Быков пишет, что при определении криминалистической характеристики групповых преступлений необходимо выделить типичные признаки, элементы: предмет преступного посягательства; лиц, совершающих преступление; способы подготовки, совершения и сокрытия преступления; обстановку совершения преступления, а также

типичные материальные следы преступления. Криминалистическая характеристика «не простое сложение отдельных признаков преступления: один из них является главным, решающим признаком, определяющим во многом другие признаки данной группы преступлений» [9, с. 82]. В случае рассмотрения транснациональных преступлений, думается, главным, решающим признаком также будет являться место преступления, понимаемое нами в широком смысле как пространство, где отражался весь механизм преступления. Оно должно охватывать определенные участки местности, расположенные на территориях разных государств, другими словами, механизмом совершения преступления охватываются участки территории двух и более государств. Указанная данность предопределяет несколько обстоятельств совершения преступлений транснационального характера:

1) значительное удаление друг от друга мест начала и окончания преступления;

2) участки территорий, являющиеся местом совершения преступления, подпадают под юрисдикцию разных государств, правовые системы которых имеют существенные отличия в организации социально-экономического уклада общества, а также в сфере уголовного процесса.

Данные обстоятельства используются преступниками как условия, с одной стороны, способствующие совершению преступления, а с другой — затрудняющие процесс расследования.

Перейдем к рассмотрению элементов криминалистической характеристики данного вида преступлений. Предмет преступного посягательства зависит от вида конкретного преступления транснационального характера: это и организация незаконной миграции, и торговля людьми и редкими животными, и незаконный оборот наркотических средств, оружия, фальшивомонетничество и др., — поэтому привести их исчерпывающий перечень практически невозможно [10, с. 33]. Так как высокая прибыль и постоянное увеличение доходов являются для транснациональных преступных организаций доминирующей целью, все другие цели и мотивации, включая политические, имеют второстепенный характер, все действия

с предметом всецело связаны с получением значительной материальной прибыли.

Независимо от того, какие непосредственно уголовно наказуемые действия совершаются в отношении предмета, изначально он находится на территории одного из государств, следовательно, все его качества и свойства, а также связи с окружающей средой опосредованы экономическими, социальными, природными и иными обстоятельствами, характерными для данной, конкретной страны [5]. Изучение этих признаков и связей, особенно со стороны преступника, не проживающего в данном государстве, требует тщательной предварительной подготовки: сбор информации, привлечение сообщников, подбор необходимых орудий и средств совершения преступления. Вследствие перемещения на территорию другого государства предмет не утрачивает все присущие ему внутренние и внешние качества, указывающие на страну, из которой его переместили. Лицо, причастное к совершению транснационального преступления, как правило, является гражданином и проживает на территории одного из государств, где находится участок места преступления.

Мотивы совершения транснациональных преступлений могут быть различны, но в подавляющем большинстве случаев это корысть. Чаще всего цель преступника — получение материального вознаграждения от третьих лиц или дохода от использования предмета в условиях иного правового регулирования социально-экономических отношений в государстве-адресате. При подготовке к совершению преступления лицо целенаправленно обращает внимание на предметы, находящиеся за пределами страны его проживания, либо происходит целенаправленное установление отношений с лицами, которые находятся на территории другого государства. Между злоумышленником и участками территорий государств, охватывающих место преступления, устанавливаются транснациональные связи как из-за его личного перемещения в пространстве, так и вследствие опосредованного установления контактов.

В юридической литературе под способом совершения преступления принято понимать систему взаимосвязанных действий по подготовке, со-

вершению и сокрытию преступления, объединенных общим преступным умыслом [11, с. 215]. Так как место совершения транснациональных преступлений охватывает участки территорий нескольких государств, то и элементы структуры способа их совершения также протекают на территориях этих государств. Естественно, что территориально элементы структуры способа совершения рассматриваемого вида преступлений могут располагаться по-разному, и это во многом опосредовано конкретным видом преступления. Например, нигерийцы занимаются мошенничеством с кредитными картами, используя почту; китайцы торгуют людьми; русскоязычные занимаются мошенничеством в страховании и здравоохранении, торгуют людьми и оружием. Доминиканцы и мексиканцы также занимаются контрабандной торговлей людьми. Все вышеназванные также участвуют в торговле наркотиками [5, с. 125].

Вместе с тем особенность транснациональных преступлений — место совершения преступления — оказывает свое определяющее влияние и на структурные элементы способа совершения преступления, придавая ему следующие характерные черты:

а) растянутые в пространстве и времени действия, связанные, в частности, с пересечением государственных границ предметом преступного посягательства как отдельно, так и совместно с субъектом, совершающим преступление. Не все контрабандисты имеют дело с инертным товаром, таким, например, как наркотики. Торговцы людьми и вымирающими биологическими видами имеют дело с товаром, который должен быть доставлен живым, чтобы не потерять ценности. Собственная ценность предмета, редкого растения, животного или человека означает, что торговцы не могут позволить себе рисковать так, как на рынке наркотиков. Торговцы наркотиками рассчитывают, что они, несомненно, потеряют процент всей партии товара. Те, кто торгует живым товаром, не могут позволить себе подобные потери, поэтому они должны принять большие меры предосторожности;

б) направленные в пространстве действия, т. е. совершаемые на территории одного государства в целях воздействия на определенные объекты (предметы), которые находятся на терри-

тории другого государства, посредством предметов, информации, энергии. Так, согласно Международной организации по изучению проблем эмигрантов, все иностранные агентства «невест по почтовой переписке» пребывают под контролем сети организованной преступности. Большинство из этих агентств работают в сети Интернет и через нее осуществляют поиск своих жертв на территории бывшего Советского Союза [5, с. 176];

в) обусловленные действия, т. е. совершаемые на территории одной страны и не выходящие за ее пределы, но зависящие от условий, обстоятельств и процессов, имевших место и (или) параллельно существующих на территории другого государства. Стала известной, например, информация о том, что для пополнения валютных запасов КНДР широко использует торговлю опиумом, а за производство «зелья» отвечает специальный отдел «политического ядра» — ЦК ТПК. Для переброски наркотиков через границу КНДР применяла дипломатический канал [5];

г) действия, провоцирующие отложенный во времени эффект, т. е. совершаемые на территории одной страны и не выходящие за ее пределы, однако сочетание их с особенностями биологических, химических, социальных и иных процессов, происходящих в отдельно взятом объекте (предмете) преступного посягательства и (или) окружающей его среде, обуславливают наступление общественно опасных последствий на территории другого государства. Например, на фоне лавинообразного увеличения численности населения Китая число безработных и мигрантов в 1997 г. насчитывало по стране 150 млн. человек, а к 2010 г. оно составило 368 млн. Даже в госсекторе сегодня избыток рабочей силы колеблется в пределах 15—30 % (примерно 16—32 млн человек), в то время как в течение последних тридцати лет Китай ежегодно лишается 500 тыс. га пашни. Создавшаяся ситуация явилась одной из причин появления организованной преступности в виде *массовой скупки цветных и черных металлов, нефти и нефтепродуктов* и др., среди прочего, и из соседней России, что прямо повлияло на хищения собственности в России и на рост активности и числа организованных преступных групп [5].

Типичные следы, характерные для транснациональных преступлений, закономерно представляют собой те материальные и идеальные следы, которые свойственны конкретным видам общественно опасных деяний. К общим следам для всех видов преступлений транснационального характера целесообразно отнести те, которые указывают на установление транснациональных связей.

К материальным объектам — носителям следов можно отнести:

— предметы преступного посягательства, которые обнаружены на территории одной страны, но по своим качествам имеют признаки принадлежности к территории иного государства;

— предметы материального мира, использованные в качестве орудий преступления или несущие на себе информацию о связях с какими-либо объектами другой страны;

— документы, содержащие сведения о перемещении преступника и конкретных объектов (предметов) через государственные границы стран;

— документы, заключающие сведения телекоммуникационных, почтовых служб, сотовых компаний об имевших место контактах между субъектами, которые причастны к совершению преступлений транснационального характера и находятся на территориях различных государств.

К идеальным следам относятся сведения, сохранившиеся в памяти лиц, контактировавших с преступником или объектом преступного посягательства: обслуживающий персонал транспорта, попутчики, соседи, родственники, знакомые в бывших и планируемых поездках за рубеж.

На основании вышеизложенного мы приходим к следующим выводам:

1) в качестве криминалистического понятия транснациональные преступления представляют собой группу уголовно наказуемых деяний, механизм совершения которых охватывает территории нескольких государств;

2) материальной основой возникновения закономерных связей элементов общественно опасного деяния и основополагающим признаком, определяющим иные элементы, характерные для транснациональных преступлений, является место преступления;

3) способ совершения транснациональных преступлений, который представляет собой комплекс целенаправленных действий, прямо связанный с взаимодействием всех элементов преступ-

ления как с окружающей средой, так и между собой, имеет строго закономерную организацию и особенности проявления на месте преступления.

Список библиографических ссылок

1. Global Organized crime and International Security / ed. by E. Viano. Ashgate. Pub. Ltd., 1999; Organized Crime: Contemporary Issues. Companion, 1999; Organisierte Kriminalitat in Europa / M. Edelbacher. Wien: Linde, 1998; Richards J. R. Transnational Criminal organization, Cybercrime, and Money Laundering. CRC Press LLC, 1999.
2. Зорин Г. А. Понятие и основные признаки транснациональной преступности. Гродно: Гродненский филиал ИСЗ, 1997.
3. Еркенов С. Е. Взаимодействие правоохранительных органов стран СНГ при раскрытии и расследовании транснациональных преступлений: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М.: Акад. упр. МВД России, 2000.
4. Куликова Т. Б. Методика расследования преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств (по материалам Северо-Кавказского региона): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов: Сарат. гос. акад. права, 2004.
5. Номоконов В. А. Транснациональная организованная преступность: дефиниции и реальность: моногр. Владивосток: Изд-во Дальневосточного ун-та, 2001.
6. Ожегов С. И. Словарь русского языка: ок. 53 000 слов / под общ. ред. проф. Л. И. Скворцова. 24-е изд., испр. М.: ОНИКС 21 век: Мир и образование, 2004.
7. Большой словарь иностранных слов / сост. А. Ю. Москвин. М.: Центрполиграф, 2005.
8. Волеводз А. Г. Правовое регулирование новых направлений международного сотрудничества в сфере уголовного процесса. М.: Юрлитинформ, 2002.
9. Быков В. М. Криминалистическая характеристика групповых преступлений // Криминалистическая характеристика преступлений: сб. науч. тр. М., 1984. С. 82—85.
10. Бирюков С. Ю. Особенности расследования организации незаконной миграции: учеб. пособие. Волгоград: ВА МВД России, 2011.
11. Белкин Р. С. Криминалистическая энциклопедия. 2-е изд., доп. М.: Мегатрон XXI, 2000.

© Нгуен Дык Чунг, 2013

***

Н. В. Павличенко, А. С. Поправко

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ТАЙНЫ В РАБОТЕ С ЛИЦАМИ, ОКАЗЫВАЮЩИМИ КОНФИДЕНЦИАЛЬНОЕ СОДЕЙСТВИЕ

В статье рассматриваются проблемы допуска лиц, оказывающих конфиденциальное содействие, к государственной тайне. Предлагается авторское видение процедуры допуска конфиденентов к государственной тайне и ответственности за ее разглашение.

Ключевые слова: оперативно-разыскная деятельность, государственная тайна, допуск, ответственность, лицо, оказывающее конфиденциальное содействие, конфиденент.

N. V. Pavlichenko, A. S. Popravko

**PROTECTION OF STATE SECRETS WHEN WORKING
WITH INDIVIDUALS RENDERING CONFIDENTIAL ASSISTANCE**

The article focuses on the problems of providing access to state secrets for individuals rendering confidential assistance. The authors offer their own vision of the procedure of providing confidants' access to state secrets and the responsibility for their disclosure.

Keywords: operational search activities, state secrets, access, responsibility, individuals rendering assistance, confidant.

Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее — закон об ОРД), принятый 12 августа 1995 г., в ч. 1 ст. 12 зафиксировал, что определенная информация в оперативно-розыскной деятельности составляет государственную тайну. К ней отнесены сведения об используемых или использованных при проведении негласных оперативно-розыскных мероприятий силах, средствах, источниках, методах, планах и результатах оперативно-розыскной деятельности, о лицах, внедренных в организованные преступные группы, о штатных негласных сотрудниках органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, и о лицах, оказывающих им содействие на конфиденциальной основе, а также об организации и тактике проведения оперативно-розыскных мероприятий. Данные сведения предаются гласности в исключительных случаях, которые предусмотрены федеральным законодательством (ч. 2 ст. 12 закона об ОРД).

Изучение семантики терминов «гласность» и «предание» позволяет констатировать, что они достаточно часто рассматриваются в совокупности, при этом под первым понимается доступность для общественного ознакомления и обсуждения [1, с. 128]; известность, оглашение, огласка [2, с. 355], а под вторым — подвергание действию чего-нибудь [1, с. 569].

Этимологический анализ, а также изучение законодательного и ведомственного правового регулирования оперативно-розыскной деятельности, юридических традиций иных отраслей права [3] позволяют сделать вывод о том, что под преданием гласности сведений, составляющих государст-

венную тайну, необходимо понимать распространение сведений в любой форме (устной, письменной, наглядно-демонстрационной, с использованием средств массовой информации либо технических средств и т. д.), в результате чего они становятся известными любым третьим лицам. Подобный подход достаточно гармонично вписывается в понятие принципа конспирации в оперативно-розыскной деятельности, что позволяет говорить о единой методологической основе исследования данных вопросов в ОРД [4].

Следовательно, информация, содержащая государственную тайну [5], доверенная лицам, оказывающим содействие оперативно-розыскным органам, сохранение которой вменено им в обязанность, также является преданием гласности. Вместе с тем эта группа сведений согласно ч. 4 ст. 5 закона «О государственной тайне» [6] и ч. 1 ст. 12 закона об ОРД может стать достоянием определенных лиц после прохождения процедуры оформления права допуска, которая предусмотрена в ст. 21 закона «О государственной тайне» и рядом других нормативных правовых актов. В частности, допуск должностных лиц и граждан к государственной тайне предусматривает: принятие на себя обязательств перед государством по нераспространению доверенных им сведений, составляющих государственную тайну; согласие на частичные, временные ограничения их прав в соответствии со ст. 24 закона «О государственной тайне» (ограничения могут касаться: права выезда за границу на срок, оговоренный в трудовом договоре (контракте) при оформлении допуска гражданина к государственной тайне; права на

распространение сведений, составляющих государственную тайну, и на использование открытий и изобретений, содержащих такие сведения; права на неприкосновенность частной жизни при проведении проверочных мероприятий в период оформления допуска к государственной тайне); письменное согласие на проведение в отношении их полномочными органами проверочных мероприятий; определение видов, размеров и порядка предоставления социальных гарантий; ознакомление с нормами законодательства Российской Федерации о государственной тайне, предусматривающими ответственность за его нарушение; принятие решения руководителем органа государственной власти, предприятия, учреждения или организации о допуске оформляемого лица к сведениям, составляющим государственную тайну.

Столь детальная регламентация процедуры допуска к государственной тайне, по мнению И. Г. Бавсун, призвана обеспечить ее сохранность и дает уверенность в том, что допускаемое лицо в полной мере осознает исключительную важностьверяемой ему информации и предвидит те негативные последствия, которые в случае ее незаконного разглашения могут наступить для государства (в виде нанесенного ущерба) и для него (в виде ответственности) [7, с. 68]. Вместе с тем лица, оказывающие содействие органам, осуществляющим оперативно-разыскную деятельность, несмотря на возможность ознакомления со сведениями, составляющими государственную тайну, не проходят специально оговоренную в нормативных правовых актах процедуру допуска. В связи с этим ответ на вопрос о законности ознакомления конфиденентов с информацией, содержащей охраняемую государством тайну, очевиден.

Решение обозначенной проблемы возможно двумя способами.

1. Упрощенная процедура допуска к государственной тайне, как это предусмотрено для членов Совета Федерации Федерального собрания РФ, депутатов Государственной думы Федерального собрания РФ, судей на период исполнения ими своих полномочий, а также адвокатов, участвующих в качестве защитников в уголовном судопроизводстве по делам, связанным со сведениями, составляющими государственную тайну. Согласно

ст. 21.1 закона Российской Федерации «О государственной тайне» эти категории лиц допускаются к сведениям, составляющим государственную тайну, без проведения проверочных мероприятий. При этом обязательства лиц, оказывающих конфиденциальное содействие правоохранительным органам, перед государством по соблюдению требований законодательства Российской Федерации о государственной тайне должны оформляться в виде расписки (п. 10 Постановления Правительства РФ от 6 февраля 2010 г. № 63 «Об утверждении Инструкции о порядке допуска должностных лиц и граждан Российской Федерации к государственной тайне»).

Упрощенная процедура допуска к государственной тайне предусмотрена и для отдельных категорий сотрудников (военнослужащих и гражданского персонала) в Федеральной службе безопасности Российской Федерации. Так, в Приказе ФСБ России от 4 июля 1998 г. № 282 «Об утверждении Инструкции о порядке оформления допуска к особой важности, совершенно секретным и секретным сведениям и доступа к государственной тайне в органах федеральной службы безопасности» зафиксировано, что проверочные мероприятия в отношении указанной выше категории граждан для оформления им необходимой формы допуска к сведениям, составляющим государственную тайну, могут не проводиться в случаях, если в личных делах указанных лиц содержатся материалы проверки в связи с их допуском к участию в оперативно-разыскной деятельности или доступу к материалам, полученным в результате ее осуществления, равно как и в связи с обеспечением собственной безопасности органов безопасности, объем которых позволяет оформить допуск к государственной тайне требуемой формы (в ред. Приказа ФСБ РФ от 4 мая 2009 г. № 187). Рассматривая данный приказ сквозь призму конфиденциального сотрудничества, оперативно-разыскные органы должны признать, что конфидененты допущены к участию в оперативно-разыскной деятельности, имеют доступ к материалам, полученным в результате ее осуществления, и, более того, прошли проверку, предусмотренную ч. 2 ст. 7 закона об ОРД.

Применительно к оперативно-разыскной деятельности данная процедура наиболее предпоч-

тительна с учетом большого количества лиц, оказывающих конфиденциальное содействие, и сложности процедуры оформления допуска к государственной тайне.

2. *Возможность признания законодателем правовых отношений между лицом, оказывающим содействие органам, осуществляющим оперативно-разыскную деятельность, и самими этими органами в качестве трудовых* [8], что требует максимально приблизить процедуру допуска обозначенных выше лиц к государственной тайне, как это предусмотрено в ст. 21 закона «О государственной тайне», за исключением следующего:

1. В связи со спецификой работы в преступной среде лица, оказывающие содействие органам, осуществляющим оперативно-разыскную деятельность, должны обладать определенным набором качеств, среди которых не последнее место занимает криминальный опыт, выраженный в наличии судимости за определенные преступления, нахождение под судом или следствием за тяжкие преступления, наличие неснятой судимости за эти преступления и т. д. Данные обстоятельства являются иногда единственной возможностью получения конфиденциальной информации. Между тем согласно ст. 22 закона «О государственной тайне» вышеперечисленные факты являются основанием для отказа лицу в получении допуска к государственной тайне.

Кроме того, наличие у лица, оказывающего содействие, медицинских противопоказаний для работы с использованием сведений, составляющих государственную тайну, согласно перечню, утверждаемому федеральным органом исполнительной власти, уполномоченным в области здравоохранения и социального развития (в ред. Федерального закона от 29 июня 2004 г. № 58-ФЗ), не всегда является основанием для отказа в конфиденциальном содействии.

2. Согласно п. 8. Постановления Правительства РФ от 6 февраля 2010 г. № 63 «Об утверждении Инструкции о порядке допуска должностных лиц и граждан Российской Федерации к государственной тайне» проверочные мероприятия, связанные с оформлением допуска граждан к государственной тайне, осуществляются органами безопасности по месту расположения организаций, их террито-

риально обособленных подразделений. Вместе с тем сами сведения о лицах, оказывающих содействие органам, осуществляющим оперативно-разыскную деятельность на конфиденциальной основе, составляют государственную тайну, а предание гласности сведений о данной категории лиц, допускается лишь с их согласия в письменной форме и в случаях, предусмотренных федеральными законами. Поэтому проверку лица, оказывающего содействие, возможно осуществлять исключительно в рамках ч. 2 ст. 7 закона об ОРД по указанному в ней основанию для проведения оперативно-разыскных мероприятий — установление или поддержание с лицом отношений сотрудничества при подготовке и проведении оперативно-разыскных мероприятий.

3. Лицо, оказывающее конфиденциальное содействие оперативно-разыскным органам, при оформлении допуска к государственной тайне в соответствии со ст. 24 закона «О государственной тайне» дает согласие на частичные, временные ограничения своего права на выезд за границу на срок, оговоренный в трудовом договоре. Это, безусловно, разумно, однако частный случай отказа confidentу в выезде за границу (отпуск, командировка и т. д.) может послужить причиной расшифровки его перед заинтересованными лицами.

4. Взаимные обязательства администрации (органа, осуществляющего оперативно-разыскную деятельность) и оформляемого лица отражаются в трудовом договоре (в настоящее время контракте — ч. 1 ст. 17 закона об ОРД), заключение которого до окончания проверки компетентными органами не допускается. Заключение контракта предусмотрено в ч. 1 ст. 17 закона об ОРД. Он, по мнению А. Демина, «повышает взаимные гарантии сторон, фиксируя ответственность за невыполненные обязательства, и позволяет более полно, детально закрепить взаимоотношения сторон, условия и виды сотрудничества» [9, с. 10].

В качестве основной обязанности применительно к лицам, оказывающим содействие, необходимо отнести неразглашение охраняемой законом тайны — государственной, служебной и иной (ч. 1 ст. 17 закона об ОРД). Вместе с тем простое упоминание об обязанности confidentа не раз-

глашать сведения, составляющие государственную и иную тайну, не имеет должной юридической силы, так как работник обязан понимать, какая информация содержит эту тайну, и знать источники ее образования. В связи с этим в самом трудовом договоре либо его приложении необходимо будет предусмотреть раздел, в котором нужно указать обязанности конфиденнта по сохранению конкретных видов государственной и служебной тайны. Работник, подписавший рассматриваемый выше трудовой договор, принимает на себя обязательство перед государством относительно неразглашения доверенных ему сведений, составляющих государственную и служебную тайну, и дает согласие на соответствующее временное ограничение своих прав.

Только после соблюдения вышеприведенной процедуры можно предъявлять к конфиденнту требования по сохранению и соблюдению государственной тайны. Если конфиденнт умышленно допустил разглашение подобных сведений и они стали достоянием тех лиц, которые к ним не допущены, он должен быть привлечен к уголовной ответственности по ст. 283 «Разглашение государственной тайны» Уголовного кодекса Российской Федерации. Так как привлечение к уголовной ответст-

венности лиц, оказывающих конфиденциальное содействие, по ст. 283 УК РФ возможно только в том случае, если информация им доверена по работе или в связи с выполнением служебных обязанностей [10, с. 150]. То есть только в том случае, если лицо, оказывающее содействие, работает в рамках трудового договора, выполняет трудовую функцию, связанную с допуском к государственной тайне, прошло процедуру допуска и имеет допуск к государственной тайне [2, с. 68], либо в случае упрощенной процедуры допуска к государственной тайне указанных лиц.

Итак, предлагаемая нами процедура допуска лиц, оказывающих конфиденциальное содействие, к государственной тайне и форма ответственности за ее разглашение носят предварительный характер, отдельные аспекты реализации обозначенных выше предложений должны быть согласованы с представителями уголовно-правовой науки. Однако общий вектор размышлений, на наш взгляд, позволит решить отдельные проблемы оперативно-разыскной деятельности в части, касающейся обеспечения государственной тайны в работе с лицами, оказывающими содействие оперативно-разыскным органам.

Примечания

1. Ожегов С. И. Словарь русского языка. 8-е изд., стереотип. М.: Сов. энцикл., 1970.
2. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1955. Т. I.
3. Так, в ст. 161 УПК РФ данные предварительного расследования могут быть преданы гласности лишь с разрешения следователя, дознавателя и только в том объеме, в каком ими будет признано это допустимым, если разглашение не противоречит интересам предварительного расследования и не связано с нарушением прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства, а в уголовном праве объективная сторона преступления, предусмотренного ст. 311 Уголовного кодекса РФ, состоит в предании гласности сведений о мерах безопасности, в результате чего они становятся известными хотя бы одному постороннему лицу.
4. Данная проблема изучалась нами ранее. См., напр.: Павличенко Н. В. «Конспирация» и «предание гласности» в оперативно-разыскной деятельности: содержание и соотношение // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2010. № 1.
5. Анализ оперативно-разыскной практики показывает, что лица, оказывающие содействие, могут располагать сведениями, содержащими государственную тайну: о результатах оперативно-разыскной деятельности (74 %); об используемых или использованных при проведении негласных оперативно-

разыскных мероприятий силах, средствах, источниках, методах, планах (отметили более 2/3 опрошенных сотрудников оперативных подразделений); об организации и тактике проведения оперативно-разыскных мероприятий (65 %); о методах и средствах защиты секретной информации (54 %); о лицах, внедренных в организованные преступные группы, о штатных негласных сотрудниках органов, осуществляющих оперативно-разыскную деятельность, и о лицах, оказывающих им содействие на конфиденциальной основе (4 %).

6. О государственной тайне // Рос. газ. 1993. № 182.

7. Бавсун И. Г. Проблемы определения субъекта разглашения государственной тайны // Законодательство и практика. 2009. № 2. С. 67—70.

8. Свое мнение по данному вопросу мы высказывали в ряде работ. См., например: Луговик С. В., Павличенко Н. В. Природа правоотношений между конфидентами и органами, осуществляющими оперативно-разыскную деятельность // Оперативник (сыщик). 2011. № 1; Павличенко Н. В. Сравнительный анализ законодательства Украины и России в сфере охраны лиц, оказывающих содействие правоохранительным органам // Совр. право. 2010. № 10.

9. Дёмин А. Контракты в сфере оперативно-разыскной деятельности // Рос. юстиция. 1997. № 6.

10. См., напр.: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. М.: Юрид. бюллетень предпринимателя, 1996.

© Павличенко Н. В., Поправко А. С., 2013

***

Г. А. Печников, А. П. Блинков, В. Г. Волколупов

ОБЪЕКТИВНО-ИСТИННЫЙ И СОСТЯЗАТЕЛЬНЫЙ УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

В статье проводится сравнение двух разных типов уголовного процесса — процесса, основанного на объективной истине, и состязательного процесса, основу которого составляет формально-юридическая «состязательная выигрышная» истина.

Ключевые слова: уголовный процесс, диалектика, объективная истина, формально-юридическая истина, состязательно-выигрышная истина, борьба, поединок сторон, цель уголовного судопроизводства.

G. A. Pechnikov, A. P. Blinkov, V. G. Volkolupov

OBJECTIVE TRUTH AND ADVERSARY CRIMINAL PROCEDURE

The article represents the comparison of two different types of criminal procedure such as a procedure based on the objective truth and an adversary procedure based on the formal legal “adversary winning” truth.

Keywords: criminal procedure, dialectics, objective truth, formal legal truth, combat, battle of parties, purpose of criminal proceedings.

Следует четко различать *объективно-истинный* тип уголовного процесса и *состязательный* тип, в котором состязательность самодостаточна и отрицает объективную истину, поскольку все решается самим состязанием сторон. Первый тип уголовного процесса основан на достижении объективной истины по уголовным делам, т. е. установлении обстоятельств дела в соответствии с реальной действительностью, на достоверном раскрытии преступлений. Второй тип уголовного процесса основан на «состязательно-выигрышной», формально-юридической истине, «определяемой позицией стороны, победившей в споре, даже если она не соответствует действительности» [1, с. 9]. В этом типе уголовного процесса за основу берется не достоверное, объективно-истинное раскрытие преступления, а выигрыш дела в состязательном поединке сторон.

Состязательный УПК РФ оперирует не познавательными понятиями (в нем нет даже слова «истина»), фактически его состязательно-игровая сущность выражается в спортивных, военных терминах: «борьба», «спор», «соревнование», «выиграть дело», «проиграть дело», «победить своего процессуального противника», «проиграть состязание сторон», «быть сильнее (слабее) противоположной стороны» и т. п. Следовательно, познавательный интерес (в смысле познания объективной реальности, естественно-диалектического движения: от незнания к знанию, от вероятности к достоверности, от версии к объективной истине) и познавательная значимость результатов в состязательном уголовном процессе существенно занижены, ослаблены. И наоборот, формально-юридическое значение приобретает «сила сторон». Победу суд присуждает всегда более сильной, более опытной, искусной стороне, сумевшей выиграть процесс.

В состязательном уголовном судопроизводстве процессуальная форма имеет приоритет над реальным содержанием. Если форма нарушена, то доказательство считается недопустимым (ст. 75 УПК РФ): что по форме правильно, то и формально истинно.

Не познать объективно, достоверно обстоятельства общественно опасного деяния, а выиг-

рать процесс (дело) у противоположной стороны — вот смысл и назначение состязательного УПК РФ. Такой состязательно-выигрышный процесс, естественно, выгоден состоятельным слоям общества, тому, кто сильнее, например обвиняемому, у которого 5—7 опытных адвокатов для того, чтобы надежно обеспечить выигрыш дела в его пользу. В УПК РФ стороны обвинения и защиты формально равноправны перед судом, но фактически всегда одна из сторон будет сильнее другой.

В состязательном уголовном процессе все подчинено состязательности, все в нем «*осостязательствовано*»: и цель (назначение уголовного судопроизводства — ст. 6 УПК РФ), и принципы процесса, и правовые институты; осостязательствован и процесс доказывания. Сами доказательства в таком процессе в большей степени имеют не познавательное, объективно-истинное содержание, а состязательно-выигрышное, формально-удостоверительное значение. Так, для стороны обвинения важно формально закрепить, удостоверить соответствующими доказательствами версию обвинения, доказать обвинение. В свою очередь для сторон защиты важно убедить суд в слабости, необоснованности, несостоятельности обвинения, чтобы опровергнуть обвинение и выиграть процесс. «В задачу суда не входит исследование того, насколько утверждения той или другой стороны отвечают действительности. Каждая из них, в ее собственных интересах, должна обставить свое дело наиболее серьезно, точно обосновать свое притязание, внимательно отнестись к доводам противной стороны и быть готовой развеять сомнения судьи» [2].

В состязательном уголовном судопроизводстве процесс осуществляется в пределах состязательности, и ничего сверх состязательности. По существу это процесс, «замкнутый на себя». В нем нет необходимой *общей* социально важной цели, а имеются лишь *отдельные*, узкопрагматические, меркантильные, «выигрышные» цели сторон. Отсюда стороны не вполне объективны, а тенденциозны в своих стремлениях и процессуальных действиях.

Состязательность выступает самоцелью всего уголовного судопроизводства, поэтому в совре-

менном либеральном УПК РФ, по сути, осуществляется один подход, имеющий концептуальное значение: «соствязание для соствязания» — и пусть победит «сильнейший».

Современный уголовный процесс России — это не процесс поиска, выяснения, достижения объективной истины, а правовой спор двух сторон, отстаивающих перед судом сугубо свой процессуальный интерес.

Если объективная истина называет вещи своими именами (виновного — виновным, невиновного — невиновным) и тем самым выступает объективным, абсолютным гарантом прав личности в уголовном процессе, то в соствязательном процессе «осоствязательствованы» права личности (подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика) и их гарантии. То есть защита и гарантии прав личности в таком процессе носят лишь относительный (выигрышно-проигрышный) характер, поскольку действительно виновный может выиграть процесс (дело), а невиновный — проиграть. Поэтому в УПК РФ нет принципа неотвратимости ответственности за содеянное, а значит, и нет противоположного принципа — уголовная ответственность невиновного недопустима.

В соствязательном процессе все относительно, условно, и совсем не исключено, что в действительности виновный и невиновный могут поменяться местами, т. е. в каких-то случаях преступление останется нераскрытым, а преступник неизобличенным. И наоборот: в некоторых случаях изобличенным, «без вины виноватым» может стать в действительности невиновный, но проигравший поединок сторон.

Действующий УПК РФ — это процесс с явно заниженными целями, поскольку эти цели «осоствязательствованы»; не делается необходимого шага за рамки соствязательности к высокой цели — к объективной истине, но сказано справедливо: чем меньше мера истины, тем больше мера заблуждения [3, с. 43].

Права личности в уголовном процессе не должны выступать самостоятельной ипостасью, не должны иметь соствязательную направленность, а им следует быть необходимой составной частью достижения общей высокой социально значимой цели —

достоверного раскрытия преступлений, установления объективной истины по уголовным делам (борьба с преступностью).

Роль индивида в соствязательном уголовном процессе России существенно возросла, и, наоборот, заметно снизилась роль государства [4], одержала верх идея минимизации роли государства в условиях перестройки [5]. В УПК РФ государство — лишь сторона в процессе — сторона обвинения, противостоящая на равных стороне защиты. Теперь для государства как процессуальной стороны важна не борьба с преступностью, а юридический выигрыш дела у стороны защиты. Личность в правовом споре равноправно противостояит государству. Российский законодатель копирует англо-американскую концепцию уголовного процесса. За таким подходом скрывается давно установившаяся традиция считать конкретное уголовное дело спором между государством и лицом, привлекаемым к ответственности, по поводу предъявленного обвинения. Еще со времен средневековой Англии уголовные дела принято именовать, к примеру, так: «Король против Смита», «Королева против Джонса», «США против Харрисона», «Штат Иллинойс против Фаста» [6, с. 11].

В уголовном процессе с объективной истиной принцип *публичности* вместе с другими принципами призван служить, гарантировать достижение объективной истины по делу. Наоборот, в соствязательном уголовном судопроизводстве, не приемлющем объективную истину, процессуальные принципы служат соствязательности, реализации искомого подхода «соствязание для соствязания». Применительно к УПК РФ «публичность утратила значение формообразующей идеи, какую она имела для следственного процесса. Вместо этого аналогичное значение для соствязательного уголовного процесса теперь имеет *диспозитивность*. Она определяет способ развития соствязательного процесса. Под диспозитивностью надо понимать свободу сторон распоряжаться своими правами» [7, с. 85]. Как видим, вместо публичной обязанности органов, ведущих уголовный процесс, раскрывать полно, достоверно преступления, устанавливать по делам объективную истину — свобода сторон распоряжаться своими правами по своему усмотрению. Свобода вместо обязанности.

Тем самым состязательный уголовный процесс России освободил органы уголовного судопроизводства от обязанности вести бескомпромиссную борьбу с преступностью, от необходимости добиваться действительного, принципиального, четкого отличия виновного от невиновного путем установления объективной истины в уголовном процессе (в отличие от неопределенного, состязательного — выигрышно-проигрышного отличия виновного от невиновного).

«Парадоксальная ситуация, когда уголовно-процессуальный закон, обязывая устанавливать обстоятельства, входящие в предмет доказывания, не считает целью доказывания установление объективной истины...» [8, с. 5]. Но такова логика состязательного уголовного процесса. Не ставящий перед собой высоких целей, «замкнутый на себя» своей самодостаточной, самоценной состязательностью уголовный процесс по существу бесполезен для эффективной борьбы с криминалом, ограничены и его возможности для настоящей, истинной защиты прав личности. Ведь если цели занижены, то и способ действий, приспособленный к ним, также будет занижен, тем больше мера заблуждения, тем меньше мера истины [3, с. 42—43].

Характерны суждения И. Л. Петрухина о сущности состязательного уголовного процесса: «Да, состязательность — это правовое сражение, бой квалифицированных юристов, рассматривающих одно и то же событие под разными углами зрения... Неверно, что стороны объединены стремлением к одной цели — достижению истины. Подсудимый и защитник далеко не всегда заинтересованы в ее установлении. Их вполне устраивает ситуация, когда истина не достигнута, преступление не раскрыто, виновный не установлен. Ведь при недоказанной виновности обвиняемый считается невиновным. А вот прокурор должен доказать суду, что им установлена истина. ...пассивность суда как атрибут состязательности в уголовном процессе» [9, с. 73—74].

Как точно отметил В. М. Сырых, «закрепленный УПК РФ принцип состязательности низводит положение суда до органа, который лишь формально оценивает представленные в ходе судебного следствия доказательства и не отвечает за поиск

истины по делу. В результате создаются условия для того, чтобы в суде господствовала не истина по делу, а умение государственного обвинителя и защитника преподнести суду добытые доказательства по делу» [10, с. 304].

Современный либеральный уголовный процесс России — это процесс без объективной истины, где в состязании побеждает сильный, а не правый, богатый, а не бедный. Однако уголовное судопроизводство без объективной истины — это *неистинное* судопроизводство, это *правосудие без истины*.

Нельзя согласиться с таким выводом: «Институт объективной истины как прикрытие репрессивности правосудия», нарушения прав личности [11, с. 240].

Не может быть репрессивным уголовное судопроизводство, правосудие, руководствующееся принципом всесторонности, полноты и объективности исследования обстоятельств уголовного дела, ведущим к объективной истине, т. е. принципом, исключающим односторонность, предвзятость, обвинительный уклон. Нельзя уголовный процесс, основанный на объективной истине, отождествлять со средневековым инквизиционным процессом, основанным на теории и системе формальных доказательств, на формальной истине, где собственное признание обвиняемого, в том числе и полученное под пыткой (которая была укоренена в обычаях уголовного судопроизводства того времени), считалось «совершенным доказательством», «царицей доказательств», достаточным для признания подсудимого виновным. Это несопоставимые виды уголовного процесса.

Объективная (материальная) истина не формальная истина. И не следует права личности противопоставлять объективной истине, чем бы это не мотивировалось. Наоборот, отступление от объективной истины неизбежно ведет к нарушению прав личности в уголовном процессе. Это подтверждает судебно-следственная практика. Необходимо, чтобы в основе уголовного процесса лежала гносеология, ведущая к объективно-истинному результату по уголовным делам. Не должно в нем быть гносеологии, агностицизма, который всегда отрицает достоверность познания, достоверность раскрытия преступлений, не признает объектив-

ную истину, довольствуется лишь вероятной, процессуальной, формально-юридической истиной, идеализирует фактические презумпции (всегда вероятностные), ведет к оправданию судебных ошибок. Но вероятность всегда остается вероятностью, вероятностной неопределенностью.

Диалектико-материалистическая гносеология должна определять уголовный процесс, в соответствии с чем объективная истина действительно существует (если есть субъективное, то должно быть и объективное); достоверность — это не вид или степень вероятности, а качественно иной (объективно-истинный) уровень знания об обстоятельствах преступного деяния.

Человек достоин объективной истины, вероятность же, вероятная истина неизбежно нарушают его права и свободы в уголовном судопроизводстве.

Г. К. Смирнов пишет: «Следует не согласиться с позицией о методологической несовместимости принципа состязательности с истиной в уголовном процессе. В основу правового принципа состязательности положен универсальный диалектический закон единства и борьбы противоположностей, который одновременно является и методом объективного познания. Именно логическое столкновение двух контртезисов (обвинительного и оправдательного) в состязательном процессе выступает в качестве движущей силы его развития. Борьба взаимоисключающих позиций сторон приводит к их диалектическому единству, которое выражается в итоговом решении по делу. Таким образом, состязательность, будучи универсальным законом бытия и диалектическим методом познания, изначально не может противоречить объективной истине» [12, с. 256—257].

Действительно, состязательность совместима с объективной истиной и не противоречит ей, но только в уголовном процессе, основанном

на объективной истине, в котором состязательность наравне с другими принципами процесса выступает гарантией установления объективной истины, обеспечивая ее достижение. Совсем другое дело *состязательный тип уголовного процесса*, в котором состязательность самоценна, так как благодаря состязательности сильнейший одерживает победу и выигрывает дело, а объективная истина становится излишней. Состязательность в УПК РФ исключает объективную истину.

Уголовный процесс по своей природной сути — это объективно-познавательный феномен, нацеленный на достоверно-объективное познание обстоятельств уголовного дела, и от своей объективно-познавательной сущности уголовный процесс не должен отступать, если хочет оставаться действительно объективным и справедливым процессом. Поэтому диалектическую борьбу противоположностей, его движущую силу образует в нем не состязание сторон с противоположным выигрышным интересом по искусственным состязательным правилам игры, как в УПК РФ, а естественное познавательное движение: от незнания к знанию, от субъективного к объективному, от вероятности к достоверности, от следствия к причине, от версии к истине.

Совсем разные по своей сущности движущие силы у процесса с объективной истиной и процесса с «чистой состязательностью».

Как представляется, уголовный процесс с объективной истиной — более высокий тип уголовного процесса, чем уголовный процесс с «чистой состязательностью», формально-юридической истиной. И Следственный комитет Российской Федерации своим законопроектом о введении в УПК РФ института установления объективной истины по уголовному делу [13] сделал в этом направлении необходимый важный шаг.

Список библиографических ссылок

1. Интервью председателя Следственного комитета РФ А. Баstryкина «Российской газете» о законопроекте по обеспечению объективной истины // Рос. газ. 2012. № 58.
2. Розин Н. Н. Ложь в процессе // Право. 1910. № 48. Ст. 2897.
3. Ильенков Э. В. Диалектическая логика. Очерки истории и теории. М., 1974.

4. Мизулина Е. Б. Уголовный процесс: концепция самоограничения государства. Тарту, 1991.
5. Кроткова Н. В. Права человека и новое Российское законодательство: материалы круглого стола // Гос-во и право. 2003. № 6. С. 96—114.
6. Уголовный процесс: учебник для студ. юрид. вузов и фак. / под ред. К. Ф. Гуценко. М., 2005.
7. Уголовный процесс России: учебник / науч. ред. В. Т. Томин. М., 2003.
8. Волеводз А. Г. Истина в уголовном судопроизводстве: точки зрения, сомнения и аргументы науки // Библиотека криминалиста. 2012. № 4. С. 5—6.
9. Петрухин И. Л. Оправдательный приговор и право на реабилитацию: моногр. М., 2009.
10. Сырых В. М. Логические основания общей теории права. Т. 3. Современное правопонимание. М., 2007.
11. Резник Г. М. Институт объективной истины как прикрытие репрессивности правосудия // Библиотека криминалиста. 2012. № 4. С. 238—243.
12. Смирнов Г. К. Объективная истина как ориентир уголовно-процессуального доказывания // Библиотека криминалиста. 2012. № 4. С. 256—257.
13. Проект Федерального закона «О внесении изменений в УПК РФ в связи с введением института установления объективной истины по уголовному делу» [Электронный ресурс] // Следственный комитет Российской Федерации. URL: <http://www.sledcom.ru> (дата обращения: 21.08.2012).

© Печников Г. А., Блинков А. П., Волоколупов В. Г., 2013

***

Е. В. Пьянзина

**РЕГЛАМЕНТАЦИЯ ПОРЯДКА ПРОИЗВОДСТВА ИЗЪЯТИЯ ПРЕДМЕТОВ,
НАХОДЯЩИХСЯ В ПОЛОСТЯХ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ОРГАНИЗМА,
В СВЯЗИ С РАССЛЕДОВАНИЕМ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ
С НЕЗАКОННЫМ ОБОРОТОМ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ,
ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ И ИХ АНАЛОГОВ**

Статья освещает проблему изъятия предметов, находящихся в полостях человеческого организма, в рамках расследования преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов. Осуществлен подробный анализ мировой практики и существующих теоретических разработок отечественных процессуалистов, изложен более совершенный метод изъятия предметов, находящихся в полостях человеческого организма.

Ключевые слова: выемка, изъятие, принудительные методы, добровольное согласие, предметы находящиеся в полостях человеческого организма, наркотики.

E. V. Pyanzina

REGULATION OF THE ORDER OF SEIZING THINGS FROM HUMAN BODY CAVITIES WITHIN THE FRAMEWORK OF INVESTIGATION OF CRIMES RELATED TO ILLEGAL TRAFFICKING IN NARCOTIC DRUGS, PSYCHOTROPIC SUBSTANCES AND THEIR ANALOGUES

The article focuses on the problem of seizing things from human body cavities within the framework of investigation of crimes related to illegal trafficking in narcotic drugs, psychotropic substances and their analogues. The author carries out a detailed analysis of international practice and the existing theoretical developments of Russian processualists and represents an improved method of seizing things from human body cavities.

Keywords: taking out, seizure, coercive measures, voluntary consent, things in human body cavities, drugs.

Современная Россия наряду с положительной динамикой экономического и общественного развития, внедрением демократических институтов в жизнь общества продолжает характеризоваться и таким отрицательным явлением, как рост преступности, в частности высоким уровнем совершаемых преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов. Анализ статистической информации показывает, что за январь—июль 2012 г. на территории России выявлено уже 96 770 преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ и их аналогов. При этом сотрудниками ОВД выявлено 59 211 преступлений, работниками органов наркоконтроля — 36 032, а сотрудниками таможенных органов — 458 [1].

Именно сотрудниками таможенных органов и линейных отделов чаще, чем работниками иных подразделений, задерживаются так называемые «глотатели» — наркокурьеры, которые провозят в полостях человеческого организма капсулы, содержащие наркотическое средство, психотропное вещество и их аналоги.

Для регламентации порядка изъятия контейнеров с наркотическим средством у вышеуказанных наркокурьеров некоторые авторы предлагают оформлять данное следственное действие протоколом личного обыска, для чего предлагают внести изменения в ст. 184 УПК РФ (личный обыск) [2, с. 23—24]. Согласно рекомендуемым изменениям в целях обнаружения наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов в полостях человеческого тела разрешается проведение рентгеноскопии и других медицинских процедур без

угрозы причинения вреда здоровью лица, но при детальном рассмотрении этих рекомендаций усматриваются явные противоречия.

Во-первых, известно, что личный обыск направлен на отыскание и изъятие предметов, имеющих значение для уголовного дела, когда их точное количество и местонахождение не установлено. Однако, если в ходе проведения личного обыска будет проведена рентгеноскопия, то появятся точные сведения о положении (в пищеводе, желудке, желудочно-кишечном тракте) и количестве имеющих значение для уголовного дела предметов, что автоматически исключает поисковый характер следственного действия. Следовательно, проведение личного обыска невозможно, и указанная выше ситуация должна оформляться протоколом выемки с вынесением соответствующего постановления.

Во-вторых, разрешение на проведение принудительной рентгеноскопии и других медицинских процедур в целях обнаружения и изъятия наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов, а равно и иных предметов незаконно. Любое медицинское вмешательство для обеспечения прав граждан на конфиденциальность информации о факте обращения за медицинской помощью и иных передаваемых им при обращении за медицинской помощью сведений должно производиться только с добровольного информированного согласия на данное медицинское вмешательство (Приказ от 30.06.2007 г. № 88 Федерального медико-биологического агентства «О добровольном информированном согласии на медицинское вмешательство»). Кроме того, на основании п. 3 ст. 17 Федерального Закона № 3 от 09.01.1996 г. «О радиационной безопасности

населения» гражданин имеет право отказаться от медицинских рентгенологических процедур.

Согласно решению Европейского суда по правам человека дело «Яллох против Германии» (жалоба № 54810/00) медицинское вмешательство в организм человека, проведенное без его согласия, признано незаконным, так как нарушает ст. 3 Европейской Конвенции по защите прав человека, которая была ратифицирована Российской Федерацией в марте 1998 г.

В настоящее время к лицам, подозреваемым в незаконной торговле наркотическими средствами, чтобы извлечь проглоченные пакетики с наркотическими веществами, в четырех странах (Люксембург, Норвегия, Македония и Германия) принудительно применяют рвотное средство. По данным 2006 г. Россия, Чехия, Франция, Италия, Испания, Швейцария и др. не применяли рвотное средство. Однако, как свидетельствует практика, на сегодняшний день на территории Российской Федерации наравне с естественными способами извлечения перевозимых в полостях человеческого организма наркотических веществ применяются эндоскопические методы и рвотные средства.

Медицинские эксперты расходятся во мнениях о том, целесообразно ли с медицинской точки зрения принудительное применение рвотного средства с помощью введения назогастральной трубки и эндоскопических методов. Некоторые эксперты считают, что рвотное средство и эндоскопические методы необходимо применять в отношении подозреваемого для того, чтобы защитить его здоровье, даже если он сопротивляется такому обращению. Другие эксперты полагают, что подобная мера влечет за собой серьезные риски для здоровья соответствующего лица и поэтому не должна применяться. Медицинские эксперты, которые выступают за принудительное применение рвотного средства, подчеркивают, что даже если такая мера изначально принимается не в медицинских целях, тем не менее она может содействовать предотвращению возможно опасной для жизни человека интоксикации. Поскольку форма упаковки наркотических веществ, проглатываемых человеком, часто ненадежна, с медицинской точки зрения желательно применение рвотного средства или эндоскопических методов для извлечения. Такая мера не несет в себе серь-

езные риски, тогда как в том случае, если ждать выхода наркотиков естественным путем, возможен летальный исход для этого лица.

Те медицинские эксперты, которые выступали против принудительного применения рвотного средства, в частности, отметили, что принудительное введение назогастральной трубки, а равно извлечение с помощью эндоскопа, влечет за собой существенные риски для здоровья. Несмотря на то, что наркотические вещества желательно извлечь из организма человека как можно скорее, принудительное вызывание рвоты влечет за собой опасность вдохнуть рвотную массу, что может привести к удушью или легочной инфекции. Кроме того, в случае неправильного введения трубки раствор может попасть в легкие и также вызвать удушье, да и использование любого инвазивного метода может быть опасным из-за возможного риска перфорации пакетика с наркотиками, что повлечет смертельный исход. Следовательно, применение любого неестественного метода не может быть оправдано с медицинской точки зрения без согласия заинтересованного лица. В противном случае такой метод обеспечения доказательств является несовместимым с этикой медицинской профессии, что было, в частности, проиллюстрировано смертью двух подозреваемых в результате такого обращения (в 2001 г. в Гамбурге скончался гражданин Камеруна; в 2005 г. в Бремене умер гражданин Сьерра-Леоне). В демократическом обществе должно уважаться явное возражение подозреваемого против прохождения медицинской процедуры как часть права человека на самоопределение.

В-третьих, использование в уголовном деле доказательств, которые получены из человеческого организма с помощью принудительных методов без согласия на то лица, подвергаемого таким методам, нарушает его право не свидетельствовать против самого себя, что противоречит ст. 51 Конституции РФ. Кроме того, А. В. Пупцева [2] предлагает разрешить принудительное применение медицинских процедур в целях извлечения наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов не по медицинским показаниям, а для получения доказательства преступления. Данные действия признаны нарушающими п. 1 ст. 6 Европейской Конвенции по защите прав человека.

На наш взгляд, применение принудительных методов получения доказательств не оправданно. Не соблюдается принцип соразмерности, так как доказательства могут быть получены в том же объеме, но ненасильственным способом. Например, в Бельгии, Эстонии и Соединенном Королевстве позволяют наркотическим веществам выйти из организма человека естественным путем. Обычно для извлечения и очищения проглоченных наркотических веществ используются специальные туалеты (так называемые «туалеты Пакто 500» (Pacto)). Данный вид биотуалетов уникален: он не требует воды, электричества, канализации и реагентов, работает в любом климате без необходимости вентиляции и отопления. Все органические выделения собираются в пленку, которая при «смывании» запаивается, что позволяет избежать утери доказательств. Кроме того, использование биотуалета никоим образом не оскорбляет и не унижает человеческое достоинство в отличие от необходимости испражняться в таз, как происходит в настоящее время при изъятии естественным способом.

Однако перед принятием решения об изъятии предметов, находящихся в организме человека, естественным способом лицу необходимо разъяснить возможные осложнения, связанные с пребыванием в организме человека инородных предметов. Ему должен быть предоставлен выбор: произвести выемку предметов, присутствующих в его организме, с применением медицинского вмешательства либо осуществить выемку естественным способом. В случае отказа от проведения медицинского вмешательства на основании права гражданина, предусмотренного ст. 33 «Основ законодательства РФ об охране здоровья граждан», должна заполняться соответствующая форма, подтверждающая отказ. В данной бланке лицо, отказавшееся от медицинского вмешательства, удостоверяет свой отказ подписью, также в ней расписывается врач, разъяснявший возможные

осложнения, и должностное лицо, производящее выемку. Присутствие понятых при проведении данного следственного действия не должно быть обязательным. На должностное лицо распространяется правило полов, т. е. оно должно быть одного пола с лицом, у которого производится выемка. Необходимо отметить, что помещение, в котором предполагается производство выемки, должно находиться в медицинском учреждении и отвечать всем гигиеническим нормам.

Обобщая все вышеизложенное, в целях регламентации порядка производства изъятия предметов, находящихся в полостях человеческого организма, предлагается ввести новый вид выемки: выемка предметов, находящихся в полостях человеческого организма. В связи с тем, что любое медицинское вмешательство с целью получить доказательства преступления должно быть убедительно основано на фактах конкретного дела, предлагается разрешить данный вид выемки только на основании судебного решения в соответствии со ст. 165 УПК РФ. В случаях, не терпящих отлагательства, данный вид выемки предполагается разрешить производить до возбуждения уголовного дела и без постановления суда. Однако по окончании производства следственного действия должностное лицо (следователь, дознаватель) в течение 24 часов с момента начала производства выемки должно уведомить прокурора и судью. К уведомлению должны прилагаться копии постановления о производстве следственного действия и протокола следственного действия для проверки законности решения о его производстве в соответствии с ч. 5 ст. 165 УПК РФ.

Только в этом случае мы можем максимально полно соблюсти права человека, закрепленные в Европейской Конвенции по защите прав человека и обеспечить органы предварительного расследования допустимыми доказательствами для последующего расследования уголовного дела.

Список библиографических ссылок

1. Сайт ГУ МВД России по Свердловской области [Электронный ресурс]. URL: <http://www.66.mbd.ru> (дата обращения: 26.11.2012).
2. Пупцева А. В. Особенности раскрытия и расследования незаконных перевозки, пересылки наркотических средств и психотропных веществ (по материалам правоохранительных органов Южного федерального округа): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2012.

Т. Н. Бокова

ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ В США И РОССИИ: СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

В статье анализируются особенности высшего образования в США и России, такие как: применение многоуровневой образовательной системы, введение рейтинговой системы, вариативность учебного плана, применение тестов в качестве вида контроля, апробация кредитов как учебных единиц.

Ключевые слова: высшее образование, университеты, вариативность, рейтинг, кредит.

T. N. Bokova

HIGHER EDUCATION IN THE UNITED STATES AND RUSSIA: COMPARATIVE ANALYSIS

The author analyzes the main peculiarities of higher education in the United States and Russia, such as the application of the multi-level education system, use of the rating system, curriculum variation, application of tests as a certain type of control, and approbation of credits as teaching units.

Keywords: higher education, universities, variation, rating, credit.

Образовательные системы России и США имеют много общих проблем, которые отражают мировую тенденцию развития системы образования. Во-первых, это модификация целей и функций образования, усиление направленности на развитие человека, его способностей к инновационной деятельности. Во-вторых, повышение качества всей системы образования. США являются бесспорным лидером современных разработок в области стандартов образования. Классификация стандартов, принятая в США, и соответствующая терминология стали международной нормой.

Особую значимость оценка качества обучения приобретает в связи с вхождением России в Болонский процесс, одной из важнейших целей которого является создание единых европейских стандартов качества преподавания; опытом применения многоуровневой системы высшего образования; использованием рейтинговой системы оценки знаний студентов в высших учебных заведениях, а также с внедрением системы зачетных единиц (кредитов) и ЕГЭ как вступительного экзамена в университет. Все это делает проблему оценки качества высшего образования еще более актуальной, требующей серьезного, теоретически осмысленного подхода к ее решению.

Для сопоставительного анализа высшего образования в США и России были изучены как оте-

чественные (Г. Д. Дмитриев, 1997; В. А. Козырев, Н. Л. Шубина, 2005; Л. Г. Мартыненко, 2007 и др.), так и зарубежные издания (Statistical Abstract of the United States, 1998; J. Pulliam, 2008; M. Gaither, 2000; N. Streep, 2001; M. Milton, 2000; P. Monroe, 2005).

Доминирующую роль в системе высшей школы во всем мире играют университеты. Сегодня университеты — не только ведущие учебные заведения, готовящие специалистов высшей квалификации для различных областей науки и производства, но и центры международного сотрудничества, науки, культуры, место профессионального общения. Университеты имеют важное значение в социализации личности. Большинство абитуриентов стремится поступить в элитные университеты, а степень их престижности определяется рейтингом. Рейтинги в последнее время выступают в качестве популярного метода сравнения качества вузов, образовательных программ.

Как отмечает Дж. Пуллиям, лучшими вузами по таким критериям, как уровень финансирования, преподавательского состава, престижность, считаются Мичиганский, Иллинойский, Гарвардский, Йельский, Пристонский, Стэнфордский, Чикагский, Колумбийский, Калифорнийский университеты, Уильямс-колледж, Массачусетский технологический институт, Уэллсли-колледж и Миддлбери-колледж.

Большинство из этих вузов входят в «Лигу плюща» — сообщество частных университетов и колледжей, которые считаются самыми престижными вузами США [1, с. 112]. Университеты Лиги приглашают для преподавания нобелевских лауреатов, отставных министров, видных ученых, известных деятелей искусства и культуры. Среди выпускников Лиги немало нобелевских лауреатов, выдающихся научных деятелей.

Согласно данным, опубликованным Интерфакс, качественное образование можно получить как в США и Европе, так и в России. В пятерке лучших университетов России на первом месте стоит Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, основанный в 1755 г. МГУ является крупнейшим классическим вузом Российской Федерации, особо ценным объектом культурного наследия народов России. На второй позиции находится Национальный исследовательский университет МФТИ (основан в 1946 г.). Важной особенностью учебного процесса в МФТИ является «система Физтеха», нацеленная на подготовку ученых и инженеров для работы в новейших областях прикладной и теоретической физики, прикладной математики. Третье место занимает Санкт-Петербургский государственный университет (основан в 1724 г.). В состав университетского учебно-научного комплекса входят: 22 специальных факультета, 13 научно-исследовательских институтов, Канадский колледж, а также факультет военного обучения и общеуниверситетская кафедра физической культуры и спорта. Российский университет дружбы народов (основан в 1960 г.) занимает четвертую позицию. Главной особенностью РУДН является его многонациональность: среди студентов, аспирантов и стажеров — представители 450 национальностей и народностей из более чем 158 стран мира. Завершает пятерку Новосибирский национальный исследовательский университет (основан в 1959 г.). В 2009 г. он получил статус национального исследовательского университета [2].

Объединяющей чертой высшего образования в России и США является построение многоступенчатой образовательной системы, которая начала применяться в России в 1993 г. и соотносится со степенями высшего образования в США.

Как отмечает Дж. Гутек, первый цикл в США продолжается 4 года и завершается присуждением степени бакалавра гуманитарных (Bachelor of Arts) или естественных (Bachelor of Science) наук. Получение магистерской степени (Master's Degree) занимает около двух лет и ведет к получению степени магистра искусств (Master of Art — M. A.) или магистра наук (Master of Science — M. S.) со специализацией в области наук, искусства, гуманитарных или технических предметов. Докторантура является аналогом российской аспирантуры. После успешной защиты диссертации выпускнику присваивается степень PhD — доктора философии. Ежегодно в университетах США докторскую степень получают около 46 тыс. студентов [3, с. 75].

Важно отметить, что специализация в США начинается на старших курсах бакалавриата и может быть продолжена в магистратуре, но, как правило, в другом университете. В России обучение бакалавров и магистров преимущественно происходит в одном и том же вузе. Таким образом, происходит ограничение качества магистерских программ программами бакалавриата, поскольку вторая ступень является продолжением первой. Как отмечает Г. А. Сеницына, открытие магистратур в вузах России неуклонно растет: в 1992 г. — 4 вуза, в 1993 г. — 12 вузов, в 1998 г. — 115 вузов, в 2010 г. — 845 вузов. Данные подтверждают, что развитие магистратуры в России идет быстрыми и успешными темпами [4].

Субъектом высшего образования в США, который осуществляет обучение, воспитание и научно-исследовательскую деятельность в вузах, выступает профессорско-преподавательский корпус. Должностная структура профессорско-преподавательского состава в США включает следующие позиции: instructor — преподаватель вуза; lecturer — лектор; assistant professor — в России это старший преподаватель; associate professor — адъюнкт-профессор (доцент); full professor — профессор. За последние годы в вузах США изменились требования к претендентам на профессорские должности. Большое внимание уделяется адъюнкт-профессорам. Для того чтобы получить постоянную должность (tenure), по окончании докторской программы в течение 6 лет (tenure clock) необходимо опубликовать 2 крупные работы или книги (аналог моно-

графий в России). В настоящее время в нашей стране видна тенденция перехода на данную систему высших ученых степеней.

Одной из инноваций в образовательной системе является применение кредитов при оценивании студентов. Развитие кредитной системы началось в 1869 г., когда известный педагог Чарльз Элиот ввел это понятие в сферу американского образования. С 1892 г. кредитом называется объем содержания различных степеней образования (бакалаврской, магистерской и докторской) [5, с. 256]. Сущность кредитной системы состоит в том, что студент получает заданное количество кредитных часов и накапливает их для получения следующей степени. В США традиционно изучается 4—5 предметов в течение одного семестра. При этом курс одного предмета оценивается в 15 кредитов. Кредитная система США имела свое влияние на системы Азии, Северной и Южной Америки, а также частично Восточной Европы. В России кредиты только начинают применяться. Так, в Волгоградском государственном социально-педагогическом университете новые учебные стандарты предполагают деление аудиторных часов на кредиты (1 кредит = 36 ч). Россия, подписав соглашение по Болонской декларации, также взяла на себя ответственность перестройки системы образования, в том числе и введения системы кредитов.

Значимой традицией в США с начала XX в. является рейтинговая система. Как отмечает Л. Г. Мартыненко, в России рейтинговая система применяется с начала 1990-х гг. в МПГУ. В 2004 г. эксперимент о введении балльно-рейтинговой системы начался в РГПУ им. А. И. Герцена. С первого семестра на факультете иностранных языков РГПУ рейтинговая система оценки успеваемости студентов реализуется на двух уровнях подготовки специалистов (бакалавр, специалист) [6].

Для более детального анализа системы контроля в России и США нами были выбраны два учебных учреждения: Волгоградский государственный социально-педагогический университет (ВГСПУ, Волгоград, Россия) и Juniata College (Пенсильвания, США). В ходе сравнительного анализа было выяснено, что и в Juniata College,

и в ВГСПУ существует рейтинговая система оценивания знаний студентов. В ВГСПУ рейтинговые срезы проходят два раза в семестр, в Juniata College раз в 2—3 недели преподаватель основательно проверяет знания по целому разделу какой-либо дисциплины: устраивается настоящий письменный экзамен, который длится 2—3 ч. В конце семестра проводятся отдельные экзамены по лекционному и лабораторному курсам. Если студент в Juniata College набирает 90 % и более, такой результат оценивается буквой «А», что соответствует оценке «5»; если результат составляет 80—90 % — это «В» («4»); если 70—80 % — «С» («3»); если 60—70 % — «D» (результат еще засчитывается). Все, что меньше 60 % — «F» (предмет не сдан). В отличие от студента, обучающегося в Juniata College, если в ВГСПУ студент набирает до 61 балла, он получает неудовлетворительную оценку, но изучить заново курс он не может; 61—75 баллов — «удовлетворительно», 76—90 — «хорошо», более 91 балла — «отлично». Студент имеет право выбрать интересующие его предметы, но только в рамках предложенного курса, и не может сам регулировать форму контроля [7, с. 225].

В высших учебных заведениях и США, и России у студентов есть возможность заранее узнать свой итоговый балл. Ознакомиться с требованиями к курсу обучающиеся могут благодаря описанию курса (или syllabus), своевременно подготовленному преподавателями. Изучая программы курса коммуникативной грамматики, который проводится в ВГСПУ, и курса Intercultural Communication в Juniata College, мы выявили схожие черты: содержание курсов включает подробное описание необходимых заданий, которые студенты должны выполнить в течение семестра; максимальное количество баллов за каждое задание, сроки и критерии их выполнения и список дополнительных заданий, за которые студенты могут также набрать баллы. В США невозможен перевод с курса на курс, администрация факультета фиксирует количество кредитных часов, которые получил студент. Он может проучиться только 2 года, но по количеству кредитных часов уже считается выпускником (более 88): все зависит от собственных способностей и усердия.

Кроме количества кредитных часов есть еще один показатель оценки успеваемости студента — средний балл успеваемости (Grade Point Average, GPA). Аналогом российского диплома с отличием является суммарный GPA, равный 4.0. Если суммарный GPA — от 3.5 до 4.0, то это хорошие шансы найти в будущем высокооплачиваемую работу и сделать карьеру. Если суммарный показатель у студента меньше 3.0, университет лишает его стипендии, хотя еще остается надежда получить заем (loan) в банке. Существует также суммарный средний балл (cumulative GPA) за весь предшествующий период обучения [3]. Наглядно это можно рассмотреть на примере результатов учебы студента ВГСПУ, обучающегося в 2011/2012 учебном году по программе обмена в Juniata College, суммарный балл которого равен 2.76:

Fall Term

100 Information Access Exc	1.00 D+
110 Spanish I	4.00 C+
132 Message analysis	3.00 B
133 Mass Media and Society	3.00 B
230 Interpersonal Comm.	3.00 B+

В России также сейчас появляется тенденция подсчета среднего балла по всем изучаемым предметам, который фиксируется в дипломе о высшем образовании и принимается во внимание при устройстве на работу.

Учебный год в университетах США начинается обычно в конце августа, а заканчивается в третьей декаде мая. Он делится на два семестра (fall and spring), но у студентов еще есть возможность заниматься дополнительно 2 семестра летом. Продолжительность летнего семестра — от 4 до 6 недель. Количество часов по каждому предмету остается тем же, что и в учебном году, но расписание занятий очень плотное: по 3—4 лекционных часа в день плюс лабораторная и самостоятельная работа. Естественно, при такой большой нагрузке студенты не в состоянии изучить больше 1—2 предметов. Тем не менее в течение всего лета, если приложить максимум усилий, можно набрать около 12 кредитных часов, что соответствует полноценному учебному семестру. Система летних семестров позволяет быстрее окончить университет, сочетать работу и учебу, а также ликвидировать академические задолженности,

изучив курс повторно. Университеты практикуют и организацию подобных летних сессий для старшеклассников, что дает последним возможность заранее сдать некоторые общеобразовательные дисциплины, получить преимущество по кредитным часам.

Одной из основных форм проверки знаний студентов при балльно-рейтинговой системе является тест. Система тестирования возникла в 20-х гг. XX в., а в настоящее время разработка тестов требует еще более тщательной подготовки. Перед поступлением в вуз школьник в США выполняет тест «ACT» («American College Test») в городском центре и через две недели получает официальный результат (с указанием успехов по основным аспектам учебы и общего балла, выражающего знания, способность и желание учиться). Чем выше балл, тем на более высокий ранг университета можно претендовать. Самый высокий ранг имеют Пенсильванский университет, Массачусетский технологический институт и др., где проходной балл по «ACT» находится между 27 и 31. К результатам тестирования прилагается список рекомендуемых направлений профессиональной деятельности с перечнем учебных предметов и ссылкой на официальный справочник всех профессий [8].

С 2008 г. в России был внедрен обязательный Единый государственный экзамен (ЕГЭ) для выпускников общеобразовательных учреждений, образовательных учреждений начального профессионального образования (ПТУ, профессиональный лицей и др.), среднего профессионального образования (техникум, колледж и др.) и абитуриентов, поступающих в государственные образовательные учреждения высшего и среднего профессионального образования. Для ЕГЭ была принята сто-балльная система оценки. В нем есть задания как тестового формата, так и требующие развернутого творческого ответа. Мы полагаем, что экзамен в форме ЕГЭ, например по английскому языку, не показывает реальных знаний будущего студента, а лишь демонстрирует подготовленность к формату.

После получения результатов экзамена абитуриенты подают их в университет или колледж. Обучаясь в университете США, каждый студент выбирает себе сам темп прохождения учебного материала и тем самым продолжительность обучения. Нормальный темп («full-time») — не менее

12 кредитных часов, то есть четыре предмета одновременно по три занятия (по 50 минут в неделю) на каждый предмет. Замедленный темп («part-time») — когда учатся большее число лет, чем полагается. Можно учиться ускоренным темпом, сократив обучение на год или два за счет перебора параллельных предметов и летних занятий. Перед началом каждого семестра есть три дня, когда можно в соответствии с первой буквой фамилии записаться на все нужные в этом семестре предметы. Так формируются учебные группы, составляется расписание и обеспечивается нагрузка преподавателей. Основным предметом года, на который обязательно надо записаться, называется «core subject». Все остальные предметы по выбору — по рекомендации, по собственной склонности. В России только сейчас появляется истинная вариативность учебного плана и возможность выбора предметов, курсов и преподавателей. Вариативность предполагает определенную степень свободы и самостоятельности, к которой российские студенты не вполне готовы. Поэтому этот процесс должен быть плавным и осмысленным.

Несмотря на многие положительные моменты реформирования высшего образования в США,

существуют и значимые недостатки. Остается относительно низким качество подготовки во многих вузах страны. Важной проблемой выступает доступность высшего образования. Все еще актуальной остается недостаток преподавателей по ряду научно-технических дисциплин, что приводит к активному привлечению в университеты высококвалифицированных кадров из-за рубежа.

Таким образом, необходимо тщательно изучать и анализировать достоинства и недостатки любой образовательной зарубежной системы и не следует переносить все в российскую высшую школу автоматически. В России возникают проблемы с плавным переходом на многоуровневую систему высшего образования, не являются совершенными рейтинговая и кредитная системы оценивания знаний студентов. Применение ЕГЭ вызывает много вопросов как у специалистов, так и у будущих студентов. В итоге речь может идти только о творческом использовании педагогических идей передового зарубежного опыта. И, что не менее важно при определении возможностей заимствования и использования позитивных элементов зарубежного опыта, необходимо разрабатывать пути его адаптации к новым социокультурным условиям.

Список библиографических ссылок

1. Pulliam J. History of Education in America. NJ: Merrill, 2005.
2. Интернет-журнал о рейтингах на любой вкус, цвет и запах [Электронный ресурс]. URL: <http://vtopik.ru> (дата обращения: 28.10.2012).
3. Gutek G. L. American Education 1945—2000. Chicago, Loyola University, 2000.
4. Сеницына Г. А. Становление российской магистратуры в свете зарубежного опыта [Электронный ресурс]. URL: <http://prof.msu.ru/publ/omsk> (дата обращения: 23.04.2011).
5. Monroe P. A text-book in the history of education. NY: Macmillan, 1905.
6. Мартыненко Л. Г. Вариативность кредит-системы в российских и зарубежных вузах [Электронный ресурс] // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2007. № 53. URL: <http://cyberleninka.ru> (дата обращения: 10.11.2012).
7. Бокова Т. Н., Кривошапова А. С. Рейтинговая система оценивания знаний студентов в высших учебных заведениях США и России // Психология и педагогика: методика и проблемы практического применения: сб. материалов XXV Междунар. науч.-практ. конф. Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2012. С. 223—227.
8. Gaither M. American Educational History Revisited: A Critique of Progress. NJ: Teachers College Press May, 2000.

© Бокова Т. Н., 2013

***

И. С. Панферкина

**ПОЛИСУБЪЕКТНОЕ УПРАВЛЕНИЕ ПОДГОТОВКОЙ СПЕЦИАЛИСТОВ
В ВЕДОМСТВЕННЫХ ВУЗАХ: СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЕ И ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ**

В статье определены содержательные и правовые аспекты управления подготовкой специалистов в ведомственных вузах и возможности повышения его эффективности посредством перехода к полисубъектному управлению.

Ключевые слова: управление ведомственным вузом, принципы и организация полисубъектного управления.

I. S. Panferkina

**POLYSUBJECT MANAGEMENT OF SPECIALISTS' TRAINING I
N DEPARTMENTAL INSTITUTIONS OF HIGHER EDUCATION:
INFORMATIVE AND LEGAL ASPECTS**

The author determines informative and legal aspects of the management of specialists' training in departmental institutions of higher education as well as possibilities of improving its efficiency by means of transition to the polysubject management.

Keywords: management of departmental institution of higher education, principles and organization of polysubject management.

Научное осмысление и анализ социальных процессов, происходящих в нашей стране, а также их отражение в современных научных исследованиях показывают, что в настоящее время на первый план выдвигаются проблемы субъектного становления и развития человека в единстве с проблемами межсубъектного взаимодействия и организации совместной деятельности людей в самых разных сферах, в том числе сфере ведомственного образования.

Обобщение научных исследований в области управления современными образовательными системами позволяет с уверенностью утверждать, что для подготовки специалистов силовых ведомств, способных к эффективному исполнению своих профессиональных обязанностей в условиях демократизации общественных отношений, которые характерны для современного этапа общественного развития в нашей стране, необходимо изменить характер взаимодействия между субъектами образовательного процесса ведомственного вуза посредством демократизации, пре-

жде всего, внутривузовского управления. «Сегодня на смену философии „воздействия“, — замечают В. А. Сластенин, И. Ф. Исаев и др., — идет философия „взаимодействия“, „сотрудничества“, „рефлексивного управления“» [1]. Создание современных эффективных механизмов управления ведомственными вузами — актуальная многоаспектная проблема, рациональное решение которой возможно посредством проведения комплексных исследований, осуществляемых педагогами и психологами, правоведами и экономистами. Определенный вклад, актуальность которого усиливается в период обсуждения и принятия Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации», в решение этой проблемы способно внести исследование содержательных и правовых аспектов полисубъектного управления, организуемого с учетом специфики ведомственного образования.

Однако прежде чем рассматривать обозначенные аспекты проблемы, необходимо определить категорию полисубъектного управления. По мнению

исследователя управления развитием образовательной системы вуза МВД России В. И. Коваленко, которое мы разделяем, полисубъектное управление «представляет собой процесс полилогического взаимодействия индивидуальных и групповых субъектов управления, направленный на совместную разработку и реализацию стратегической программы ее развития... на основе мобилизации творческого потенциала педагогического коллектива и гармонизации индивидуальных, групповых и общевузовских целей и интересов» [2, с. 8]. Полисубъектное управление подготовкой специалистов в ведомственном вузе наиболее полно соответствует закономерностям развития современных систем управления педагогическими системами. Применительно к управлению в ведомственных вузах с учетом особенностей профессиональной подготовки будущих специалистов мы считаем необходимым опираться на следующие принципы, вытекающие из закономерностей управления и нашедшие отражение в современных исследованиях (И. Ф. Исаев, В. И. Коваленко, В. А. Слостенин, П. И. Третьяков, Т. И. Шамова, Е. Н. Шиянов и др.).

Принцип обеспечения системности и целостности в управлении. Подготовка специалистов для силовых ведомств России — многопрофильная деятельность образовательного учреждения, в которой в зависимости от установленных критериев можно выделить различные направления, однако в целом это сложное системное образование, многоуровневая и многокомпонентная система взаимодействующих элементов. Применительно к ведомственному образованию в качестве направлений подготовки специалистов важно рассматривать не только общие (обучение, воспитание, личностное развитие курсантов), но и специфические, определяемые особенностями подготовки и предстоящей профессиональной деятельности (служебная, морально-психологическая, физическая, огневая, тактико-специальная подготовка, подготовка к деятельности в экстремальных ситуациях и др.). Каждый из элементов системы управления обладает определенными свойствами и характеристиками, отличающими его от других элементов, однако все элементы взаимодействуют, и в таком взаи-

модействии формируется новое — интегративное свойство системы, отличающееся от свойств отдельных ее элементов. При этом устойчивость сформированного интегративного свойства в конечном итоге определяется целостностью системы, которая во многом обеспечивается рациональностью управленческой деятельности субъектов.

Принцип единства единоначалия и коллегиальности в управлении. В основу организации и управления исполнением должностных обязанностей сотрудниками силовых ведомств по объективным причинам должен быть положен принцип единоначалия, однако обеспечить эффективность управления профессиональной подготовкой специалистов в ведомственном вузе в условиях современной демократизации общественной жизни, частью которой является образование, только посредством единоначалия невозможно: необходимо его рациональное дополнение коллегиальностью в управлении.

Реализация данного принципа в управлении позволяет преодолеть субъективность и авторитаризм в управлении целостным педагогическим процессом ведомственного вуза. При этом единоначалие способно обеспечить дисциплину и порядок, четкое разграничение и соблюдение полномочий всех субъектов управленческой деятельности, оперативность принятия и исполнения управленческих решений, а коллегиальность позволяет вырабатывать и принимать управленческие решения с опорой на опыт и знания сотрудников ведомственного вуза и привлекаемых к обсуждению практических работников, организовывать обсуждение решений посредством сопоставления различных точек зрения и поиска оптимальных вариантов. Практическая реализация данного принципа в ведомственном вузе осуществляется посредством организации деятельности различного рода советов и комиссий (Ученый совет вуза, советы факультетов, учебно-методический совет, совет по НИР и др.), которые действуют на общественных началах и формируются либо посредством проведения выборов, либо включением в их состав руководителей, преподавателей, командиров в соответствии с занимаемыми должностями. Кроме того, стратегические управленческие решения могут приниматься кол-

легально по результатам работы конференций, семинаров, круглых столов, в работе которых принимают участие специалисты-практики и где осуществляется коллективный поиск оптимальных вариантов. Важно предусмотреть персональную ответственность за принятые решения.

Принцип полисубъектной направленности управления и творческой самореализации субъектов в процессе принятия управленческих решений. Этот принцип является развитием выше представленных, ведь его реализация требует обеспечения системности и целостности в управлении практико-ориентированной подготовкой, единства единоначалия и коллегиальности в управлении.

Полисубъектная направленность управления — это: 1) умение руководителя видеть в каждом подчиненном личность со свойственными ей потребностями и интересами, которые необходимо уважать, содействовать их развитию; 2) способность руководителя рационально делегировать свои полномочия подчиненным, привлекая их к принятию и реализации управленческих решений по осуществлению подготовки специалистов; 3) готовность руководителя к принятию компромиссных управленческих решений, основанных на проявлении подчиненными инициативы и самостоятельности, нетрадиционных подходах, вариативности взглядов, мнений, точек зрения, если это способствует достижению целей эффективного управления. Полисубъектная направленность управления способствует и одновременно требует творческой самореализации субъектов в процессе принятия управленческих решений. Творческая самореализация проявляется в их активном стремлении найти оптимальное научно обоснованное управленческое решение, обеспечивающее не только повышение эффективности подготовки специалистов, но и достижение собственных целей, реализацию своих творческих планов и замыслов посредством активного участия в принятии управленческих решений.

Переход от моносубъектного к полисубъектному управлению требует внесения определенных изменений в нормативное регулирование управления ведомственным образованием. Важно, что на законодательном уровне прослеживается

тенденция нормативного закрепления такого перехода. Так, п. 2 ст. 26 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 № 273-ФЗ [3], закрепляется принцип единоначалия и коллегиальности в управлении вместо принципа единоначалия и самоуправления, который был установлен действовавшим ранее Законом Российской Федерации «Об образовании» от 10 июля 1992 г. № 3266-1 (ст. 35) [4]. Ведь именно коллегиальность, т. е. форма принятия решений, при которой учитывается коллективное мнение и при этом каждый из участников обсуждения и принятия управленческого решения несет персональную ответственность за результаты его реализации, в сочетании с единоначалием в ведомственном вузе позволяет использовать преимущества полисубъектного управления.

Кроме того, Федеральным законом «Об образовании в Российской Федерации» (ст. 81) предусмотрены «особенности реализации профессиональных образовательных программ и деятельности образовательных организаций федеральных государственных органов, осуществляющих подготовку кадров в интересах обороны и безопасности государства, обеспечения законности и правопорядка». Пункт 5 ст. 81 указанного федерального закона устанавливает следующее: «Управление федеральной государственной образовательной организацией, находящейся в ведении федеральных государственных органов... осуществляется в соответствии с законодательством Российской Федерации, общевоинскими уставами Вооруженных сил Российской Федерации, иными нормативными правовыми актами Российской Федерации, нормативными правовыми актами федерального органа исполнительной власти, в ведении которого находится соответствующая образовательная организация» [3]. Тем самым ведомствам предоставляется возможность разработки нормативных актов, регламентирующих организацию эффективного управления образовательными учреждениями с учетом специфики подготовки специалистов для конкретного ведомства и особенностей осуществления образовательной деятельности в ведомственных вузах. Важно, чтобы такие нормативные документы разрабатывались с учетом системного единства и взаимодействия централи-

зованного регулирования (надзора) со стороны министерств (образования, профильного силового министерства) и децентрализованного управления, которое на принципах полисубъектности разрабатывается и осуществляется ведомственным вузом. В этой связи на уровне ведомства было бы полезно разработать Типовое положение об организации управления ведомственным образовательным учреждением, в котором нужно закрепить организационную структуру управления вузом, коллегиальные органы управления из числа предлагаемых в п. 4 ст. 26 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации», обозначить права вузов на создание других органов, предусмотренных уставом образовательной организации [3]. В Типовом положении могли бы найти отражение и правовые основы самоуправления в ведомственных вузах, ведь получившие широкое распространение и доказавшие свою эффективность в вузах органы студенческого самоуправления не действуют в ведомственных вузах.

В настоящее время общие правила организации управления вузами устанавливаются в разд. V Типового положения об образовательном учреждении высшего профессионального образования (высшем учебном заведении), утвержденного Постановлением Правительства РФ от 14 февраля 2008 г. № 7 [5]. Однако здесь содержатся лишь самые общие правила, которые не учитывают специфики подготовки специалистов в ведомст-

венных образовательных учреждениях. Мы считаем, что разработка Типового положения об организации управления ведомственным образовательным учреждением, на базе которого каждый ведомственный вуз будет разрабатывать в соответствии с уставом структуру управления, положения об органах коллегиального управления образовательным процессом и органах самоуправления курсантов (слушателей), позволит обеспечить: 1) расширение автономии и самостоятельности ведомственных вузов при одновременном повышении ответственности их руководителей за результаты образовательной деятельности; 2) повышение роли коллегиальных органов управления (конференций сотрудников, ученых и педагогических советов, наблюдательных советов и др.), органов самоуправления (советов факультетов, курсов, формируемых из представителей курсантов, слушателей и т. п.) в обеспечении эффективного управления подготовкой специалистов; 3) привлечение к управлению ведомственным вузом практических работников ведомства и усиление практико-ориентированного характера обучения, воспитания, личностного развития курсантов (слушателей); 4) обеспечение открытости в управлении ведомственным вузом в тех пределах, в которых это не противоречит особенностям организации ведомственного образования, повышение роли родителей в результативности учебной и познавательной деятельности курсантов (слушателей), в их воспитании.

Список библиографических ссылок

1. Педагогика [Электронный ресурс]: учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений / В. А. Сластенин, И. Ф. Исаев, Е. Н. Шиянов; под ред. В. А. Сластенина. М.: Академия, 2002. URL: http://krotov.info/lib_sec (дата обращения: 20.11.2012).
2. Коваленко В. И. Полисубъектное управление развитием образовательной системы вуза (на материале вузов МВД России): автореф. дис. ... д-ра пед. наук. Белгород, 2005.
3. Об образовании в Российской Федерации: федер. закон от 29.12.2012 г. № 273-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2012. № 53 (ч. 1). Ст. 7598.
4. Об образовании [Электронный ресурс]: закон Российской Федерации от 10 июля 1992 г. № 3266-1 (с изм. и доп.) Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
5. Об утверждении Типового положения об образовательном учреждении высшего профессионального образования (высшем учебном заведении) [Электронный ресурс]: постановление Правительства РФ от 14 февраля 2008 г. № 7. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

© Панферкина И. С., 2013

С. В. Ракитина

СМЫСЛООБРАЗУЮЩИЙ ПОТЕНЦИАЛ КОНЦЕПТА СПЕЦИАЛЬНЫХ ТЕКСТОВ ПРИ ОБУЧЕНИИ СТУДЕНТОВ-ИНОСТРАНЦЕВ

В статье текст рассматривается как основное средство обучения студентов-иностранцев языку специальности. Учитывая достижения когнитивной лингвистики, в качестве единицы извлечения из текста информации принимается концепт. Применительно к текстам по специальности обосновывается необходимость введения понятия «концепт текста», соотносящегося с новым знанием в рамках определенной специальности, предлагаются пути оптимизации работы студентов по формированию такого концепта.

Ключевые слова: антропоцентрический подход, язык специальности, профессионально ориентированные методические материалы, специальные тексты, концепт текста, концептосфера.

S. V. Rakitina

SENSE MAKING POTENTIAL OF THE CONCEPT OF SPECIAL TEXTS WHEN TEACHING FOREIGN STUDENTS

In the article a text is considered as the main means of teaching a language of speciality to foreign students. Taking account of cognitive linguistics achievements, a concept is accepted as a unit of information taking out of the text. In regard to speciality-related texts, the author gives grounds for the necessity of using the notion of “text concept” correlating with new knowledge within the framework of a particular speciality. Besides, the author offers ways to optimize the students’ work on the formation of this concept.

Keywords: anthropocentric approach, language of speciality, professionally oriented methodical materials, special texts, text concept, sphere of concepts.

Гуманизация науки и образования в исследованиях последних лет на передний план выдвигает человеческий фактор. В лингвистике он связан с антропоцентрическим подходом, предполагающим рассмотрение языка в тесной связи с человеком, его сознанием, мышлением, различными видами речевой деятельности. По справедливому замечанию А. В. Кравченко, «язык, будучи человеческим установлением, не может быть понят и объяснен вне связи с его создателем и пользователем» [1, с. 6]. Антропоцентрическая парадигма исследования языка определяет и новые направления в обучении русскому языку как иностранному, основанные на достижениях в области когнитивной и дискурсивной лингвистики, лингвокультурологии, функциональной семантики и т. д.

В условиях обучения студентов-иностранцев в языковой среде русский язык становится средством общения не только в различных учебных

и обыденных ситуациях, но и в профессиональной сфере. Вместе с тем практика показывает, что в процессе освоения специальных дисциплин обучаемые испытывают значительные затруднения в овладении терминологией, слушании лекций, понимании содержания пособий. Поэтому профессиональная подготовка будущих юристов должна быть связана с овладением научным стилем речи в рамках изучаемой специальности. Представляя одну из функциональных разновидностей современного русского литературного языка, научный стиль, как известно, создается отчасти особыми стилистически маркированными средствами, целенаправленно организованными, специфически функционирующими, обслуживает конкретную область знания как форму общественного сознания и соответствующую ей сферу человеческой деятельности.

Основным средством обучения языку специальности при этом становится текст, отличающийся смысловой структурой, целостностью, определенным строением, средствами связности, логичностью, информативной точностью, завершенностью. Имеющие такие характеристики тексты, оптимизируя процесс обучения студентов-иностранцев всем видам речевой деятельности, должны составлять основу профессионально ориентированных методических материалов (разработок, пособий). При отборе специальных текстов необходимо учитывать:

- профессиональную направленность содержания материала;
- языковые и речевые возможности обучаемых;
- уровень их базовых знаний по изучаемой дисциплине;
- стилистические особенности подязыка юриспруденции;
- жанровое своеобразие используемых в рамках данной специальности текстов.

Трудности понимания текстов по специальности определяются обычно тем, что их структура и содержание не соответствуют знаниям обучаемых в рамках используемого в них лексико-грамматического материала, что требует незначительной адаптации, не исключающей при этом основной терминологии и соответствующих предикативных конструкций.

Основываясь на исследованиях когнитивной лингвистики, в качестве единицы извлечения из текста основных смыслов мы принимаем концепт, рассматриваемый в этой области знания как мыслительное образование, которое замещает в процессе мышления неопределенное множество предметов одного и того же рода [2, с. 269]; идеальные, абстрактные единицы, смыслы, отражающие содержание полученных знаний, опыта, результатов всей деятельности человека и результатов познания им окружающего мира в виде определенных единиц, «квантов» знания [3, с. 23—42]; некоторая базовая когнитивная сущность, позволяющая связывать смысл с употребляемым словом, содержательная единица процесса концептуализации, посредством которой действительность преломляется в сознании человека [4, с. 99].

Применительно к текстам по специальности целесообразно, на наш взгляд, введение понятия «концепт текста», который рассматривается В. В. Красных как «глубинный смысл, свернутая смысловая структура текста, являющаяся воплощением мотива, интенции автора», своеобразная «точка взрыва», вызывающая текст к жизни, отправной момент при порождении текста, конечная цель при его восприятии [5, с. 213—215]. Принимая в целом точку зрения ученого, считаем необходимым дать некоторые уточнения: концепт текста — это его глубинный смысл, свернутая смысловая структура (для автора и адресата), отправной момент при порождении текста (для автора), конечная цель при его восприятии (для адресата).

Концепт текста в таком понимании может быть вербализован, как и любой другой концепт, целым комплексом равноуровневых языковых средств. Его можно соотносить с ключевым словом (словосочетанием), имеющим характерный семный состав значений. Как и ключевое слово, концепт текста обуславливает экстенциональность, частотность употребления в определенной (научной, учебной) сфере общения или, наоборот, выступает как новый, значимый для излагаемой в тексте информации именованный смысл, зафиксированный в рамках конкретного институционального дискурса, участники которого обладают общими фоновыми знаниями, необходимыми для понимания этого нового именованного смысла. Концепты текста, подобно ключевым словам, соотносятся с референтом, объектом внеязыковой действительности, и могут выноситься в заглавие текста. Например, концепты «Следователь», «Прокурор», «Адвокат», «Нотариус», определяющие статус специалиста, представляют названия текстов пособия «Введение в юридическую специальность» [6], предназначенного для обучающихся по специальности «Юриспруденция».

Отобранные для формирования перечисленных и других концептов тексты отличаются в той мере, в какой разнится содержательное ядро учебного материала по определенной специальности. И чем теснее такие тексты связаны с основным концептом изучаемой дисциплины, тем более востребованы они будут у иностранных студентов.

В структуре научного концепта, составляющего смысловое ядро текста, наряду с выделенными ранее (понятийным, ассоциативным, оценивающим компонентами) нами рассматривается специальный слой [7, с. 207], содержащий главным образом признаки, отражающие специфическое видение мира представителями данной отрасли знания.

В целях оптимизации работы студентов по формированию такого концепта составители учебных текстов по специальности должны предусмотреть, чтобы в них (а) структура была прозрачной; (б) заголовок выражал идею текста; (в) главная мысль располагалась преимущественно в начале или в конце абзаца; (г) термины были представлены в системе и отражали последова-

тельность осознания содержания текста; (д) абзацы соотносились с определенными фреймами, номинации которых способны формировать план.

Наполняемость учебных материалов такими текстами обеспечит поэтапность представления знаний за счет того, что при структурировании и содержательном оформлении каждого текста учитывается нацеленность его на формирование определенного концепта.

Если совокупность концептов составляет концептосферу, то все отобранные в соответствии с изложенными выше требованиями тексты формируют определенную зону концептосферы, связанную с будущей специальностью.

Список библиографических ссылок

1. Кравченко А. В. Язык и восприятие: Когнитивные аспекты языковой категоризации. Иркутск: ИГУ, 1996.
2. Аскольдов (Алексеев) С. А. Концепт и слово // Рус. словесность. От теории словесности к структуре текста: антология. М.: Академия, 1997.
3. Болдырев Н. Н. Когнитивная семантика. Тамбов: Тамбов. гос. ун-т, 2000.
4. Залевская А. А. Введение в психолингвистику. М.: Рос. гос. гуманит. ун-т, 2000.
5. Красных В. В. Основы психолингвистики и теории коммуникации: курс лекций. М.: Гнозис, 2001.
6. Майоров В. И. Введение в юридическую специальность: учеб. пособие. Челябинск, 2005.
7. Ракитина С. В. Научный текст: когнитивно-дискурсивные аспекты: моногр. Волгоград: Перемена, 2006.

© Ракитина С. В., 2013

***

Д. В. Егоренков

СУЩНОСТНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ГОТОВНОСТИ ЛИЧНОСТИ К ПРЕОДОЛЕНИЮ ЭКСТРЕМАЛЬНЫХ СИТУАЦИЙ

Совершенствование практической направленности подготовки сотрудников ОВД должно подразумевать приобретение навыков профессиональной деятельности, которые обеспечат высокую эффективность их действий в условиях преодоления экстремальных ситуаций. Для этого необходимо рассматривать сущностные характеристики и особенности формирования психологической готовности личности уже на этапе обучения в вузе с помощью актуализации методов специальной подготовки.

Ключевые слова: экстремальная ситуация, приобретение навыков профессиональной деятельности, психологическая готовность, пожарно-прикладной спорт, психологическая подготовка.

D. V. Egorenkov

ESSENTIAL CHARACTERISTICS OF PSYCHOLOGICAL READINESS OF AN INDIVIDUAL FOR OVERCOMING EMERGENCY SITUATIONS

The article focuses on the issues of psychological readiness of an individual for overcoming complicated and emergency situations.

Keywords: emergency situation, acquiring skills of professional activity, psychological readiness, fire-fighting applied sport, psychological training.

Значительное повышение темпа жизни, социальные и политические трансформации, увеличение экологических, эмоциональных и информационных нагрузок придают проблематике психологического стресса и особенно проблеме индивидуальной устойчивости к стрессу особое звучание. В современном мире происходит большое количество бедствий и катастроф, увеличилось число терактов. Неумение адекватно действовать в экстремальных ситуациях, отсутствие навыков правильного поведения в повседневной жизни стало недопустимым.

Среди современных специалистов, обратившихся к теоретическому осмыслению экстремальных ситуаций, состояний, методов, законов и соответствующих им принципов, следует назвать Л. И. Анцыферову, В. А. Ассеева, Ф. Е. Василюка, В. И. Лебедева, В. Л. Марищука, М. Ш. Магомед-Эминова, А. Г. Погорелову, Л. Р. Правдину, О. С. Разумовского, А. М. Столяренко, А. Н. Томалинцева. По мнению исследователей, понятие «экстремальная ситуация» сегодня обретает статус одной из унифицированных, генерализирующих категорий в сфере научного анализа.

В рамках современных подходов (П. Лагадек, С. Лихтенштейн и др.) в качестве определяющего или универсального сущностного признака экстремальной ситуации рассматривается фактор опасности — прежде всего непосредственной угрозы для здоровья и жизни людей либо угрозы срыва их деятельности, связанной с решением жизненно важных задач [1].

Тем не менее природа экстремальных, кризисных и чрезвычайных ситуаций еще не раскрыта в полной мере. Представляется, что недостаточно рассматривать их только с точки зрения объективных особенностей, не принимая во внимание психологические составляющие, такие как, например, восприятие, понимание, реагирование и поведение людей в данных ситуациях. Человек так или иначе психологически вовлечен в экстремальную ситуацию как ее инициатор, как жертва, как очевидец. Психология экстремальных ситуаций составляет к настоящему времени один из важнейших разделов прикладной психологии, который включает в себя диагностику психических состояний человека, переживающего или пережившего чрез-

вычайные обстоятельства, а также направления, методы, техники, приемы психологической помощи (психологическую коррекцию, консультирование и психотерапию).

Большое внимание уделяется в психологической литературе выявлению, психологическому анализу и классификации психических феноменов, возникающих у жертв экстремальных происшествий. В частности, психологические феномены, возникающие в условиях воздействия чрезвычайных факторов, описываются в литературе под названием посттравматического стрессового синдрома, или посттравматического стрессового расстройства [2]. Исследуются разнообразные негативные психические состояния, возникающие вследствие воздействия экстремальных факторов: стресс, фрустрация, кризис, депривация, конфликт. Эти состояния характеризуются доминированием острых или хронических негативных эмоциональных переживаний: тревоги, страха, депрессии, агрессии, раздражительности, дисфории. Возникающие в этих состояниях аффекты могут достигать такой степени интенсивности, что они оказывают дезорганизующее воздействие на интеллектуально-мнемическую деятельность человека, затрудняя процесс адаптации к происходящим событиям. Интенсивные эмоциональные переживания, такие как страх, паника, ужас, отчаяние, могут затруднять адекватное восприятие действительности, правильную оценку ситуации, мешая принятию решений и нахождению адекватного выхода из сложной ситуации.

Следует отметить, что в практике особых «профессий риска», к которым относится и профессиональная деятельность сотрудников ОВД, понятие экстремальная ситуация трактуется как «угрожающая ситуация», «опасная девиантность» или «опасный выход за пределы нормы», «критическая ситуация», «нештатная, чрезвычайная ситуация» и т. п. [1]. Главная функция данных специалистов не только противостоять этой ситуации, но и суметь взять ее под контроль. Таким образом, весьма актуальными являются развитие прикладных умений и навыков, изучение психических процессов, являющихся основой в формировании готовности личности сотрудника ОВД к преодолению экстремальных ситуаций.

Смысл преодоления экстремальности связан с творческой стратегией преодоления, когда в результате преодоления каких-либо ограничений появляются новые знания и отношения, новые желания и мотивы, новые способности и умения, т. е. происходят трансформация, преобразование адекватных психике субъекта противоречий в личностный рост и самоактуализацию.

Спортивные психологи считают лучшей моделью экстремальных условий спортивные соревнования, которые характеризуются, во-первых, наличием высоких (до максимальных) психофизических нагрузок, во-вторых, высоким накалом спортивного соперничества, атмосферой борьбы, требующей напряжения всех физических и духовных сил соревнующихся. Кроме того, локализация во времени и пространстве экстремальности, сложность прогнозирования в условиях экстремальности результатов деятельности спортсмена, информационный дисбаланс, когда нарушены устоявшиеся, привычные, адаптированные каналы информационного обмена, а также быстрота принятия решения и конкретных действий, изменение ритма спортивной деятельности, так как обычно это резкое ускорение, — все это создает оптимальную среду для формирования психологической готовности личности к преодолению сложных ситуаций [3]. Готовность личности к экстремальной деятельности является важнейшим фактором ее эффективности, так как для успешного преодоления какой-либо экстремальной ситуации необходимо использовать весь накопленный опыт и все необходимые умения адекватного поведения.

Для формирования у личности психологической готовности и опыта преодоления экстремальных ситуаций можно использовать пожарно-прикладной спорт, так как в его природе заложен экстремальный характер действий в неожиданных и сложных критических ситуациях. Занятия пожарно-прикладным спортом способствуют формированию опыта преодоления экстремальных ситуаций благодаря возможности моделировать различные ЧС как природного, так и техногенного характера. Для практического приобретения опыта преодоления экстремальных ситуаций необходимо проводить занятия, на которых действия людей сопряжены с реальной опасностью. Например, движение

в непосредственной близости от открытого пламени, преодоление психологической полосы, подъем по штурмовой лестнице в окно третьего этажа учебной башни, спасение манекена человека из-под завалов, преодоление стометровой полосы с препятствиями и др. Поэтому целесообразно увеличить объем практической части основной образовательной программы, предусматривающей ориентацию на усиление учебно-тренировочной и спортивной составляющей образовательного процесса, на основе использования ресурсов пожарно-прикладного спорта.

Одновременно с приобретением опыта преодоления экстремальных ситуаций на занятиях пожарно-прикладным спортом формируются такие профессионально ценные волевые качества, как смелость, стойкость, решительность, способность четко оценивать ситуацию и принимать правильные решения.

Готовность сотрудников ОВД к преодолению экстремальных ситуаций можно обозначить как целостное, многоуровневое и многокомпонентное образование, определяющее современную социальную позицию личности в условиях экстремальной ситуации. Оно отражается в ценностной установке на совершение организованных действий по защите не только себя, но и окружающих, в умении предвидеть опасность, соблюдать определенные правила, чтобы не оказаться в ситуации опасности; в устойчивом стремлении и умении обучать других такому поведению посредством собственного примера; в способности преодолевать и контролировать свое эмоциональное состояние на основе знаний о способах действия и тренировок по их применению.

Многие исследователи считают, что всякое целое проявляет свои сущностные особенности в структуре функций. В связи с этим характеристики готовности личности к преодолению экстремальных ситуаций наилучшим образом проявляются через ее функции. При этом под функцией мы понимаем внешнее проявление свойств какого-либо объекта в данной системе отношений [8], обеспечивающее ее сохранение, поддержание и развитие.

Нами были выделены следующие основные функции готовности личности к преодолению экстремальных ситуаций: функция эмоционального

напряжения, ценностная функция и функция устойчивости.

Функция эмоционального напряжения заключается в формировании у личности навыков эмоциональной регуляции собственного стабильного поведения. Создание преподавателем учебных или игровых ситуаций, требующих согласованности действий, направленных на переживание общих эмоций, способствует более глубокому проникновению человека в свой внутренний мир, позволяет активизировать адекватную самооценку, формирует чувство общности, вовлеченности в мир через взаимодействие с окружающими людьми. Совместное переживание позитивных эмоций способствует успешности процесса готовности к преодолению различных сложных ситуаций.

Человек, осознавший меру своей ответственности за эмоциональные состояния, становится намного сильнее, его позиция приобретает более устойчивый характер. Обуздание чувств не угрожает эмоциональным оскудением, а дает силы для преодоления психологических трудностей любого рода и для защиты от отрицательного воздействия извне.

Эмоции — переживание значимости, ценности (либо «неценности») какого-то явления. Знание, что эмоция постоянно выступает как ценность, положительная или отрицательная (антиценность), позволяет глубже понять природу многих психологических явлений — склонностей, которые представляют собой человеческую потребность в определенных видах деятельности не только как в средствах достижения желанных целей, но и как в источниках желанных («ценных») переживаний, удовольствия от деятельности [4]. Познание того, что эмоция выступает как ценность в восприятии окружающего мира, дает основание для выделения следующей функции — ценностной.

Ценностная функция заключается в том, что в процессе социализации личность формирует ценностное представление о себе и об окружающем мире. Наличие ценностей есть выражение безразличия человека к своей жизни, миру, к ценностям других людей [5]. Именно внутренняя система ценностей является нравственным регулятором поведения человека. Данная функция позволяет расширить ценностное пространство

личности, предъявляя мир во всех его значимых сторонах жизни. Человека уже не затрудняет правильность выбора поведения, так как он опирается на сложившиеся внутри ценности.

Функция устойчивости заключается в формировании у человека адекватного и устойчивого отношения к действительности и к окружающим и проявляется в стремлении познать сложный мир человеческих отношений, самого себя. Сделав окончательный выбор, личность неуклонно придерживается выбранной позиции и руководствуется ею во всех своих убеждениях. Она остается на протяжении всей последующей жизни. Легких переходов между позициями не бывает [6].

Анализ указанных функций предполагает выявление содержания и структуры готовности личности к преодолению экстремальных ситуаций.

Структура готовности личности к противостоянию в экстремальной ситуации включает три составляющие:

- 1) физиологическую устойчивость, обусловленную состоянием физических и физиологических качеств организма (конституционные особенности, тип нервной системы, вегетативная пластичность);
- 2) психическую устойчивость, обусловленную подготовкой и общим уровнем качеств личности (специальные навыки действий в экстремальной ситуации, наличие положительной мотивации и др.);
- 3) психологическую готовность (состояние активной деятельности, мобилизованность всех сил и возможностей на предстоящие действия) [7].

Психологическая готовность к выполнению поставленных задач в экстремальных ситуациях может быть достигнута в процессе целенаправленной психологической подготовки, осуществляемой в ходе обучения сотрудника ОВД. Психологическая подготовка представляет собой комплекс мероприятий по формированию психологической устойчивости, эмоционально-волевых качеств, необходимых для выполнения поставленных задач, позволяющих укрепить психику, закалить волю, научиться бороться со страхом, переносить физические и психологические нагрузки, приобрести умение действовать самоотверженно, активно, инициативно, умело используя навыки противостояния экстремальным условиям современного мира.

Необходимо различать два вида психологической готовности:

— общую (длительную) психологическую готовность как совокупность качеств личности, а также ее подготовленности;

— ситуационную (временную) психологическую готовность.

Ситуационная готовность — это особое психологическое состояние, позволяющее активно и целесообразно выполнять поставленные задачи. Она имеет сложную динамическую структуру и является выражением совокупности интеллектуальных, эмоциональных, мотивационных и волевых сторон человека в их соотношении с внешними условиями и предстоящими задачами.

В отличие от состояния ситуационной готовности, отражающего особенности и требования предстоящей ситуации, длительная (общая) готовность — это устойчивая система качеств личности (положительное отношение к деятельности, организованность, внимательность, самообладание и т. д.), опыт, знания, навыки, умения, необходимые для успешной деятельности во многих ситуациях. Длительная готовность действует постоянно, ее не надо каждый раз формировать. Будучи заблаговременно сформированной, она — существенная предпосылка к успешному противостоянию ЧС и зависит от степени развития психических свойств личности, так как именно они оказывают влияние на устойчивое проявление психических процессов, сохраняют и повышают надежность действий в трудных условиях. Внешними признаками психологической готовности являются: отсутствие суетливости либо замкнутости, расчетливое, ровное поведение; четкое, безошибочное выполнение действий в ЧС; нормальное физиологическое состояние (частота пульса, дыхание, цвет лица и т. д.). Они демонстрируют готовность к осознанным, уверенным и расчетливым действиям в любых критических ситуациях [8].

Для того чтобы сформировать длительную психологическую готовность к успешному противостоянию ЧС, необходимо смоделировать учебный процесс в академии таким образом, чтобы подготовка сотрудников ОВД осуществлялась через специально созданную систему учебных ситуаций, активизирующих сопротивление нега-

тивными психологическим нагрузкам, способствующим развитию выносливости, самообладания, неуклонному росту стремления к выполнению поставленных задач, развитию взаимовыручки и взаимодействия.

Проектируемые этапы ситуации взаимодействия курсанта с образовательной средой должны выстраивать образовательный процесс совместно с процессом развития его личности, т. е. с поступательным накоплением его профессионального опыта в логике постепенного наращивания поло-

жительного отношения к деятельности, организованности, внимательности, к развитию самообладания через освоение методов саморегуляции, аутогенной тренировки по управлению воображением, вниманием, дыхательным и мышечным тонусом с учетом степени развития психических свойств личности.

Решить данные задачи в полной мере поможет разработка специального учебного курса, посвященного проблематике эффективной деятельности сотрудника ОВД в экстремальных ситуациях.

Список библиографических ссылок

1. Новейший философский словарь. 2009 [Электронный ресурс]. URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_new_philosophy (дата обращения: 20.01.2013).
2. Щербатых Ю. В. Психология стресса и методы коррекции. СПб.: Питер, 2006.
3. Стресс и тревога в спорте: междунар. сб. науч. ст. / сост. Ю. Л. Ханин. М.: Физкультура и спорт, 1983.
4. Изард К. Э. Психология эмоций. СПб.: Питер, 1999.
5. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. СПб.: Питер, 1999.
6. Марищук В. Л., Евдокимов В. И. Поведение и саморегуляция человека в условиях стресса. СПб.: Сентябрь, 2001.
7. Основы психофизиологии экстремальной деятельности: курс лекций / под ред. А. Н. Блеера. М.: Анита Пресс, 2006.
8. Порфирьев Б. Н. Управление в чрезвычайных ситуациях: проблемы теории и практики // Проблемы безопасности: чрезвычайные ситуации. М.: ВИНТИ, 1991. Т. 1.

© Егоренков Д. В., 2013

***

Д. В. Кириллов

ГРАЖДАНСКАЯ ПОЗИЦИЯ КУРСАНТОВ (СЛУШАТЕЛЕЙ) ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ СИСТЕМЫ МВД РФ КАК ЦЕННОСТНОЕ ОТНОШЕНИЕ К ГРАЖДАНСКОМУ ДОЛГУ И ГРАЖДАНСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

В статье рассматривается процесс формирования гражданской позиции курсантов, в том числе в рамках концепции ценностно ориентированного гуманитарного образования. Гражданская позиция определяется как ценностное отношение личности к гражданскому обществу. Выделяются следующие ее функции: предметно-практическая, познавательная-прогностическая и социально-культурная.

Ключевые слова: гражданская позиция, гражданский долг, гражданская ответственность, гражданственность, гражданское общество.

D. V. Kirillov

**CIVIC-MINDEDNESS OF CADETS (TRAINEES) OF EDUCATIONAL INSTITUTIONS
OF THE SYSTEM OF THE MINISTRY OF INTERIOR
OF RUSSIA AS A VALUE ATTITUDE TOWARD CIVIC DUTY AND CIVIL RESPONSIBILITY**

The author suggests analyzing the process of civic-mindedness formation within the framework of the concept of value-oriented humanitarian education. Values are considered to be the regulator of social relations in the moral and spiritual sphere of a human being. The key role here belongs to the development of ideas of civic duty and civil responsibility. Civic-mindedness is defined as a value attitude of an individual toward the civil society. The author distinguishes substantive practical and cognitive prognostic functions of civic-mindedness.

Keywords: civic-mindedness, civic duty, civil responsibility, civic consciousness, civil society.

Процесс формирования гражданской позиции курсантов образовательных учреждений системы МВД РФ рассматривается нами прежде всего в рамках концепции ценностно ориентированного гуманитарного образования, основные положения которой заключаются в том, что целью гуманитарного образования является создание условий для присвоения личностью универсальных гуманистических ценностей. Данные ценности могут выступать регулятором социальных отношений в духовно-нравственной составляющей бытия человека.

Ведущую роль здесь играет выработка представлений о гражданском долге и гражданской ответственности, которая приводит к усвоению курсантами ценностей гражданского общества. В этом смысле мы определяем гражданскую позицию как ценностное отношение личности к гражданскому обществу. Правомерно выделить следующие ее функции.

1. *Предметно-практическая функция* обеспечивает направленность целей учебной деятельности на формирование гражданской позиции учащегося в пространстве диалогического взаимодействия, обеспечивает предметный характер педагогической деятельности [1, с. 26]. Согласно утверждению, «быть человеком означает быть обращенным к смыслу, требующему осуществления, и ценностям, требующим реализации» [2, с. 179]. «В деятельности человек ставит различные цели, реализуя ценностное отношение к миру», это становится внутренним фактором активности курсанта и обеспечивает большую свободу для выбора средств осуществления поставленных учебных

целей [1, с. 27]. Право на свободу предполагает ответственность перед своим ближайшим социальным окружением. Гражданская позиция выполняет предметно-практическую функцию и в труде, и в научном познании, и во взаимодействии с социальной средой. Данная функция выражается в том, что нормы деятельности, которые учащийся принимает к исполнению, позволяют задуматься о его собственном отношении к ним. Вместе с тем гипертрофированное развитие предметно-практической функции, доминирование ее в структуре функций гражданской позиции курсанта создает опасность формирования из него «человека служения».

2. *Познавательно-прогностическая функция* гражданской позиции позволяет избежать ситуации непонимания себя, когда «личностные смыслы не могут найти адекватно воплощающих их объективных значений, и тогда они начинают жить как бы в чужих одеждах. Данная функция обусловлена внутренним характером отношения учащегося не только к самому себе, но и к ценностям гражданского общества как внутреннему моменту самоопределения, верности себе, осознанию им своих личных качеств, способностей, мировоззрения, выполненного долга и своего общественного значения, осмыслению и переживанию человеком своей социальной деятельности и общественной значимости. Через познавательно-прогностическую функцию обеспечивается роль гражданской позиции в понимающем характере учебной деятельности и в социально значимом поведении учащегося. Ценностное отноше-

ние, «фиксируя понимание степени приближения к совершенству, включает в себя представления об идеале и тем самым отчасти прогнозирует деятельность. Характер функционирования гражданской позиции в этом плане раскрывается через создание идеала и реализацию его в деятельности [1, с. 28].

3. *Социально-культурная функция* обусловлена социально-значимым характером гражданской позиции. Культура (при всем многообразии определений данной дефиниции) задает внешнюю социальную норму учебной деятельности, определяя среду социального, культурного бытия человека. Гражданская позиция представляет существенный момент функционирования культуры общества, выступает как фактор культурного и социального развития личности.

Культуросообразность деятельности курсанта достигается через его идентификацию с ценностями гражданского общества, через постижение и переживание этих ценностей, их осмысление. Результатом этой рефлексивной мыследеятельности и является формирование гражданской позиции как ценностного отношения к гражданскому обществу. Влияние представленных функций личностного образования неоднозначно, и в каждом случае зависит, с одной стороны, от степени сформированности у курсантов (слушателей) знаний, интереса и потребностей, на основе которых происходит формирование гражданской позиции личности, а с другой — от условий, влияющих на ее формирование. Выделенные функции помогают выявить *содержание и структуру* гражданской позиции личности. Они отражают присутствие существенных связей между гражданской позицией и личностью курсанта, в результате чего могут служить той моделью, которая в абстрактном виде вычленяет данные связи.

В структуре гражданской позиции в соответствии с выявленными функциями нами выделяются следующие компоненты: когнитивный, эмоционально-оценочный, деятельностный.

1. Когнитивный компонент подразумевает фиксацию в сознании учащегося овладения знанием о гражданском долге и гражданской ответственности и выражается через предметно-практическую функцию. Он представляет собой результат про-

цесса познания личностью общественных отношений. Знание может быть представлено на трех уровнях — «представлений, понятий и идей. Каждая человеческая ценность обладает определенным «внутренним импульсом», который выражается в центральной идее, раскрывающей сущность ценности [3, с. 127]. Современные научные направления раскрывают наполняемость категории «гражданская позиция», через призму отдельных идей: «патриотизм» (П. С. Лейбенгруб), «гражданственность» (А. Ф. Никитин, Н. Г. Суворова, Н. И. Элиасберг), либо через комплекс таких идей, как «гражданское самосознание», «гражданское общество». Данная информация социально-правового характера, представленная в активно развивающейся личности курсанта, дает ему возможность получить как общие, так и конкретные социальные знания. Учитывая характеристики гражданской позиции и специфику гуманитарных дисциплин, считаем целесообразным остановиться на двух центральных идеях, раскрывающих сущность гражданской позиции. Это такие идеи, как «гражданский долг» и «гражданская ответственность».

«Долг как категория этики отражает... особое отношение, нравственное требование, распространяющееся на всех людей, которое принимает форму долга, когда оно превращается в личную задачу определенного индивида применительно к его положению или в какой-либо ситуации» <...> «Собственно уже тогда, когда человек переживает нечто как свой долг, как должное, даже если он при этом он испытывает его как нечто противоречащее тому, что его влечет и тому, чего ему хочется, должное уже в какой-то мере определяет его волю, и он этого уже в какой-то мере хочет, даже если ему хочется другого» [4, с. 90].

Гражданский долг представляет собой совокупность социальных, нравственных обязанностей личности перед обществом. В понятии гражданского долга отражены не единичные поступки и действия, а общественное поведение личности в целом [5, с. 10]. По мнению ученых, гражданский долг и гражданская ответственность — это комплекс нравственных качеств личности, проявляющихся в отношениях и деятельности человека при выполнении им социально-ролевых функций [5, с. 10].

Гражданская ответственность является сознательным актом, в котором личность действует как существо, способное оказать активное влияние на социальное окружение. Она может проявляться в способности гражданина самостоятельно принимать правильные с точки зрения норм морали и права решения и нести за них ответственность. Гражданская ответственность выступает в качестве механизма, регулирующего исполнение гражданином своих прав и обязанностей, закрепленных в законах общества, отражает систему социальных отношений в гражданском обществе. В условиях экономических, социальных, политических конфликтов гражданская ответственность содержит в себе аспект социального согласия. Это связующий элемент между обязанностями гражданина и гражданским долгом, так как именно ответственность выражает степень понимания гражданином своего долга перед обществом [3, с. 126].

Учеными отмечается высокий уровень чувствительности юношеского возраста к восприятию гражданского долга и гражданской ответственности, так как она «...возникает тогда, когда человек оказывается способным к рефлексии и соединению образа мира и себя в этом мире» [6, с. 238]. В гражданском долге и гражданской ответственности, в совокупности проявляющихся в гражданской позиции, можно выделить два аспекта — объективный и субъективный, которые составляют социальную направленность личности. Объективный аспект включает в себя определенные требования общества к личности, выраженные в виде норм, закрепленных в гражданском обществе; субъективный — подразумевает осознание человеком общественных требований и их выполнение. Присвоение учащимися знаний о гражданском долге и гражданской ответственности, осознание их как социально-значимых ценностей влияют на субъективное в личности. Вместе с тем противопоставление общественного и личностно значимого может быть, но оно имеет место только там, где все сведено к эгоцентричному, личностному [7, с. 121]. Таким образом, необходимой предпосылкой формирования гражданской позиции курсанта выступает его знание о гражданском долге и гражданской ответственности. Мы полагаем, что гражданская позиция учащегося характеризуется ценностным отношением к граждан-

скому обществу. Она выражает существенную определенность гражданина и находит свое внешнее проявление в гражданском долге и гражданской ответственности, характер которых определяется сущностными чертами общества и личности, а также особенностями их взаимосвязи. Гражданский долг и гражданская ответственность формируются только в том случае, когда они связаны с осознанием конкретным человеком своей принадлежности к социуму и к государству в целом.

Момент осознания человеком принадлежности к определенному социуму является очень важным, так как определяет осознанное отношение личности к гражданскому долгу и гражданской ответственности. Субъект данного отношения отдает себе отчет в том, что он реально оценивает как значимую для себя ценность, какую роль она играет для него. В данном контексте гуманитарные знания создают у курсантов общие представления о гражданском долге, гражданской ответственности, ориентируют курсантов на определение способов действия личности в той или иной ситуации, закладывают основу формирования ценностного отношения к гражданскому обществу, познанию совокупности общественных отношений и социальной системы.

2. Эмоционально-оценочный компонент проявляется через познавательную-прогностическую функцию. Он связан с особенностями эмоционального восприятия знаний о ценности гражданского долга и гражданской ответственности, эмоциональная сторона ценности которых проявляется в отношении к знанию, их передаче, использованию, в отношении к поступкам, при оценке приобретаемых знаний.

Оценка как философская категория представляет собой отношение субъекта к объекту с точки зрения его значимости для удовлетворения потребности субъекта. Она имеет сложную структуру, представляющую собой единство оценочного отношения как эмоционально переживаемого соотношения объективных свойств явлений с основанием потребности субъекта (оценка — процесс) и оценочного суждения как логической формы осознания и фиксации результата оценочного отношения (оценка — результат).

Эмоционально-оценочный компонент гражданской позиции связан с особенностями эмоционального восприятия знаний о гражданской позиции, так как «их содержание, преломляясь через... эмоциональную сферу личности, становится внутренним требованием личности к самой себе, приобретает личностный смысл» [8, с. 64]. Личностный смысл возникает не только на основе понимания одного факта, но и его субъективного значения. Он предполагает наличие ценностного отношения к гражданскому обществу как показателя определенного уровня сформированности гражданской позиции. «Представления о гражданском долге и гражданской ответственности усваиваются с определенным личностным отношением, представляющим собой совокупность общего эмоционального отношения и отношения собственно оценочного» [9, с. 164]. При этом каждый акт оценки содержит в себе четыре элемента: объект оценки, критерий оценки, оценочное основание, сравнение объекта оценки и оценочного основания, отображение результата оценивания в оценке – результате. Идеи и суждения разума становятся возможными в качестве практических суждений только в связи с зарождением эмоционально-чувственного отношения людей к жизненно важным проблемам [3, с. 126].

Получая информацию о гражданском долге и ответственности, курсант может испытывать переживания двоякого рода: первые — конкретно-чувственный ряд впечатлений в форме представлений эмоциональной реакции, вторые — сопровождающиеся процессом мышления. Данные эмоциональные реакции обеспечивают глубину этапа осознания — этапа формирования оценочного суждения по отношению к гражданскому долгу и гражданской ответственности. Оценочные суждения формируются только на основе чувственного опыта человека и представляют результат оценочного отношения [9, с. 164].

Эмоционально-оценочный компонент определяет морально-этические представления человека, связанные со способом удовлетворения его фундаментальных потребностей как активной личности. «Эмоции сопровождают процесс познания, но не являются его опорной базой, для ценностного сознания они играют роль именно опорной

базы» [10, с. 86]. Эмоции, направленные на усвоение знаний о гражданском долге и гражданской ответственности, могут проявляться в особом отношении к миру — переживании. Личностные переживания — это специфические ощущения приятного или неприятного». Эмоциональное переживание является основой эмоционального восприятия и эмоциональной реакции на выполнение гражданского долга и гражданской ответственности.

В эмоциональном переживании отражается личностно значимое, происходит присвоение ценностей на личностном уровне. Переживание способствует «перестройке внутреннего мира личности» [6, с. 238]. Становление личностных ценностей связано с динамикой развития процессов осознания. В основе осознания лежит обобщение собственных психических процессов, приводящее к овладению ими. Присвоение учащимися таких ценностей как гражданский долг и гражданская ответственность в процессе обучения является условием развития гражданской позиции. Оно обеспечивается разнообразным рефлексивным взаимодействием: с преподавателем, учебным текстом, текстами первоисточников, другими учащимися, группой, семьей.

3. Деятельностный компонент проявляется через социально-культурную функцию, он отражает практический, действенный характер гражданской позиции, проявляющийся в активности курсантов в присвоении ценности гражданского долга и гражданской ответственности [11, с. 18]. Данный компонент отвечает за формирование и развитие гражданской позиции учащегося и определяет ее мировоззренческий аспект, связанный с самоопределением в сфере общественных отношений. Поиск, осознание и принятие учащимся значимости гражданского долга и гражданской ответственности перед обществом предполагает осуществление субъектом активности одновременно познавательного и личностного характера.

В современной науке существует несколько подходов к трактовке феномена «активность». В психологии активность рассматривается как характеристика деятельности и понимается как «неотъемлемое свойство личности», выражаю-

щееся в ее принципиальности и отстаивании своих взглядов, единстве слова и дела» [6, с. 239]. Активность характеризует, «во-первых, наличие определенных механизмов — целеполагания, предвидения, регуляции; во-вторых, определенных актов — намерения, осознания, воли; в-третьих, определенных состояний — установки, отношения; в-четвертых, определенных действий; в-пятых, особой потребности в активности, а также нескольких моментов одновременно» [3, с. 130].

Активность курсантов в присвоении ценности гражданского долга и гражданской ответственности можно соотнести с определенными мотивами. Мотивы познавательного интереса и самопознания, в контексте данного исследования, отражают познание учащимися себя через их гражданскую позицию. Он побуждает к анализу собственной деятельности, позволяет сознательно выбирать и вырабатывать ценностное отношение к гражданскому обществу.

Личностное развитие проецируется не только на настоящее, но и на будущее. Мотив самореализации себя в будущем позволяет прогнозировать собственную деятельность в гражданском обществе, проявляющуюся в таких социально значимых идеях, как гражданский долг и гражданская ответственность. Поведенчески-нормативная составляющая, благодаря которой происходят

самореализация и самоутверждение курсанта (слушателя) в учебной деятельности, раскрывает сущность активности личности при формировании гражданской позиции, ее результативный аспект и определяет ее как субъекта культурно-образовательного процесса.

Реализация умения находить признаки гражданского долга и гражданской ответственности в процессе жизнедеятельности включает в себя знание основных понятий из сферы гражданского общества. Результатом умения является анализ проявления гражданского долга и гражданской позиции в гражданском обществе, последовательное сравнение гражданского долга и гражданской ответственности, проявляющееся в высказываниях, суждениях поступках с использованием не только поверхностной оценки, но и собственного понимания данного явления.

Содержательная сфера когнитивного, эмоционально-оценочного и деятельностного компонентов позволила определить гражданскую позицию как устойчивое личностное образование, которое включает знание содержания ценности гражданского долга и гражданской ответственности, эмоционально-оценочное отношение к ней, которое выражается в активности личности по присвоению данной ценности.

Список библиографических ссылок

1. Разбегаева Л. П. Ценностные основания гуманитарного образования: моногр. Волгоград, 2001.
2. Франкл В. Человек в поисках смысла: сб.: пер. с англ. и нем. / под общ. ред. Л. Я. Гозмана и Д. А. Леонтьева. М., 1990.
3. Кирьякова А. В. Теория ориентации личности в мире ценностей: моногр. Оренбург, 1996.
4. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. М., 1989. Т. 2.
5. Кожокар В. И. Формирование гражданского облика старшеклассников. Кишинев, 1985.
6. Петровский В. А. Личность в психологии: парадигма субъектности. Ростов-н/Д, 1996.
7. Гурова Р. Г., Кокорина Е. И. Воспитание гражданских качеств у учащихся старших классов // Подготовка старшеклассников к жизни. М., 1979.
8. Рувинский Л. И. Нравственное воспитание личности. М., 1982.
9. Чеснокова И. И. Проблема самопознания в психологии. М., 1978.
10. Каган М. С. Философия культуры. СПб., 1996.
11. Леонтьев А. Н. Проблемы развития психики. М., 1981.

И. К. Ким

СТАНОВЛЕНИЕ СОВЕТСКО-ПОЛЬСКИХ ОТНОШЕНИЙ В ОБОБЩАЮЩИХ ТРУДАХ СОВРЕМЕННЫХ ПОЛЬСКИХ ИСТОРИКОВ

Статья посвящена представлению современными польскими историками первых лет становления советско-польских отношений. Показана специфика подходов и оценок польских авторов к проблеме формирования советско-польской границы, советско-польской войны, ее итогов и последствий.

Ключевые слова: история Польши, советско-польские отношения, советско-польская война.

I. K. Kim

DEVELOPMENT OF SOVIET-POLISH RELATIONS IN GENERALIZING WORKS OF MODERN POLISH HISTORIANS

The article is devoted to the modern Polish historians' vision of the first years of Soviet-Polish relations development. The author emphasizes the specific character of Polish authors' approaches to the problem of the Soviet-Polish border formation, the Soviet-Polish War, its results and consequences.

Keywords: history of Poland, Soviet-Polish relations, Soviet-Polish War.

Представление одних и тех же исторических событий, фактов и процессов может быть весьма разным. Например, рассмотрение в обобщающих трудах польских авторов по истории Польши за последние два десятилетия становления советско-польских отношений от Октябрьской революции до начала 1920-х гг.

Анализируемые нами работы являются научно-популярными, отличаясь по объему, рассматриваемому периоду (вся польская история, последние 200 лет), полноте охвата (история в целом, политическая история), предназначению (для интересующихся историей, для школ, для польской диаспоры), месту и языку издания (в Польше на польском языке, в Польше на разных языках, включая русский, в России как перевод польского издания). Авторами разделов о событиях рубежа 1910—1920-х гг. являются известные польские историки, специалисты по польской истории межвоенного периода П. Вечоркевич, Я. Жарын, Е. Хольцер и Т. Наленч, придерживающиеся разных методологий и политических взглядов. В трудах этих авторов упоминания о советско-польских отношениях имеют место на фоне раскрытия ими истории Польши. Представление этих отноше-

ний польскими авторами отличает другой (в сравнении с российской историографией) взгляд, иные акценты, приоритеты.

Для демонстрации взглядов польских авторов были выбраны следующие сюжеты: борьба возрожденного в 1918 г. Польского государства за определение своих восточных границ (1); советско-польская война (2); Польревком (3); Рижский мир 1921 г., итоги и последствия войны (4).

1. Польские авторы рассматривают проблему формирования восточных границ Польши с позиций характерного для польского менталитета национального подхода. Правомерность борьбы за границы выводится из необходимости конституировать возрожденное польское национальное государство в борьбе против агрессивных соседей — России и Германии. «Решение о границах польского государства с самого начала осложнялось их временным характером. Это касалось и границ с Советской Россией» [1, с. 403], — отмечает Е. Хольцер одну из основных проблем определения границ Польши.

Польские авторы противопоставляют имперские устремления России и противоположные им национальные устремления поляков к независи-

мости. Я. Жарын пишет, что независимое существование Польши «оспаривала прежде всего Россия, ибо как белые (республиканцы и армия под командованием царских генералов), стремившиеся к восстановлению могущественной России, которая существовала до 1914 г., так и красные (большевики), провозгласившие лозунг всемирной пролетарской революции, в независимой Польше видели своего главного врага и препятствие на пути к достижению своих целей» [2, с. 232]. П. Вечоркевич в этой связи цитирует слова Пилсудского о сути политики России: «...несмотря на то, какое будет ее правительство, Россия бешено империалистическая» [3, с. 94].

Исходя из такого понимания политики России, польские авторы обращают внимание на то, что отношения Польши и Пилсудского как «начальника государства» к России не однозначно диктовались антикоммунизмом, а скорее, были обусловлены противодействием возрождению мощи и державности России независимо от того, будет ли Россия белой или красной. Они подчеркивают несоординированность действий российской контрреволюции и Польши против Советской России. Т. Наленч, например, пишет о событиях 1919 г.: «Осенью военные действия были практически прерваны. Пилсудский ждал разрешения гражданской войны, в которой „белые“ казались ближе к победе. Генерал Деникин готовился к решающему наступлению на Москву. По его просьбе Антанта требовала от Пилсудского наступления на Мозырь, что должно было предрешить поражение большевиков. Но Пилсудский не хотел триумфа „белой“ России. Боялся ее силы и хороших отношений с Западом. <...> Тем самым он уклонился от помощи Деникину. Более того, доверительно проинформировал Ленина, что тот может рассчитывать на фактическое перемирие. В результате большевики бросили снятые с польского фронта части против Деникина и нанесли им поражение» [4, с. 336—337].

Перемирие на советско-польском фронте отнюдь не означало стратегического партнерства Польши с Советской Россией. «Пилсудский при этом отверг щедрые предложения полномочного представителя Ленина Юлиана Мархлевского, отдавая себе отчет, что за ними стоит лишь же-

лание выиграть время и усыпить бдительность будущего объекта советской экспансии» [3, с. 95], — добавляет П. Вечоркевич.

В обобщающих трудах польских авторов подчеркивается отсутствие в руководстве Польши единого мнения относительно ее восточной границы: в верхах противоборствовали две концепции — инкорпоративная и федеративная. Первую представлял близкий к Антанте лидер национальных демократов Р. Дмовский, который, по словам П. Вечоркевича, ограничивал «...польские устремления землями, захваченными Россией во втором и третьем разделе, исходя из предположения, что инкорпорация более дальних территорий (потерянных ранее) создаст трудности в быстрой колонизации украинского и белорусского меньшинства» [3, с. 94]. Автором второй концепции был Ю. Пилсудский, которая в изложении Т. Наленча выглядела следующим образом: «Ослабленной России он хотел навязать собственное решение, принципиально меняющее расклад сил в центральной и восточной Европе. Он считал, что представляется исключительный шанс оторвать от России территории, на которых проживают другие народы, поддержать их государствообразующие действия и связать с Польшей узами федерации. В восточноевропейской общности он видел Литву, Украину, Беларусь. В самых смелых своих намерениях он устремлялся от Финляндии к государствам Кавказа. <...> Идею он связывал с исторической идеей ягеллонской Речи Посполитой. <...> Восточноевропейский союз затруднил бы восстановление мощи России, оттолкнул ее от Европы и вынуждал искать добычи в Азии» [4, с. 332].

Для П. Вечоркевича важным было трагическое обстоятельство — участие поляков в братоубийственной войне по обе стороны фронта. Упомянув белую армию в гражданской войне в России, он пишет, что в ее составе «сражались также две польские части». Одновременно им отмечалось, что «довольно большое число поляков сражались также по другую линию фронта, в Красной Армии, несколько же бывших деятелей СДКПиЛ и ППС-Левицы, которые объединились, создав Коммунистическую рабочую партию Польши, хорошо послужили кровавому укреплению власти большевиков (в частности Дзержинский и Уншлихт)» [3, с. 94].

Вовлечение Польши в гражданскую войну в России Т. Наленч объясняет амбициозными планами Пилсудского по реализации его федеративной концепции, которые «...могли быть осуществлены только путем войны. Лишь военное поражение вынудило бы Россию отступить из Европы. Добровольно не согласилось бы на это ни одно российское правительство, также коммунистическое» [4, с. 332]. П. Вечоркевич обосновывает вмешательство Польши в события на территории бывшей Российской империи обеспокоенностью судьбами поляков на так называемых восточных кресах: «Трудно также было пассивно наблюдать за прогрессирующим истреблением польского населения на кресах, совершающимся революционизированным крестьянством или тамошними националистами» [3, с. 94]. Последнее замечание позволяет обратить внимание на еще одну особенность представления событий польскими авторами в период определения восточных границ Польши — акцент на сложный расклад национальных и политических сил на этих территориях. Здесь сражались друг против друга (и нередко все против всех) силы российской революции (вместе с поддерживавшими их местными коммунистами) и контрреволюции разных направлений, национальные правительства — украинские (Западноукраинской Народной Республики и Украинской Народной Республики), белорусское (Белорусской Народной Республики), литовское (Тарибы). Характерно, что польские историки не делают различий между российскими большевиками и украинскими, белорусскими, литовскими коммунистами (которых они также называют большевиками). Последние представляются как инструменты политики большевистских властей России.

2. В анализируемых работах их авторы предпочитают называть войну польско-русской или реже польско-советской, хотя представляется, что именно последняя нечасто используемая в Польше формулировка наиболее точно отражает характер противостояния. Саму же войну польские авторы не ограничивают рамками только 1920 г., а рассматривают ее как вооруженный конфликт с начала существования польского государства и его борьбы за восточные границы, т. е. с рубежа 1918—1919 г.

Как уже упоминалось выше, польские авторы не увязывают действия Польши с действиями сил российской контрреволюции. Начало активной фазы советско-польских военных действий в 1920 г. обосновывается с военно-политической точки зрения сохранением состояния конфликта с разгромившей основные силы контрреволюции Советской Россией, а с юридической — заключением соглашения Польши с правительством Украинской Народной Республики С. Петлюры. «Поражение, которое потерпел Деникин осенью 1919 г., вынудило поляков предпринять военные операции, тем более что готовилась к ним заметным образом и противная сторона. Политические предпосылки к наступлению дало соглашение, заключенное Пилсудским 21 апреля 1920 г. с атаманом Семеном Петлюрой, стоявшим во главе Украинской Народной Республики, у которой большевики отобрали Киев. <...> Юридически опираясь на договор, польские войска двинулись затем на восток, чтобы нести освобождение уже поработанным большевиками народам. Результаты польско-украинского союза оказались, однако, намного меньше ожидавшихся. Правда, превентивный удар Пилсудского... привел 7 мая к легкому освобождению Киева, но оказалось, что перед лицом всеобщей апатии, господствовавшей на совершенно опустошенной Украине, ее легальная национальная власть пользуется весьма умеренной поддержкой» [3, с. 96], — пишет П. Вечоркевич.

Наступление Красной Армии в 1920 г. трактуется польскими историками преимущественно как проявление экспорта большевиками революции. П. Вечоркевич полагает: «Ленин и руководящий военными делами в его правительстве Лев Троцкий были убеждены в необходимости продолжения кампании вплоть до полной победы. <...> Дополнительным двигателем действий советских армий была надежда, что получение общей границы с Германией разбудит там революционные силы и сделает возможным совершение коммунистического переворота» [3, с. 96]. Пилсудский, по мнению Е. Хольцера, опасался в 1920 г. вторжения большевиков «во имя идеи переноса революции на штыках в Германию и далее на запад» [1, с. 401]. Т. Наленч подчеркивает, что после завершения в основном гражданской войны «большевики вер-

нули к плану экспорта революции». Цитируя приказ Тухачевского перед наступлением на Варшаву, этот автор продолжает: «Подпитывание революции в Германии, где борьба за власть еще не разрешилась, могло угрожать всему версальскому порядку и привести к победе коммунизма в Европе. Это означало бы конец независимости Польши» [4, с. 338]. Я. Жарын добавляет и иные акценты для оценки советских военных действий против Польши: «На вест о захвате Киева большевики, отказавшись от революционной фразеологии, выступили с патриотическими лозунгами об угрозе, нависшей над Великой Русью, что и склонило часть офицеров разгромленной белой армии к взаимодействию с ними» [2, с. 234].

3. Однозначны оценки польских авторов Временного польского революционного комитета (Польревкома), советских гражданской администрации и репрессивных органов на польской территории. Я. Жарын пишет: «В районах, занятых большевиками, начали действовать революционные трибуналы, державшие в страхе окрестное население; помещиков убивали, а их поместья передавались крестьянам в надежде обрести в них опору новой власти» [2, с. 234—235]. Членство в Польревкоме поляков, в частности Ю. Мархлевского и Ф. Дзержинского, рассматривается как предательство, а сам комитет представляется как насажденный Россией в ее целях, среди которых называлось установление коммунистического режима, а также новый раздел Польши. «На занятых территориях создавался суррогат коммунистической власти в виде Временного революционного польского комитета <...>. ...и Галицийского революционного комитета, что указывало не только на стремление большевизации Польши, но и ее нового раздела» [3, с. 96], — пишет П. Вечоркевич. Е. Хольцер формулирует, по его мнению, конечные цели России в период наступления Красной Армии: «...большевики вели политическую подготовку к установлению в Польше коммунистического режима» [1, с. 402].

Наряду с Польревкомом отрицательно трактуется деятельность Коммунистической рабочей партии Польши (КРПП), единственной из польских партий, поддержавшей советские действия в отношении Польши: «Имеющая до этого некоторое

влияние КРПП оказалась в полной изоляции, воспринималась всем обществом как вражеская агентура» [3, с. 96]; «С большевиками сотрудничала только КРПП, за что ее встречало жесткое осуждение со стороны общества» [4, с. 339].

4. Оценка итогов войны, Рижского мира 1921 г. у польских авторов однозначна — это победа Польши. Такая оценка основывается прежде всего на выводе о том, что победа способствовала утверждению независимости Польши. На это и ряд следствий победы для Польши и народов Европы указывает Т. Наленч: «Условия мира были выгодными для Польши. Огромным было также значение победы. Она спасла суверенитет и национальную идентичность. Польша, включенная как советская республика в Россию, познала бы все катастрофы, которые пали на народы, управляемые большевиками. Победа... [польского короля Яна Собеского над турками под Веней. — И. К.] позволила поверить в свои силы. Она перечеркнула традицию поражения, угнетавшую общество в период разделов» [4, с. 342].

Другие авторы также подчеркивают общеевропейское значение победы Польши. По мнению П. Вечоркевича, она предопределила «окончательное фиаско вооруженного экспорта коммунистической революции, избавив от нее на несколько десятков лет Центральную Европу, а может и Западную» [3, с. 97]. Я. Жарын указывает на изменение соотношения сил в Европе: «...становление независимой Польши стабилизировало политическое положение в той части Европы, судьбами которой на протяжении последнего столетия вершили две агрессивные державы — Россия и Германия» [2, с. 238]. «Победа над большевиками повлияла на судьбы всей Европы. Она свела на нет планы экспорта революции, что предопределило поражение коммунизма в Германии и тем самым в других регионах континента. Рижский трактат стал важным дополнением версальского договора...» [4, с. 342], — пишет Т. Наленч еще об одном аспекте воздействия победы на ситуацию в Европе.

Оценивая следствия победы Польши в войне с Советской Россией, современные польские авторы высказывают сходное мнение о победе инкорпоративной концепции. П. Вечоркевич констатирует «...триумф так называемой инкорпоратив-

ной программы Дмовского» [3, с. 97]; «Рухнула федеративная концепция Пилсудского, что облегчило разгром украинской армии под командованием Петлюры» [2, с. 236], — пишет Я. Жарын. Т. Наленч представляет итоги и следствия противоборства двух концепций: «Нереальными оказались, однако, федеративные планы. Россия была отодвинута, но не разбита, без чего не могло быть речи о федерации, тем более что без энтузиазма отнеслись к ней восточноевропейские народы. Литовцы не скрывали враждебности, да и украинцы без желания восприняли идею связи с Польшей. У крестьян она ассоциировалась с преобладанием польских помещиков и блокированием аграрной реформы. Интеллигенция боялась полонизации. В результате Пилсудский вынужден был удовлетвориться реализацией эндецкой инкорпоративной концепции» [4, с. 342].

Польские авторы выявляют, как итоги войны повлияли на внешнюю политику Польши и последующие советско-польские отношения. Е. Хольцер рассматривает это сквозь призму плана создания федерации государств Центральной Европы: «...мечты сторонников идеи центральноевропейской федерации оказались несбыточными, на ее реализацию у Польши не было сил, не было и партнеров для будущего союза. Напротив, противоречия между Польшей и всеми ее этническими соседями обострились. Поборники инкорпорации имели на первый взгляд гораздо больше сторонников. Они рассчитывали, однако, прежде всего на падение большевиков и на возможность соглашения с ослабленной и демократической Россией, на союз с Францией и хорошие отношения с Чехословакией, чтобы противодействовать

самой значительной внешнеполитической опасности — германской» [1, с. 404—405].

«Гарантию безопасности Польши предоставляло новое соотношение международных сил, называвшееся обычно версальским порядком. <...> Это была ненадежная конструкция, тем более что открыто против нее выступали Германия и Россия, что предрекало Польше самое худшее. В этой ситуации Варшава искала союзника в Париже. <...> В феврале 1921 г. в результате визита Пилсудского на Сену подписан польско-французский союз, направленный против Германии. Менее охотно Франция вовлекала себя в защиту границы с Россией, где Польша должна рассчитывать на собственные силы и на союз с Румынией, заключенный в марте 1921 г.» [4, с. 350], — пишет Т. Наленч.

Итак, представление процесса становления советско-польских отношений в первые годы после Октябрьской революции в России, восстановления независимости Польши и окончания Первой мировой войны современными польскими историками отличается от того, как это делается в российской историографии. Не следует в этом случае говорить о фальсификации истории, т. е. преднамеренном искажении исторической действительности. Для установления причин отличий в подходах, оценках, акцентах, умолчания одних явлений или выдвижения на первый план других необходимо понять их истоки, которые лежат в разнице менталитетов, исторических и культурно-религиозных традиций народов, специфике национальных историографий. Расхождения в трактовке исторических реалий прежде всего обусловлены разницей в подходах — государственническом, классовом или национальном.

Список библиографических ссылок

1. Тымовский М., Кеневич Я., Хольцер Е. История Польши. М., 2004.
2. Дыбковская А., Жарын М., Жарын Я. История Польши с древнейших времен до наших дней. Варшава, 1995.
3. Ejsler J., Szwarc A., Wiczorkiewicz P. Dzieje polityczne ostatnich dwustu lat. Warszawa, 1997.
4. Historia powszechna / Historia Polski. Т. 11. Polska. 1831—1939. Warszawa, 2007.

© Ким И. К., 2013

Е. Г. Блосфельд

ИСКАЖЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ В СОВРЕМЕННЫХ СМИ И ШКОЛЬНЫХ УЧЕБНИКАХ ПО ИСТОРИИ РОССИИ

В статье показано, как в «перестроечной» и постсоветской России средствами массовой информации и школьными учебниками искажается массовое историческое сознание, историческая память на примере российской истории, включая и искажение исторических фактов. Отмечены объективные и субъективные причины этого. Особенно это касается личности И. В. Сталина и сталинского периода советской власти.

Ключевые слова: история России, историческое сознание, сенсация, конъюнктура, советский период.

E. G. Blosfeld

DISTORTION OF HISTORICAL CONSCIOUSNESS IN MODERN MASS MEDIA AND THE RUSSIAN HISTORY SCHOOL TEXTBOOKS

The article shows the way the mass historical consciousness and historical memory were distorted by mass media and school textbooks in Perestrioka-time and Post-Soviet Russia through the example of the Russian history including the distortion of historical facts. The author points out objective and subjective causes of this phenomenon. It is especially related to the personality of Joseph V. Stalin and the Stalin's period of the Soviet power.

Keywords: history of Russia, historical consciousness, sensation, conjuncture, Soviet period.

Историческая наука от естественных и так называемых «точных» наук отличается тем, что историк-субъект изучает не статичные или медленно изменяющиеся объекты, а пронизанные субъективностью и изменчивые объекты: общество, людей в прошлом, которые действуют сознательно, вступают в самые разные отношения друг с другом, имеют самые различные интересы.

Возможность интерпретации исторического прошлого более вариативна, чем в других науках как по указанной причине, так и потому, что историческая память сохраняет не все, очень многое утеряно в результате войн, природных катаклизмов, о некоторых явлениях, событиях имеются неясные представления.

Историк всегда анализирует исторические источники как представитель современной ему действительности, тех или иных мировоззренческих позиций, как бы он ни старался представить себя на месте людей той эпохи.

В связи с этими обстоятельствами не прекращаются споры о том, может ли история быть объективной и может ли она считаться наукой.

Именно поэтому в условиях никогда не затихающего в обществе интереса к историческому прошлому во все времена существования сознательного человечества везде наблюдались искажения или перекосы в общественном историческом сознании, сознательные или невольные: первые — в результате подлаживания под конъюнктуру, стремления приспособить историю к современным условиям, последние — из-за недостатка знаний о прошлом, недостаточной квалификации ученого. Это отнюдь не российская традиция, это происходило всегда и всюду. Однако нынешний период в отечественной действительности особенно «плодотворен» в этом отношении. Господствуют фантазии и сенсационность, подкрепленные псевдонаучностью аргументации.

Здесь стоит сказать о группе творца «новой хронологии» академика А. Г. Фоменко. Недавно на радио «Эхо Москвы» представитель этой группы доцент МГУ Г. В. Носовский поделился своим открытием того, что А. В. Суворов получил звание графа Рымникского вовсе не за победу при

р. Рымник, ибо такой реки Носовский на картах XVIII в. не нашел, а за подавление восстания Е. И. Пугачева на р. Яик (именно Яик назывался тогда, как утверждает автор, Рымником). Для автора не принципиально, что Яик упоминался во всех документах XVIII в., в частности о пугачевском бунте, прибытии А. В. Суворова на подавление восстания, когда оно уже было фактически подавлено. Однако зачем на радио распространять эти псевдоисторические выдумки? Ответ простой: группа заключила с «Эхом Москвы» договор и платит за рекламу своих «открытий».

На телеканале «Культура» время от времени выступает Э. Радзинский с «уникальной коллекцией кинодокументов советского периода 1930-х гг.», которые уже не раз демонстрировались. Неправ Р. И. Косолапов [1], утверждая, что Э. Радзинский уже не привлекает внимание публики, хотя его книги о Сталине действительно пылятся на полках магазинов. Телевидение же раздувает сенсационность, несмотря на то, что все эти «неизвестные» факты — просто домыслы Э. Радзинского относительно известных фактов, причем в сверхэмоциональном исполнении. Что можно писателю, то нельзя историку, телевидение же все время подает Э. Радзинского как историка, играя на массовом интересе к историческому прошлому и закладывая в головы людей вольно толкуемые или измышленные исторические факты.

В свое время итальянский философ истории Б. Кроче назвал такую историю филологической, относя ее вместе с патриотической и поэтической к псевдоистории [2].

На Волгоградском радио в интервью с профессором ВолГУ к 70-летию Сталинградской битвы ведущая, проникшись духом сенсации, спрашивает, какие же цели преследовал Гитлер в наступлении на Сталинград, и после ответа говорит, что раньше во всех учебниках писали: целью Гитлера в наступлении на Сталинград был захват Москвы. Когда ее так учили? В учебнике этого не написано, что, кстати, не отменяет цели Гитлера захватить Москву, о чем свидетельствует и первая наша победа под Москвой, которая, безусловно, должна рассматриваться в связи с победой в Сталинградском сражении.

Однако такая тенденция в «историческом просвещении» общества не просто представляет игры СМИ с историческим прошлым в духе постмодернизма. На самом деле эти игры преследуют большие политические цели и подчинены современной политической конъюнктуре.

Начало было положено еще в период так называемой «перестройки», но полное развитие тенденция искажения исторической правды получила с распадом СССР: надо было очернить советский период истории, вытравить его из памяти людей. Первоначально полному пересмотру в исключительно негативном плане подверглись: период 1930-х гг., оценка причин и результатов Второй мировой войны и Великой Отечественной войны, затем — всей советской власти и Октябрьской революции, но это повлекло за собой, совершенно естественно, и искажение досоветской истории.

СМИ с помощью историков искали оправдание современному режиму, причем ключевой была идея преемственности истории России. Доказывалось, что советский период и советская историография (не начального, а всего периода советской власти) символизировали разрыв с дореволюционной Россией и с мировой историей.

Началось непрофессиональное, поспешное обоснование новой символики государства (герба и флага), появилась масса самых противоречивых версий о современном флаге как якобы преемнике царского, хотя такого государственного флага в царской России не было, потом появились всякие версии о значении герба с двуглавым орлом, затем началось свержение с пьедестала деятелей революции и героизация одиозных личностей царской России и периода гражданской войны.

Совершенным деятелем государства выглядит П. А. Столыпин, премьер-министр Российской империи (1906—1911), которого СМИ в известном голосовании номинировали на звание символа России, хотя это и было сделано вопреки реальным результатам. Всячески превозносится столыпинская реформа, разрушившая общинное землевладение, установившая в деревне землеустройство в пользу крепких хозяев (кулаков) и предусматривавшая переселение бедных крестьян в Сибирь на свободные земли. Реформа задумывалась для повышения эффективности сельского хозяйства и соз-

дания опоры самодержавия — деревенской буржуазии. Столыпина представляют сейчас либералом.

Но никто не говорит о том, что реформа не удалась, массовое переселение крестьян не состоялось. Но эта реформа вызвала массовые восстания крестьян в 1907—1910 гг., которые были подавлены П. А. Столыпиным, Россия была уставлена виселицами («столыпинскими галстуками»). Об этом забыли.

Современники не говорили о выдающемся уме П. А. Столыпина, подчеркивая, однако, его монархизм и авторитаризм. С. Ю. Витте вспоминал о нем как о человеке, окружившем себя «своими, чтобы его слушали и не критиковали» [3, с. 180]. Он подчеркивал резкое противоречие между его либеральными речами, по которым сегодня многие и судят о Столыпине, и его деятельностью. Он пишет о жестокости и бессмысленности казней [4, с. 54], что, кстати, говорит о недалёковидности политики Столыпина, ибо эта жестокость вызвала новые волнения в народе. Факты и оценки Витте только подтверждают установившуюся традиционную точку зрения на деятельность и личность Столыпина (никакая личная драма — смерть дочери от руки террористов — не является оправданием). Вряд ли можно говорить, что Витте негативно отзывался о нем из-за «зависти»: успешному министру-реформатору незачем было завидовать Столыпину.

Адмирал А. В. Колчак сегодня превращен в «гламурную» личность, в невинную жертву. Забыли о его жестокой деятельности в качестве верховного правителя Сибири, массовых расстрелах по его приказам, о «колчаковском золоте», вывезенном в Японию. Памятник Колчаку в Иркутске на месте его расстрела несет в себе реакционную и абсурдную идею примирения красноармейцев и белогвардейцев, чего в действительности не было и быть не могло. Памятники таким личностям вызывают лишь новый раскол в обществе.

Чтобы оклеветать советскую власть, надо было очернить Октябрьскую революцию, которую СМИ с помощью конъюнктурщиков-историков объявили всего лишь большевистским заговором или переворотом, при этом некоторые прикрывались авторитетом В. И. Ленина, который действительно упот-

реблял выражение «октябрьский переворот» сразу вскоре восстания 25 октября 1917 г.

Революцию якобы совершили пьяные матросы и деклассированные элементы под лозунгом «Грабь награбленное». И, конечно, много сил приложили для наговора на Ленина. Была вынута версия о пломбированном немецком вагоне и немецких деньгах, объявившая революцию замешанной на предательстве, а главным предателем, немецким шпионом по этой версии был В. И. Ленин. И вагон был, и деньги были, только вот предательства не было, и вагон был организован не германским правительством, а немецкими социал-демократами, и ехали в нем не одни большевики, а также представители эсеров и меньшевиков.

Сейчас об этом забыли, но продолжают распространять чудеса про Горки Ленинские, где якобы бродит призрак Ленина, спекулировать на болезни вождя из-за ранения. Не утихает вопрос о переносе тела В. И. Ленина из мавзолея, особенно накануне годовщины его рождения и смерти.

На «Радио России» 13 декабря 2012 г. в программе В. Ушканова «Персона грата» была беседа с доктором исторических наук, старшим сотрудником Института российской истории, членом редакции журнала «Церковь» В. М. Лавровым. Отвечая на вопрос о целесообразности выноса тела В. И. Ленина из мавзолея, он назвал вождя и большевиков безнравственными преступниками, Октябрьскую революцию — заговором и очень посетовал, что в Москве многие улицы сохранили старые коммунистические названия, а это работает в пользу КПРФ. И он еще сетует, что студенты не знают, когда была Октябрьская революция! Им это невозможно узнать при подобных взглядах ученых.

Тема сталинских репрессий имеет место во всех телевизионных программах (включая и художественные), во всех «либеральных» газетах, где затмевает собой все иные проблемы и эпизоды 1930-х гг., при этом число репрессированных преувеличено во много раз, достигая десятков миллионов.

Совершенно цинично либеральные СМИ подавали и события Второй мировой войны, размножая старую гитлеровскую версию о превентивной войне против СССР. Говорилось о бездарности воен-

ного командования, о том, что у нас оружия и солдат было больше, чем у Гитлера (никто не учитывает европейского потенциала под его властью), преувеличивались (и преувеличиваются) потери советские и уменьшались (на основе фашистской статистики) потери гитлеровцев. Война объявлялась (и сейчас объявляется) войной двух диктаторов. И сегодня версию о превентивной войне постоянно отстаивает и пропагандирует в своей программе на «Радио России» Михаил Веллер, опираясь на известную книгу «Ледокол» В. Суворова (В. Б. Резуна).

Фактически, усердствуя в такой пропаганде гитлеровской версии, российские СМИ работают на руку профашистским настроениям в самой Германии. В интервью «Комсомольской правде» журналист и политолог Александр Рар сказал: «Немцы не чувствуют вины в отношении русских. Очень многие считают, что это Россия виновата перед Германией, а не наоборот... Вся история Второй мировой войны в нынешнем европейском сознании — это либо история холокоста, либо история двух бандитов-мерзавцев Сталина и Гитлера... Нас учили, что Россия не победила во Второй мировой. Это американцы спасли Европу от Красной Армии. Так учат и наших детей» [5].

Совсем недавно прогрессивные историки Германии утверждали, что в Германии фашизм не может повториться: немцы получили сильную прививку от него. И это так, но анализ А. Рара говорит о зыбкости этого утверждения. И в отечественных изданиях, в СМИ повторяются культивируемые там настроения.

История России XX — начала XXI вв. в одном из школьных учебников для 11 класса А. А. Левандовского и Ю. А. Щетинова подается следующим образом. Авторы стараются дать материал в позитивистской манере, избегая оценок и показывая «за» и «против» того или иного явления. Однако при этом в ряде случаев видна нелогичность анализа, передергивание фактов и аргументов. Вот некоторые моменты.

На с. 16 справедливо говорится о быстрых темпах промышленного роста в России накануне Первой мировой войны. Прежде всего за счет иностранного капитала, что, как утверждают авторы, не делало Россию зависимой от него, так

как иностранцы лишь вкладывали деньги, не строя в России своих предприятий. Интересный вывод, если учесть, что иностранным банкам принадлежало 90 % акций в электрической и электротехнической промышленности, в паровозостроении — 100 % (французские и немецкие банки), 77 % — в судостроении, 70 % — в добыче угля в Донбассе, 80 % — в нефтяной промышленности (заводы Нобеля, Шелл Ойл) и т. д. [6].

В общем, верно оценивая причины победы «красных» и поражения «белых», авторы говорят, что агитация большевиков сочетала интернационалистическую и патриотическую идеологии, последняя в условиях интервенции и делала успешной «политико-воспитательную работу» большевиков [6, с. 150]. Зачем здесь кавычки? Почему в тех условиях не могли сочетаться принципы интернационализма и патриотизма, в общем не являющиеся абсолютными антагонистами? В чем здесь лукавство большевиков или их непоследовательность?

Сталинский период и фигура И. В. Сталина анализируются в учебнике неадекватно, хотя видимость «позитивистского» подхода сохраняется и здесь. Авторы учебника называют Сталина только диктатором, не упуская ни одного промаха ни его лично, ни правительства этого периода: естественно, говорят о репрессиях (хорошо еще, не говорят о десятках миллионов репрессированных), о стратегических ошибках. Наблюдается стремление навязать ученикам три тезиса: во всех ошибках был виноват только Сталин; власть была антинародной; все, что было позитивного в стране, в том числе и победа в Великой Отечественной войне, достигнуто за счет энтузиазма рабочих, крестьян, всего народа.

Признавая, что именно коллективизация и индустриализация обеспечили базу для победы в войне, авторы сосредотачиваются в основном на их издержках, чрезмерных репрессиях и тяготах для народа [6, с. 227—228].

Об укреплении единства советского общества в ходе Великой Отечественной войны, о роли плакатов, радио и других средств агитации и пропаганды авторы пишут следующее: «Одновременно в целях укрепления своих устоев власть, используя средства массовой информации...

стремилась идеологизировать чувства и настроения народных масс, связать их непосредственно с социалистическими ценностями» [6, с. 254]. А почему они считают, что эти чувства не были связаны с социалистическими ценностями? В учебнике, кстати, совершенно отсутствуют сведения о героизме наших людей на фронте и в тылу, их имена.

На с. 262 говорится, как умело в своих целях И. В. Сталин использовал движение за мир, развернувшееся в начале 1950-х гг., в частности подписание Стокгольмского воззвания: был создан Советский Комитет защиты мира. При этом авторы, противореча самим себе, пишут, что Сталин стремился сдерживать амбиции агрессивных кругов (т. е. он действовал в интересах страны и народа?) и делают оговорку: впрочем, это отвечало интересам народа, только что пережившего войну. В чем же здесь уловка Сталина и двуличие его политики? Непонятно.

Провозглашая единство истории от царизма до сего дня, официальная агитация и вместе с ней школьные учебники искажают и вычеркивают из исторической памяти те страницы, без которых вообще невозможно понять нынешнюю жизнь.

Печатные издания левой оппозиции, к сожалению, не могут на равных дать отпор этим наступлениям на историческое сознание из-за недостатка средств и ограничения поля ее деятельности: радио и телевидение (в особенности) отданы под власть проправительственных и либеральных журналистов, заинтересованных в искажении исторического прошлого.

Кроме того, в оппозиционной печати отпор этим первым тенденциям дается часто так: не указываются библиографические сведения об источниках информации и аргументации автора.

Список библиографических ссылок

1. Косолапов Р., Рыченков С. Сталин: Трудный путь к правде // Советская Россия: Отеч. записки. 2012. № 142.
2. Кроче Б. Теория и история историографии / пер. с итал. И. М. Заславской; послесл. Т. В. Павловой; науч. ред. М. Л. Андреева. М., 1998.
3. Витте С. Ю. Воспоминания. М., 1960.

Вместо искажений правой оппозиции в их критике содержатся вещи другого рода. Справедливо выступая против оговора сталинского периода и преувеличения количества репрессированных, отмечая большую роль Сталина в созидательной деятельности страны, организации победы над фашизмом, авторы левого направления практически замалчивают репрессии, полностью оправдывая И. В. Сталина и сводя все к другим личностям.

Вместо анализа деятельности Л. Д. Троцкого, которая нанесла много вреда международному социалистическому движению, в частности в годы Второй мировой войны, так же как и во внутренней политике молодого советского государства, дается необоснованная оценка его деятельности, Н. И. Бухарина, Г. Е. Зиновьева, М. П. Томского как злейших врагов советской власти, что является вульгарным упрощением [7]. Различие в методах, видении путей не является само по себе проявлением враждебности, хотя объективно их позиция была, очевидно, вредной в условиях фашистской опасности, когда для страны было главным выиграть время.

Такой принцип печати левой оппозиции не вполне способствует сохранению исторической правды. Профессиональные историки выступают там крайне редко.

Историческое сознание тогда будет благотворно влиять на дальнейший путь нашей страны, на молодежь, прежде всего, когда историческое прошлое будет подано без фантазий, без утаек, на основе всестороннего анализа. Именно это позволит нашему народу сохранить себя, сохранить достоинство и единство в борьбе с ложью и социальной несправедливостью.

4. Витте С. Ю. Воспоминания (Царствование Николая II) [Электронный ресурс]. Т. 2. URL: http://royallib.ru/book/vitte_serгей/vospominaniya_tsarstvovanie_nikolaya_II_tom_2.html (дата обращения: 12.11.2012).
5. Комсомольская правда. 2012. 4 мая.
6. Левандовский А. А., Щетинов Ю. А., Мироненко С. В. История России. XX — начало XXI века: учебник для 11 кл. общеобр. учр. М., 2005.
7. Шогенов А. Оболганный Сталин // Советская Россия. 2012. № 139. С. 11—14.

© Блосфельд Е. Г., 2013

***

Т. В. Евдокимова

СОВРЕМЕННЫЕ ФАЛЬСИФИКАЦИИ ИСТОРИИ: СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ КОНТЕКСТ

В данной статье фальсификация отечественной истории рассматривается как порождение комплекса социокультурных условий, возникающих в ходе трансформации современного российского общества. Показаны место и роль историка в противодействии данному процессу.

Ключевые слова: фальсификация, искажение исторического познания, история России, истина, современность, особенности.

T. V. Evdokimova

MODERN FALSIFICATIONS OF HISTORY: THE SOCIOCULTURAL CONTEXT

The article focuses on the falsification of the Russian history that is considered as the result of a number of sociocultural conditions arising during the transformation of the modern Russian society. The author shows the role of a historian in the counteraction against this process.

Keywords: falsification, distortion of historical consciousness, history of Russia, truth, modern times, peculiarities.

Целью исторического познания является накопление возможно более точных и подробных знаний о прошлом, достоверность и объективность которых не вызывала бы сомнений. Вместе с тем процесс познания, несомненно, субъективен, как субъективно человеческое восприятие исторических источников. Фальсификация истории, будучи ее сознательным искажением, также имеет субъективные основания. Если субъективность восприятия, лежащая в основе создания и интерпретации исторических источников,

не может быть преодолена, то субъективность фальсификации, обусловленная влиянием политики и пропаганды, является объектом критики научного сообщества, стремящегося если не искоренить, то минимизировать ее проявления.

Фальсификация истории существовала на всех этапах развития исторического знания, однако ее формы, цели и приемы были обусловлены особенностями конкретных исторических эпох [1]. Современная эпоха не представляет собой исключения: проблемы индивидуального и социаль-

ного бытия человека, политические и идеологические противоречия, экономические и социальные вызовы заставляют людей не просто обращаться к прошлому, но и находить в нем те ответы, которые обосновывали и оправдывали их сегодняшние, подчас сиюминутные и конъюнктурные интересы.

Современное историческое знание как проявление историографической культуры неоднородно: оно включает три субкультуры, которые имеют различные шансы приблизиться к исторической истине. Во-первых, это субкультура профессиональных историков, опирающихся на документы и научную методологию исследования; во-вторых, это субкультура политических публицистов и идеологов, ориентированных на запрос той или иной общественно-политической группы; наконец, в-третьих, это субкультура, отражающая восприятие истории массовым сознанием [2, с. 26].

На современном этапе именно представители государственно-политической субкультуры обратили внимание общества на фальсификацию российской истории. Д. А. Медведев, будучи Президентом России, отметил важность преодоления всякого рода ненаучных и тенденциозных трактовок отечественной истории, «всякого рода негативистских концепций», которые «прививают россиянам ощущение того, что мы какие-то неполноценные...» [3, с. 3].

Почему государство поставило такую задачу? Потому что за последнее время матрица исторического сознания оказалась под угрозой стирания, так как переоценка событий прошлого и исторических личностей приняла системный характер и поставила под вопрос не просто отдельные фрагменты, но и само ядро исторической памяти общества, в отношении которого — при всех современных разночтениях и разногласиях — сложилась «консенсусная память» (А. Чубарьян). Память о Великой Отечественной войне является одним из таких событий, формирующих ядро общественного консенсуса в оценке прошлого и выступающих в качестве одного из оснований современной российской идентичности, интегрирующей общество [4].

В соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 15 мая 2009 г. № 549

«О Комиссии при Президенте Российской Федерации по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России» была создана комиссия, работавшая до 14 февраля 2012 г. Кратковременность ее существования во многом объясняется тем, что представители первой субкультуры восприняли создание данной структуры как попытку представителей второй субкультуры приблизиться к исторической истине и выразили сомнения в степени объективности исторических исследований, проводимых при патронаже партийно-политически ангажированных членов комиссии. Тогда властью был предпринят следующий шаг: учитывая, что 2012 г. связан со многими важными датами в российской истории [5], Президент России Дмитрий Медведев 9 января 2012 г. подписал указ о проведении в России Года российской истории. Согласно тексту указа Год истории проводился «в целях привлечения внимания общества к российской истории и роли России в мировом историческом процессе» [6].

Возникает вопрос: какие факторы обусловили рост искажения российской истории на современном этапе? На смену провозглашенному в 1990-х гг. лозунгу демократизации России пришла идея модернизации, ориентированная на экономические и политические преобразования. Однако, как показал опыт ряда стран, не эти две стороны модернизации, а проблема духовной свободы, личности, обладающей совестью и ответственностью перед собой, оказывается гораздо важнее, чем формальное соблюдение демократических принципов. Имеем ли мы модернизацию с человеческим лицом? Что представляет собой человек, который должен осуществлять данную модернизацию? В тех условиях, которые созданы ходом современной российской модернизации, формируется новый тип человека — «потребитель», «пользователь», созданный динамично развивающимся сектором услуг. Ориентированное на сегодняшнюю ситуацию потребление товаров и услуг качественно изменяет смысло-жизненные ценности, в том числе представление о социально-исторической перспективе человека и общества. Такой подход ставит под вопрос существование и роль духовно ориентированного социального идеала, который в отечественной исторической традиции всегда имел огром-

ное значение: будь то православная Россия или официально атеистически идеологизированный, но во многом религиозно верующий в светлое коммунистическое будущее Советский Союз.

На восприятии обществом современных процессов и установок сказываются и особенности ментальности русского человека. Понимая свободу как волю, что исторически ближе русскому человеку (вспомним названия общественных организаций «Земля и воля», «Народная воля»; главные лозунги С. Разина «Я пришел вам дать волю!»), он стал трактовать провозглашенную свободу исключительно как право выражать свои мысли, забыв об ответственности за свои поступки и действия.

Другой не менее важной особенностью современного этапа развития является переходный характер эпохи, когда одновременно сосуществуют различные политические течения и воззрения, которые оказывают большое влияние на формирование исторического сознания. В современном историческом сознании есть традиции, которые находятся в постоянном противостоянии и имеют собственные субкультуры, для которых научная аргументация не просто вторична: она почти отсутствует. Это державно-советские, державно-имперские, «шестидесятнические», западнические установки массового сознания и поведения. Их политическими представителями являются определенные силы: коммунисты, консерваторы-традиционалисты, социал-демократы, либералы. Практически любая дискуссионная проблема, попадая на поле «информационных сражений» (А. Шубин), подвергается трактовке представителями данных четырех политико-идеологических ориентаций. Наиболее рельефно это прослеживается в отношении фигуры И. Сталина. Их представители сформировали четыре разновидности мифологического образа Сталина:

— Сталин возродил «нормальный порядок», Российскую империю, разгромил внутренних и внешних врагов, повел страну по пути прогресса (державно-имперская);

— Сталин — верный ученик Ленина, создатель социализма, разгромивший антисоветские заговоры и фашизм (державно-советская);

— Сталин — создатель тоталитарной империи, где все люди, по сути, стали «зэками», убийца около 100 млн человек (западническая);

— Сталин — враг дела Ленина, предатель, погубивший революцию и революционеров («шестидесятническая»).

Борьба указанных идейно-политических позиций происходит не только в оценке личности Сталина. Среди остро дискутируемых — обсуждение мотивов германо-советского сближения в 1939—1941 гг., идея превентивного удара, вопрос о присоединении Прибалтики, цена победы и др. В ходе дискуссии по данным вопросам каждая из сторон утверждает, что точка зрения другой стороны является фальсификацией. Но мнения и факты — разные вещи.

Следующей объективной причиной возникновения питательной почвы для фальсификаций является формирование современных информационных технологий. Компьютер и Интернет оказывают двойственное влияние на современное общество. С одной стороны, благодаря современным научным технологиям значительно облегчен ввод в информационное пространство огромного объема исторических источников. Но с другой стороны, для российских историков возник ряд проблем, среди которых на первое место вышел рост недоверия общества к историческим знаниям. Историк перестал обладать монополией на интерпретацию исторического прошлого. Утрачивается представление об истории как науке. Сформировалась новая историческая культура, когда любой заходящий в поисковую систему Интернета человек получает многообразную информацию о прошлом, знакомится с разнообразными трактовками того или иного исторического события, а затем занимается собственной интерпретацией представленных позиций и мнений с претензией на историческую истину. Виртуальная реальность стирает грань между научной достоверностью, ее популяризацией и вымышленными версиями возможного развития событий, которые возникают в русле ретроальтернативистики и выдаются их авторами за реальные факты прошлого.

Ученый проигрывает публицисту, так как последний — свой в системе СМИ и развлекательной литературы, а историк — чужой, носитель иных

подходов и методов. Публицисту легче продать свой труд, чем историку. Не случайно, что в настоящее время Э. Радзинский оказался самым востребованным «историком». И если М. Задорнов, обращаясь к истокам русской народности, все-таки пытается апеллировать к анализу и истолкованию языка, то Радзинский смело осуществляет на практике трактовку истории как искусства произвольного создания смыслов и образов, поскольку автор-историк, по его мнению, имеет право на художественный вымысел.

История превратилась в «клубничку», которую можно выгодно продать, и лучше в виде сенсации. Тем, кто читает «Аргументы недели», хорошо известен С. Нехамкин. А вот начинание Виталия Третьякова, который, будучи главным редактором «Независимой газеты», сделал ряд исторических спецприложений, где предоставлял слово ведущим ученым, после его ухода из газеты было закрыто.

Изменения в стране и в мире не могли не повлиять на статус историка-исследователя: он оказался в ситуации, когда кризис традиционной методологии анализа совпал с кризисом исторического сознания общества, вынужденного менять свои ценностные и познавательные ориентиры. Для многих ученых преодоление этих трудностей было найдено в русле ментальных ориентаций: «в российской истории обыденно стремление русского человека убежать от своего настоящего и прошлого и обрести свое счастье в будущем». Русский историк «предпочитает жить в предвкушении будущего, стремясь изменить свое прошлое» (А. Громыко) [2, с. 19]. При этом «клиотерапия» не ограничивается переписыванием истории: в ряде случаев она сводится к конъюнктурной модернизации прошлого. Не это ли делают некоторые историки, например, заявляя, что отмена крепостного права подрывала основы существования дворянского класса, способствовала его разорению и ускорила формирование российского пролетариата, который привел Россию к революции 1917 г.? Или: Петр I являлся первым создателем тоталитарной системы, а реформы Избранной рады Ивана IV были прообразом и архетипом либерально-демократической модернизации современной России [7].

Сегодня в историческом сознании общества прошлое перестало представлять собой единый исторический процесс. Из него может спокойно выпасть «неактуальный» исторический период (в советское время — имперский; в настоящее время — советский).

Как современному российскому историку не потеряться в информационном пространстве и остаться преданным своему ремеслу — поиску исторической истины? Прежде всего историк в поисках истины должен придерживаться как можно более широкого круга источников, чтобы описание прошлого было верифицируемым, доказательным, системно аргументированным. Добросовестный анализ источниковой базы особенно важен во время ведения научной полемики, когда оспаривается та или иная точка зрения.

В настоящее время оживленно дискутируются проблемы Второй мировой войны, в том числе фальсификации Второй мировой войны германскими исследователями. К сожалению, можно встретить публикации, где авторы не всегда убедительны в своих оценках. С одной стороны, справедливо отмечаются официально признанные интерпретации и оценки итогов войны в современной германской историографии. Основополагающими среди них являются: трактовка разгрома нацизма как освобождения немцев (наряду с другими народами Европы) от гитлеровской тирании; признание законности Нюрнбергского и Токийского трибуналов, их приговоров, а также решений держав-победительниц в отношении Германии, принятых в военное и послевоенное время; безальтернативное осуждение нацистского прошлого, прежде всего холокоста; приоритетное и непреходящее значение покаяния и исторической ответственности немцев и германского государства за преступления нацистов. С другой стороны, некоторые российские авторы, оппонировавшие зарубежным коллегам по достаточно известным тезисам, не указывают даже имени германского ученого, а ссылаются в основном на массовые периодические издания, например журнал «Шпигель» [8]. Не думаю, что это дает повод для тотальной критики всех немецких историков, которые существенно различаются в своих методологических и ценностно-идеологических предпочтениях. Знакомство со сборниками

статей, которые готовит Совместная германо-российская комиссия [9], убеждает в этом. Примером аргументированных работ по критике фальсификаций российской истории можно назвать книги доктора исторических наук, профессора Н. Л. Нарочницкой [10].

При написании микроистории нельзя не учитывать исторический контекст, в котором данное событие происходит, то есть микроистория неотделима от макроистории. Нельзя вырвать один факт и на его основании делать какое-то заключение. Например, говорить о жестокой политике П. А. Столыпина на основании введения военно-полевых судов без учета общей обстановки в стране и многократного покушения на его жизнь и жизнь родных. Или, несомненно, трагической являлась судьба немцев Поволжья, татар, калмыков, чеченцев и других народов, выселенных в годы войны на другие территории, но при этом необходимо учитывать общую ситуацию в стране в целом [11].

Историк не может жить изолированно от окружающего мира. Речь идет о том, насколько возможно и нужно сочетать государственные приоритеты и интересы личности. Государственная линия настаивает на необходимости создания патриотической, спланивающей народ истории, формирующей национальную идентичность и самосознание индивида. Противоположное ей направление настаивает на противоречивости и неоднозначности событий и фактов и провоз-

глашает необходимость плюралистических, идеологизированных концепций и построений, признает исключительно свободный выбор суверенной личности вне всякого внешнего контроля и влияния.

В этом «поиске гармонии государственного и частного» [12] историк должен оставаться честным. Морально-нравственный императив историка требует писать правдиво, раскрывая, насколько возможно, неявные мотивы. Так, например, российский историк С. Случ, изучающий многие годы советско-германские отношения в межвоенный период, является последовательным антисталинистом. Но, тем не менее, он убедительно разоблачает фальшивку, приписывающую Сталину захватнические планы на основании текста речи, якобы произнесенной им на расширенном заседании Политбюро ЦК ВКП (б) в августе 1939 г. [13]. Этими разоблачениями С. Случ не защищает Сталина, а восстанавливает историческую истину.

Из трех выделенных нами ранее субкультур исторического знания как наибольшей вероятностью приближения к исторической истине обладают представители научной субкультуры, профессиональные историки. Именно на них лежит основная ответственность за поиск достоверного исторического знания. В настоящее время это обусловлено не только стремлением (через исторические примеры помочь людям изменить свою жизнь к лучшему), но и необходимостью сохранения своей российской идентичности.

Примечания

1. Фальсификаторы истории (Историческая справка). М.: ОГИЗ, Главполитиздат, 1948.
2. Международная научная конференция на истфаке МГУ «Может ли история быть объективной?» // Новая и новейшая история. 2012. № 3. С. 3—40.
3. Цит. по: Замостьянов А. Страна с непредсказуемым прошлым // Лит. газ. 2011. № 37.
4. В своей заключительной речи на заседании оргкомитета «Победа», посвященном предстоящему празднованию 65-летия окончания Второй мировой войны, президент Медведев с недоумением рассказал о попавших к нему в руки материалах по подготовке ЕГЭ для школьников. Он зачитал один пример из теста: «На вопрос, что является следствием коренного перелома в годы войны, предлагаются такие варианты ответа, как «выход Японии из войны» или «распад антигитлеровской коалиции», или «расстрел всех немецких военнопленных, находившихся в советском плену» // См.: В Санкт-Петербург вернулся Ленинград // Известия. 2009. № 13; Тесты раскритикованы, а Фурсенко рулит // Советская Россия. 2009. № 8.

5. 2012 — Год российской истории [Электронный ресурс]. URL: <http://delovoysaratov.ru/calendar/2012-russian-history> (дата обращения: 30.11.2012).
6. Указ о проведении Года российской истории [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/acts/14238> (дата обращения: 30.11.2012).
7. Янов А. Российские либералы против Русской истории // Дружба народов. 1997. № 1. С. 112—130.
8. Кравченко И. И. Современный германский взгляд на историю Второй мировой войны // Военно-исторический журнал. 2012. № 5. С. 12—14.
9. Сообщения Совместной комиссии по изучению новейшей истории российско-германских отношений / под ред. А. Чубарьяна и Х. Меллера. Мюнхен, 2010.
10. Нарочницкая Н. А. Великие войны XX столетия. Ревизия и правда истории. М.: Вече, 2010.
11. Д. В. Гаврилов приводит интересный факт, что за профашистскую пропаганду и по подозрению в сочувствии фашизму в Великобритании было депортировано и репрессировано (посажено в тюрьмы, заключено в концлагеря) не менее 104 тыс. человек. По официальным американским данным, в концлагеря было заключено около 120 тыс. японцев. По сведениям японских авторов, их было больше — около 300 тыс. В 1988 г. Конгресс США принял закон, в котором выражалось сожаление по поводу допущенной «вопиющей несправедливости» и гарантировалась выплата им необлагаемой налогами суммы в 20 тыс. долларов // Гаврилов Д. В. Двойные стандарты в оценке внутренней политики стран антигитлеровской коалиции в годы Второй мировой войны // Военно-исторический журнал. 2012. № 1. С. 3—9.
12. Карпов С. П. Историческая наука и историческое образование в современном информационном пространстве: тупики и перспективы [Электронный ресурс]. URL: http://www.hist.msu.ru/Science/History/karpov2009_2.htm (дата обращения: 30.11.2012).
13. Случ С. З. Речь Сталина, которой не было // Отечественная история. 2004. № 1. С. 113—139.

© Евдокимова Т. В., 2013

***

Г. А. Печников

ФОРМАЛЬНАЯ ИЛИ ДИАЛЕКТИЧЕСКАЯ ЛОГИКА ДОЛЖНА ОПРЕДЕЛЯТЬ УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС?

В статье критически оценивается состязательный УПК РФ, отрицающий объективную истину и не выходящий за пределы формально-логического закона тождества: «состязание для состязания» — и пусть победит «сильнейший». Отстаивается необходимость исходить из материалистической диалектики как подлинно научного закона мышления и познания. Диалектика требует уголовного процесса с объективной истиной в отличие от процесса с формально-юридической, «состязательно-выигрышной» истиной.

Ключевые слова: диалектика как научный метод познания и мышления, диалектическая логика, формальная логика, состязательный уголовный процесс, объективная истина, формально-юридическая истина, состязательно-выигрышная истина.

G. A. Pechnikov

IS IT FORMAL OR DIALECTIC LOGIC THAT SHALL DETERMINE CRIMINAL PROCEDURE?

The author evaluates in a critical manner the adversary Code of Criminal Procedure of the Russian Federation denying the objective truth and not going beyond the formal logical law of identity: “argument for the sake of argument” and “may the best man win”. The article concentrates on the necessity to use materialistic dialectics as the genuine scientific law of thinking and cognition. Dialectics requires criminal procedure based on the objective truth, as distinguished from criminal procedure based on the formal legal “adversary-winning” truth.

Keywords: dialectics as a scientific method of thinking and cognition, dialectic logic, formal logic, adversary criminal procedure, objective truth, formal legal truth, adversary-winning truth.

Метод — основа всякой науки. Безусловно, важен метод познания, метод теоретического осмысления действительности. И в этом отношении мы не можем разделить существующий в науке подход, идеализирующий традиционную формальную логику и рассматривающий ее в качестве универсального, всеобщего «закона мышления» (такой подход мы обнаруживаем и у законодателя в действующем состязательном УПК РФ). Однако рамки применения элементарной формальной логики, ее законов, правил ограничены, они верны лишь в определенных пределах. Например, важно ее правило, оберегающее от нелепых противоречий самому себе, от детской манеры перескакивать от одного категорического утверждения к прямо обратному без всяких объективных на то оснований.

Формальная логика основана на запрете противоречия, на принципе «исключения противоречия». Ее основу составляет закон тождества « $A=A$ ». Однако в своей сущности окружающий нас мир устроен не элементарно «формально-логически» — устроен он *диалектически*. Поэтому подлинным, всеобщим и универсальным законом мышления может выступать только материалистическая диалектика как теория и логика познания. На этом основании законы и принципы диалектики необходимо учитывать повсюду, включая и сферу уголовного процесса. Ядро диалектики составляет закон единства и борьбы противоположностей, выражаемый формулой « A и не- A ». «Какой-либо иной логики, могущей выступать наряду с диалектикой, составлять ее „дополнение“ или конкурировать с ней в борьбе за умы

ученых, не существует в силу того обстоятельства, что диалектическое понимание мышления (Логика с большой буквы) в составе своей концепции включает на правах частных все те „рациональные зерна“, которые старая, чисто формальная логика в себе содержала, но придавала им абсолютно непререкаемое значение „закона мышления“ [1, с. 132].

«Все существующее (а значит, и все мыслимое) есть единство и борьба противоположностей» [2, с. 68]; «...Именно *противоречие*, а вовсе не его отсутствие оказывается той реальной *логической* формой, в рамках которой совершается действительное мышление, реализующее себя в виде развития науки, техники и «нравственности» [1, с. 126]. Потому-то Гегель и имел право высказать свое парадоксальное утверждение: «Противоречие есть критерий истины, отсутствие противоречия — критерий заблуждения» [3, с. 265].

Стирание диалектических противоположностей, например, между добром и злом, субъективным и объективным, целью и средствами, формой и содержанием, вероятностью и достоверностью, истиной и заблуждением, неотвратимостью ответственности виновных и их безнаказанностью — это не научный, не диалектический подход. Противоположности, наоборот, необходимо оттенять, доводить их до остроты антиномий. Однако законодатель в состязательном УПК РФ стирает различия между диалектическими противоположностями, в частности между формой и содержанием.

Процессуальная форма в УПК РФ «самоценна» [4, с. 16]. Состязательная процессуальная форма в либеральном УПК России самодостаточна, состоя-

занием сторон выявляется сильнейший, победитель, а объективная истина как цель и принцип процесса оказывается излишней. УПК РФ — это процесс «чистой состязательности», отрицающей объективную истину; процессуальная форма в нем имеет первенство над реальным содержанием; явно проявляется «приоритетность установленной законом процедуры судопроизводства по сравнению с задачей установления фактических обстоятельств дела» [4, с. 8—9], т. е. формальная (формально-юридическая) истина имеет преимущество над объективной. Содержание в состязательном УПК РФ (вопреки диалектике) отождествляется с формой, форма «поглощает» содержание, стирается различие между названными диалектическими противоположностями, поэтому в УПК РФ мы неизбежно получаем подход «что по форме правильно, то и «истинно» (формально-истинно). Но тогда на практике не исключается, что «по форме может быть и правильно, а по существу — издевательство». Формальная логика оперирует лишь готовыми знаниями, понятиями, отвлекаясь от источника этих знаний, их отыскания, запечатления, удостоверения, документирования и практической проверки, т. е. всего того, что также составляет содержание процесса доказывания [5, с. 294].

Безусловно, формально-логические приемы, правила имеют немаловажное познавательное значение. Следовательно, например, необходимо мыслить логически точно, непротиворечиво при выдвижении версий и иной мыслительной деятельности в процессе расследования уголовных дел. Ему необходимо знать логические правила и основные законы формальной логики (закон тождества, непротиворечия, исключенного третьего и др.). Однако чтобы обеспечить истинность выводов, установить объективную истину по делу, необходимо исходить из всестороннего учета конкретных обстоятельств дела, но это уже является преимуществом диалектической логики, «живую душу» которой составляет «конкретный анализ конкретной ситуации» [6, с. 136]. Диалектика не устраняет формальной логики, а только лишает ее законы абсолютного значения. И. Кант диалектическую логику назвал трансцендентальной, или логической истиной [7, с. 66, 72].

Он утверждал, что подлинно всеобщими, изначальноными и фундаментальными логическими формами являются вовсе не те формы, которые считались таковыми в традиционной формальной логике. Они скорее «второй этаж» логической науки и, стало быть, производны, вторичны и верны лишь постольку, поскольку согласуются с более всеобщими и важными положениями, касающимися *синтеза* определений в составе понятия и суждения [7].

Сама модель современного УПК РФ состязательная. Отсюда все в нем пронизано состязательностью, состязанием сторон — обвинения и защиты, все в нем «осостязательствовано»: и цель (назначение уголовного судопроизводства — ст. 6 УПК РФ), и принципы процесса, и правовые институты. Поэтому основной подход в УПК РФ (по сути, основополагающий принцип) таков: «состязание для состязания» — и пусть победит «сильнейший». Все в пределах, рамках состязательности, и ничего сверх состязательности. Но ведь это тавтология, подход с позиции формально-логического закона тождества « $A=A$ ». И все в состязательном уголовном процессе России осуществляется в соответствии с формально-логическим законом тождества: «обвинение есть обвинение», «защита есть защита» (кто победит, зависит от самих сторон); «процессуальная форма для формы» (а не для достижения высокой социально-значимой цели — полное, достоверное, истинное раскрытие преступлений, неотвратимость ответственности виновных, которая непременно должна быть в уголовном процессе и всегда должна выходить за пределы формы), «процессуальные гарантии для гарантий», «права личности для прав» и т. д.

Какие бы доводы теоретического, исторического, идеологического, политического, логического, юридического толка не приводили бы в защиту либерального УПК РФ, он остается элементарным, упрощенным, «одноплоскостным» (поскольку все в нем в интересах и рамках состязательности), формально-юридическим процессом, процессом выявления «сильнейшего» в противоборстве двух формально равных сторон на уровне перетягивания каната; процессом без общей социально важной цели; процессом в пределах формальной логики и отрицания диалектики, объективной

истины; процессом самоценной и самодостаточной юридической формы.

Это процесс на уровне формально-логического закона тождества. Возьмем известные суждения: «Иван есть Иван», «Жучка есть Жучка», «роза есть роза» и т. п. В таком же формально-логическом ключе работает и законодатель в состязательном УПК РФ: «обвинение есть обвинение», «сторона обвинения должна подтвердить обвинение (обвинительный тезис), чтобы выиграть дело», «победитель есть победитель», «побежденный есть побежденный». Это тавтология. Для формальной логики «отдельное» есть только «отдельное», а «общее» есть только «общее». Тем самым игнорируется диалектическая взаимосвязь между «отдельным» и «общим». Для диалектики же и в «отдельном» есть «общее»: «Иван есть человек», «Жучка есть собака», «роза — это цветок». Обвинительный тезис следователя должен быть не просто обвинительным (обвинительно-выигрышным), а объективно-истинным (соответствовать действительности), т. е. обвинение должно содержать в себе нечто большее, чем чисто формальное обвинение, имеющее лишь одну выигрышную направленность. Обвинение должно находиться в системной связи с объективной истиной как общей целью доказывания; обвинение должно быть одним из важных витков на пути познания объективной истины по уголовному делу. «Всякое отдельное есть (так или иначе) общее» [7, с. 67] — в этом состоит диалектика.

В состязательном УПК РФ обвинение, выдвинутое стороной обвинения, носит «выигрышный» характер. Для следователя важно формально подтвердить надлежащими юридическими доказательствами обвинительную версию предварительного следствия, чтобы выиграть дело у стороны защиты, «доказать обвинение» (а не объективную истину). Соответствует ли это обвинение реальной действительности, этот объективно необходимый вопрос в состязательном процессе фактически не ставится. Важна одна формальная сторона — формальная доказанность обвинения. В состязании сторон сторона защиты аналогично подходит к обоснованию своих претензий на выигрыш дела.

В состязательно-выигрышном процессе без необходимой общей высокой цели имеется лишь одно элементарное «чистое обвинение», «обвинение для обвинения», обвинение как самоцель и одна элементарная «чистая защита», «защита для защиты», защита как самоцель, т. е. *обвинение* и *защита* без системной взаимосвязи с объективной истиной, без диалектической взаимосвязи «отдельного» с «общим». Поэтому в состязательном уголовном судопроизводстве обвинение не лишено некоторой односторонности, предвзятости, тенденциозности, обвинительного уклона. Соответственно, предвзята в состязании сторон и защита.

Прав И. Л. Петрухин, подчеркивая состязательную сущность современного УПК РФ: «Неверно, что стороны объединены стремлением к одной цели — достижению истины. Подсудимый и защитник далеко не всегда заинтересованы в ее установлении. Их вполне устраивает ситуация, когда истина не достигнута, преступление не раскрыто, виновный не установлен. Ведь при недоказанной виновности обвиняемый считается невиновным. А вот прокурор должен доказать суду, что им установлена истина. В противном случае подсудимый будет оправдан» [8, с. 74].

Естественно, в состязательном уголовном процессе, в котором все «осостязательно», включая истину по уголовному делу, речь не может идти об установлении объективной истины, а лишь о «состязательно-выигрышной истине», «истине победителя состязания», т. е. об «истине стороны обвинения», либо «истине стороны защиты» в зависимости от того, кто из них сумел одержать победу в конкретной поединке (правовом споре) сторон.

В реформированном уголовном процессе России произошла принципиальная смена приоритетов: не раскрыть полно, достоверно преступление, а выиграть дело в пользу одной из сторон. Соответственно, и процесс доказывания, и сами доказательства в состязательном уголовном судопроизводстве имеют не объективно-истинную, а состязательно-выигрышную направленность и содержание. Процесс доказывания в состязательном процессе не осуществляется в естественно-познавательном диалектическом движении от незнания к знанию, от вероятности к достоверности,

от версии к истине, а направлен на выявление «сильнейшего» в состязательном поединке сторон. Цели существенно занижены в состязательном УПК РФ. Вместо достижения *общей* социально важной цели — достоверно-истинного раскрытия преступлений (борьба с преступностью) имеются лишь отдельные прагматически-выигрышные цели двух противоборствующих сторон — обвинения и защиты, а назначение состязательного уголовного судопроизводства сводится к определению «сильнейшего» в поединке сторон, т. е. цель УПК РФ не выходит за пределы состязательности.

Состязательный уголовный процесс знает только «победителя» и «побежденного». В этой системе координат сильный не бывает виновным. В состязательном уголовном процессе все относительно, релятивно, так как действительно виновный может выиграть процесс (дело), а невиновный — проиграть.

Если подходить диалектически, в научно построенном уголовном процессе мы должны различать *общую* (государственно-публичную) цель и *отдельные* цели (цели-средства) на уровне состязательно-прагматического, диспозитивного, частного, индивидуального интереса сторон (например личный, «выигрышный» интерес потерпевшего и обвиняемого).

Борьба с преступностью, неотвратимостью ответственности, установление объективной истины по делу, защита прав личности должны входить в *общую цель* уголовного судопроизводства.

Если мы ограничимся в судопроизводстве только уровнем *отдельных целей*, т. е. преувеличим их значение, будем идеализировать данный уровень целей и на этом основании откажемся от *общей цели* уголовного процесса, то получим, с позиции диалектики, несовершенный процесс, который останавливается на «вероятно-юридической» истине. При этом, соответственно, ослабляются, снижаются публично-правовые аспекты контроля над преступностью и защиты прав личности в уголовном судопроизводстве.

Если, допустим, ловкий преступник благодаря красноречивому адвокату выигрывает состязательный поединок, уходит от законной ответственности и, пользуясь безнаказанностью, вновь

совершает преступления — разве от этого не страдают интересы государства и не ущемляются права и интересы потерпевших?

Объективно необходимы учет, взаимосвязь, взаимодействие *отдельных* целей (целей-средств) и *общей* цели уголовного процесса. Таково требование диалектики, иначе уголовный процесс неполноценен, не может по-настоящему быть непредвзятым, объективным, справедливым. *Отдельные* же цели сторон, которые в состязательном процессе, по сути, предоставлены самим себе и диспозитивно реализуют свой процессуальный интерес, не в состоянии заменить, восполнить отсутствие в законе необходимой *общей* государственно-публичной цели уголовного судопроизводства. Это означает, что ослаблена государственность в данном важном вопросе. Следовательно, в таком процессе неминуемо будут ослаблены возможности и уголовно-процессуальные гарантии борьбы с преступностью и защиты прав личности в уголовном судопроизводстве. Все взаимосвязано [9, с. 102].

Как известно, софисты Древней Греции отрицали всякие *общие* определения, понятия, например «добродетель», «справедливость», «истина». Такие общие понятия объявлялись фикцией [10, с. 174]. Софисты отрицали все *абсолютное*, а признавали только *относительное*. В основе данного мировоззрения лежал индивидуализм, субъективизм, релятивизм. Они исходили из того, что никаких объективных знаний нет, а есть только «мнения», тем самым игнорируя диалектику, объективную истину и идеализируя формально-логический подход. Так, формально-логический закон тождества просматривается в известном принципе софиста Протагора: «Человек — мера всех вещей» (на той же позиции стоит и современный законодатель в УПК РФ с ярко выраженной, «чистой» состязательностью). Однако существуют объективные диалектические силы, закономерности, стоящие над человеком и действующие независимо от воли, сознания человека и человечества, с которыми необходимо считаться и учитывать в теории и на практике, если подходить действительно научно, а не поступать вопреки диалектике. Диалектика же требует исходить из объективной истины.

Известно, что Сократ отрицал положение софистов об относительности истины, подчеркивая

ее абсолютный характер. Для этого философа абсолютная истина божественна, она выше человеческих суждений и является (в противоположность Протагору) мерой всех вещей [11, с. 47—48].

Не может претендовать на подлинную научность уголовный процесс, не учитывающий философской диалектики. «Научное мировоззрение, — писал Э. В. Ильенков, — в составе которого нет философии, логики и теории познания (речь идет о материалистической диалектике — Г. П.),

такой же нонсенс, как и «чистая» философия...» [7, с. 270]. Метод, таким образом, как отмечал Гегель, «есть не внешняя форма, а душа и понятие содержания» [12, с. 423].

Диалектика, диалектический метод требуют уголовного процесса с объективной истиной, в отличие от действующего формализованного процесса с формально-юридической, «состязательно-выигрышной» истиной

Примечания

1. Ильенков Э. В. Проблемы противоречия в логике // Диалектическое противоречие. М., 1979. С. 122—143.
2. Лосев А. Ф. Дерзание духа. М., 1988.
3. Гегель. Работы разных лет. М., 1970. Т. 1.
4. Михайловская И. Б. Настольная книга судьи по доказыванию в уголовном процессе. М., 2006.
5. Теория доказательств в советском уголовном процессе / отв. ред. Н. В. Жогин. 2-е изд., испр. и доп. М., 1973.
6. Ленин В. И. Полн. собр. соч.: в 55 т. М., 1965—1980. Т. 41.
7. Подроб. об этом см.: Ильенков Э. В. Диалектическая логика. Очерки истории и теории. М., 1974.
8. Петрухин И. Л. Оправдательный приговор и право на реабилитацию: моногр. М., 2009.
9. Печников Г. А. Диалектические проблемы истины в уголовном процессе: моногр. Волгоград, 2007.
10. Кессиди Ф. Х. Сократ. Ростов н/Д, 1999.
11. Латинские юридические изречения / сост. и авт. предисл. проф. Е. И. Темнов. М., 2003.
12. Гегель. Энциклопедия философских наук: в 3 т. М., 1975. Т. 1. Наука логики.

© Печников Г. А., 2013

***

В. В. Попов

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ФАЛЬСИФИКАЦИИ ИСТОРИИ

В статье раскрываются возможности фальсификации истории через методологические особенности формирования историографии. Отмечается неизбежный субъективизм реконструкции исторических событий. Указывается на особенности изложения в СМИ исторических событий. На примере сталинских репрессий показана связь между историографией как ценностной интерпретацией истории и возможностью управления общественным сознанием

Ключевые слова: историография, ценностная интерпретация истории, закономерности в историографии, прагматическая рефлексия, причинность в гуманитарных науках, сталинские репрессии, фальсификация истории, управление государством, управление общественным сознанием.

V. V. Popov

SOME ISSUES OF FALSIFICATION OF HISTORY

The article draws attention to the possibilities of falsification of history via methodological peculiarities of historiography formation. The author points out the inevitable subjectivism of the reconstruction of historical events as well as the peculiarities of their narration in mass media. The article shows the connection between historiography as a value interpretation of history and the possibility to control public consciousness through the example of Stalin's repressions.

Keywords: historiography, value interpretation of history, common factors in historiography, pragmatic reflection, causality in humanities, Stalin's repressions, falsification of history, government, control of public consciousness.

Актуальность данной статьи обусловлена важностью управленческого аспекта интерпретации прошлых событий из жизни страны. Толкование истории — весьма серьезный инструмент управления общественным сознанием. Если *убедить* группу людей, что есть общечеловеческая, нормальная, т. е. *хорошая* линия развития, а есть отклонения от нормы, то естественным побуждением людей будет жизнь согласно нормальной линии развития. Следует подчеркнуть, что речь вовсе не обязательно должна идти о доказывании подобных постулатов. Существует не менее востребованное убеждение.

Между доказыванием и убеждением связь может быть весьма туманной: слишком уж различны цели и средства. Можно доказать, не убедив, а можно убедить, ничего не доказав. Однако весьма существенные различия не мешают определенным субъектам произвольно взаимозаменять данные термины. Впрочем, чаще речь идет о подмене доказывания убеждением. Такая подмена далеко не всем очевидна. Даже если речь идет не о политической пропаганде, а о науке. Еще Ницше сетовал: «...(одаренным людям) достаточно найти вообще какую-нибудь гипотезу по данному вопросу, и тогда они пламенно защищают ее и полагают, что этим сделано все. Иметь мнение — значит у них уже фанатично исповедовать его и впредь приютить в своем сердце в качестве убеждения. В необъясненном вопросе они горячатся в пользу первой пришедшей им в голову выдумки, которая похожа на объяснение, — из чего, особенно в области политики, постоянно получают наихудшие результаты...

Более того, присматриваясь повнимательнее, замечаешь, что огромное большинство всех образованных людей требует от мыслителей убеждений, и одних убеждений, и что лишь ничтожное меньшинство ищет *достоверности*» [1, с. 635].

Благодатной почвой для формирования убеждений о настоящем через восприятие и оценку прошлого является история.

Следует понимать, что реальная история как череда событий — это одно явление. Это собственно и есть история. Совсем другое явление — описание и объяснение этих событий — это реконструкция истории, которая будет в контексте данной статьи именоваться «историографией».

В случаях серьезной фальсификации история и историография могут иметь друг к другу очень отдаленное отношение. В историографию практически невозможно включить все события реальной истории. Любой историк будет вынужден выделить для описания исторического отрезка более и менее масштабные или же значимые события. При этом он будет вынужден использовать ту или иную схему *интерпретации* масштабности, значимости событий. Столь же необходимой будет и выделение *причинных* [2] связей между событиями. Это демонстрируется упоминанием о том, что история (в значении историографии) позволяет установить закономерности исторических событий. Следовательно, если речь идет об историографии явлений политического, социального и экономического характера, то историк будет вынужден давать оценку (например значимости) событиям политического, социального и экономического харак-

тера [3], а затем связывать, например, политические и экономические события.

Конечно, можно попробовать возразить, говоря, что данное рассуждение приписывает науке субъективизм, что историк не связывает события произвольно, а лишь выявляет закономерности, которые объективно существуют между событиями. На это можно ответить следующим образом, апеллируя уже не только к здравому смыслу, но и к специальным знаниям.

К основным функциям науки в рассматриваемом контексте относятся описание (линия Паскаля-Ампера в понимании теории), объяснение (линия Декарта-Лапласа) и прогноз (линия Конта).

Если говорить об объяснении, то необходимо отметить, что в науке издавна существуют два направления объяснения. Это аристотелевская и галилеевская схемы объяснения. Более тщательный подход заставляет говорить об аристотелевском понимании и галилеевском объяснении, но в нашем контексте ограничимся двумя направлениями именно объяснения.

Как известно, упоминая галилеевскую схему, нужно говорить о еще платоновской концепции, но отнесение ее к Галилею является более распространенным, хотя необходимо отметить также немаловажную роль именно Галилея в ее развитии. Строгая естественность и объективность процессов предполагает возможность использования именно галилеевской дедуктивно-номологической конструкции, когда утверждение, описывающее событие, дедуцируется (логически выводится в рамках субъектно-предикатной схемы) из общих законов (необходимых физически, законов природы — *potos*), описывающих предшествующие условия. Общий закон является объясняющим, если он дедуцируется из более исчерпывающего закона [4, с. 9]. Иными словами, такая модель объяснения возможна лишь в сфере *наук естественных*. Данная модель объяснения вообще (отдавая дань научному оптимизму, можно добавить — по крайней мере, на настоящий момент) не может быть применима к гуманитарным наукам. Именно поэтому можно согласиться с Г. Х. фон Вригтом (Райтом) в том, что для *наук гуманитарных* используется аристотелевская модель — телеологическое и мотивационное

объяснение. Недаром Гемпель отмечал такое свойство данного объяснения, как антропоморфность [4, с. 103]. Если же считать цели и мотивы поведения *субъекта* объективными, то это представляется не совсем удачным оперированием термином «объективность» в гуманитарных контекстах, поскольку оно сопряжено с уходом термина от своей картезианской [5] «исторической родины» — сфер гносеологических. Иными словами, в историографии невозможно установить причинность как физически или логически необходимую связь между явлениями, которые являются в основе своей (как и во всех иных гуманитарных науках) поведением человека. Таким образом, как цели и мотивы, порожденные сознанием одного субъекта, так и осознаваемые другим субъектом связи между этими целями и мотивами, не могут исключать субъективизма. Поэтому можно говорить о том, что историк связывает между собой те или иные исторические события, а также об intersубъектности в конструируемых связях явлений и событий.

Напомним, в среде историков не было и нет единства мнений, например о периодизации как всемирной истории, так и истории отдельных стран. Согласно взглядам античного мыслителя Гесиода человеческая история делится на века — циклы, каждому из которых соответствует определенное поколение людей. Ход истории изображается как последовательная смена золотого, серебряного, медного, героического и железного веков. Джамбаттиста Вико (1668—1744 гг.), автор «Оснований новой науки об общей природе наций» разделил историю человечества на Век богов, для которого характерны догосударственный строй, появление семьи, религии, письменности, правовых представлений; Век героев — эпоху господства аристократии, ожесточенных столкновений феодалов и крестьянства; Человеческий век — времена буржуазных республик, «гуманной монархии», подъема городской жизни, царства разума.

Если использовать периодизацию «древний мир — средневековье — новое время — новейшее время», то такой период, как Средние века, позволяет включать в конкретные хронологические рамки лишь определенные государства. Но данное включение — это уже оценка развития, причем оценка,

дающая основу всей интерпретации истории. Например, можно говорить о евро(по)центристской схеме историографии.

Кроме того, часто упоминается в отечественной историографии и юридической науке о недостаточной универсальности формационной типологии в интерпретации истории государства и права и обосновывается необходимость перехода к цивилизационной типологии. При этом общепризнанно, что одним из ключевых, определяющих компонентов понятия «цивилизация», как в стадийном, так и в локальном цивилизационных подходах, является понятие культуры — одно из самых сложных в научно-гуманитарной сфере. Поэтому применительно к нашему рассуждению можно ограничиться духовным компонентом культуры, дополняющим политический и социально-экономический объекты историографической интерпретации. Помимо этого, самостоятельная, метасистемная важность культурного компонента здесь обусловлена его способностью вносить в интерпретацию момент аксиологической оценки рассматриваемых событий из прошлой жизни общества. Например, А. Фергюсон (1723—1816) в «Опыте истории гражданского общества» интерпретировал историю как смену эпох дикости, варварства и просвещения.

Таким образом, историография представляет собой ценностную интерпретацию жизни конкретного государства, если речь идет об интерпретации политической и социально-экономической истории. Поскольку мы говорим о необходимости выборки событий и их соединении ради целей объяснения *задаваемой* последовательности (задается она в силу именно выборки), то в целом любая историография есть *схема ценностной интерпретации* событий реальной истории. Совершенно очевидно, что в данном случае подобная схема интерпретации имеет в своей методологической основе политическую, социальную, экономическую теорию [6].

Таким образом, выбираемая объясняющая теория будет задавать методологическую основу схеме ценностной интерпретации реальной истории. Это и будет предопределять результат — как мы в целом *предлагаем* видеть реальную историю. Помимо описанного выше неизбежного

субъективизма необходимо добавить, что в историографию весьма часто вносят избыточный субъективизм, произвольность.

Опасность данного явления обусловлена тем, что необходимо различать неизбежную и избыточную субъективность, для чего обычно требуются специальные познания. Сложность этой задачи возрастает в силу нескольких обстоятельств. Прежде всего, если вести речь об изложении исторических событий, то выходит примат убеждения над достоверностью. Главным образом, это связано с тем, что большинству людей легче принять убеждение, чем проанализировать доказательство, что вполне можно понять. Процесс научного познания — занятие трудоемкое, а потому ценность его для широких слоев населения далеко не самоочевидна. В этом контексте слова руководителя секции истории отделения историко-филологических наук, директора Института этнологии и антропологии РАН В. А. Тишкова о том, что в последние годы академические гуманитарии в большинстве своем в полемику не вступали и превзойти тиражи неопитов от истории не пытались, зато работали в архивах, издавали документы, писали монографии и коллективные труды [7], можно лишь с одной стороны считать комплиментом ученым-историкам.

Любая научная конференция, круглый стол и тому подобное мероприятие вряд ли будут иметь в настоящее время большой, а тем более эффективный социальный резонанс. Причина этого хотя бы в том, что академическая среда в любом современном обществе, даже если там высоки уровни и образования (т. е. само качество образования), и образованности (т. е. удельный процент населения с законченным средним и высшим образованием), ничтожна мала. Любые научные изыскания весьма далеки от основной массы населения. Можно сделать небольшую оговорку относительно наук естественных. Население готово употребить результат — технологические плоды прикладных научных изысканий (например, компьютер более компактный, более мощный и пр.). Сам процесс изысканий интересует главным образом тех, кто в нем сознательно участвует. И это объясняется как особенностями психологии, так и реалиями современной жизни.

Если же вести речь о науках гуманитарных, и особенно исторических, то взгляд на прошлое 20-летней давности не позволяет выявить хотя бы одно явно названное в качестве такового достижение научно-исторической мысли, которое бы действительно появилось как плод *научных* изысканий и *эффективно* выполнило социальные функции, присущие любой науке. Такая удаленность от общества не имеет непосредственной связи с качеством научного исследования. Именно поэтому трудоемким доказыванием и научной достоверностью можно легко пренебречь в процессе приближения историографической информации к населению, т. е. ее популяризации, а также актуализации ее важности. Здесь гораздо более действенными оказываются внешние атрибуты, форма подачи информации. Так, подсчет адресной аудитории в отношении информации, представленной через научно-представительское, конкурсно-оценочное мероприятие, научное издание и т. п., и информации центрального телеканала в вечернее время укажет на эффективность ее распределения среди широких слоев населения.

В процессе популяризации и актуализации исторической информации можно легко пренебречь научной методологией как социальным аттрактором, заменив ее эффективной формой предоставления информации.

Таким образом, налицо, во-первых, реальная возможность выбора той или иной схемы ценностной интерпретации истории, а во-вторых, — возможность убеждающей правдоподобности выбранной схемы.

Для «включения» механизма фальшивых схем историографии необходим мотив фальсификатора. Основой его является важность выбранной оценки прошлого. Поскольку самоочевидно взаимодействие прошлого с настоящим, то оценка настоящего теснейшим образом связана с оценкой прошлого.

Непосредственную связь с эффективностью восприятия имеет прежде всего форма подачи убеждающей информации по темам российской истории.

Со времен Платона и Аристотеля различают два метода убеждения: диалектический и эристи-

ческий. Пропонент-диалектик сообщает оппоненту ту информацию, в которую верит сам, и приводит в ее защиту те аргументы, которые убедили его самого. Пропонент-эрист стремится убедить пропонента в правильности той информации, вера в которую выгодна ему или его заказчикам.

Здесь мы имеем дело с тем, что Гегель называл прагматической рефлексией в качестве одного из видов историографии. Этим типом интерпретации истории автор называл стремление использовать описываемые явления и факты истории для каких-то выводов или поучений своих современников.

Ключевую роль в негативной интерпретации событий отечественной истории играли сталинские репрессии. В основе ее лежит банальная фальсификация. В пик событий реальной истории выставлен устойчивый образ фальшивой историографии.

Вполне естественно, что этот образ формируется преимущественно у максимально широкой аудитории. Именно поэтому он моделируется через средства массовой информации. Помимо названных предпосылок фальсификации истории при использовании СМИ в качестве ретранслятора фальшивой историографии появляется еще одна предпосылка: научная безответственность автора и исполнителя. Истоки такой безответственности — отсутствие механизма эквивалентного опровержения предлагаемой массовому сознанию информации (или хотя бы оппонирования). Общеизвестно, что доступ в соответствующие СМИ имеют далеко не все субъекты, осознающие факт фальсификации. В силу этого факт такой безответственности имеет важное преимущество. Авторитетный (это вовсе не обязательно научный авторитет историка) человек не подорвет (в отношении подавляющего числа адресатов информации) свой авторитет, сколь бы не были далеки от реальности излагаемые им «факты истории».

Говоря об авторитетности, можно добавить, что на заре фальсификации сталинского периода истории СССР механизм подачи информации был сложнее. Начальный информационный вброс мог осуществляться не сразу через СМИ, так как через них осуществлялась подготовка массового сознания *ipse dixit* [8]. Например, Р. А. Медведев в газетной статье «Наш иск Сталину» (Московские ново-

сти. 1988. 27 ноября) вбрасывает информацию, что за период 1927—1953 гг. было репрессировано около 40 млн. человек, включая раскулаченных, депортированных, умерших от голода. При этом автор оговаривается, что репрессированные — не значит расстрелянные. Однако западные журналисты идут дальше и начинают, пропуская существенные детали, называть цифры в 50—60 млн. физически уничтоженных.

Сами западные журналисты при этом повторяли сказанное А. И. Солженицыным в интервью испанскому телевидению еще в 1976 г. В частности, в 1991 г. передавая содержание указанной информации, газета «Комсомольская правда» поведала: «Профессор Курганов косвенным путем подсчитал, что с 1917 по 1959 гг. только от внутренней войны советского режима против своего народа, т. е. от уничтожения его голодом, коллективизацией, ссылкой крестьян на уничтожение, тюрьмами, лагерями, простыми расстрелами, — только от этого у нас погибло, вместе с нашей гражданской войной, 66 млн. человек... По его подсчетам, мы потеряли во Второй мировой войне от пренебрежительного, от неряшливого ее ведения 44 млн человек! И так, всего мы потеряли от социалистического строя — 110 млн. человек!» [9].

Эта идея закрепились в общественном сознании. В частности, комментируя цифры репрессированных, названные Председателем КГБ СССР и явно не «вписывающиеся» в заранее заготовленные рамки, журналист А. Мильчаков пишет в 1990 г.: «...И дальше он сказал: таким образом, о десятках миллионов не может быть и речи. Не знаю, сделал ли он это сознательно. Но я знаком с последними широко распространенными исследованиями, которым верю, и прошу читателей «Вечерней Москвы» еще раз внимательно прочитать произведение А. И. Солженицына «Архипелаг Гулаг», прошу ознакомиться с опубликованными в «Московском комсомольце» исследованиями известнейшего нашего ученого-литературоведа И. Виноградова. Он называет цифру в 50—60 млн. человек. Хочу обратить внимание и на исследования американских советологов, которые подтверждают эту цифру. И я в ней глубоко убежден» [10].

Далее по тексту драматизм нагнетается за счет увеличения верхней неопределенной цифры: «Четверть миллиарда — 250 млн. потеряло население нашего Отечества в XX веке. Почти 60 млн. из них в ГУЛАГе» [11, с. 174].

При этом в разгар процесса вбивания в (под)сознание данной цифры, обыватель не имел возможности получать информацию, опровергающую такие несуразные цифры. Даже такая масштабная вариативность точно так же практически не обосновывалась через главный канал подачи данной информации (СМИ).

Говоря о безответственности как о благодатной предпосылке фальсификации истории и иллюстрируя факт самой фальсификации, можно привести следующий пример. Один из идеологов перестройки А. Н. Яковлев через весьма авторитетное издательство «Новости», которому в 1991 г. еще доверяли очень многие наши соотечественники [12], писал о сталинском периоде нашей истории: «Насильственно уничтожены более шестидесяти миллионов людей, в основном молодых, красивых и здоровых, родившихся, чтобы жить, творить и радоваться жизни. Их нет. Подорвана сама корневая система народа» [13, с. 260].

Могло ли иметь место добросовестное заблуждение относительно таких цифр, особенно если учесть, что господин А. Н. Яковлев несколькими годами раньше уже имел полный доступ к соответствующим государственным архивам? Вопрос кажется риторическим, если учесть, что Председатель комиссии ЦК КПСС по дополнительному изучению материалов, связанных с репрессиями, А. Н. Яковлев писал в докладной записке, датированной 25.12.1988 г.: «В результате изучения документальных материалов органами государственной безопасности установлено, что в период 1930—1953 гг. по возбужденным органами ОГПУ, НКВД, НКГБ — МГБ 2 578 592 уголовным делам было подвергнуто репрессиям 3 778 234 чел., в том числе осуждено к высшей мере наказания (расстрелу) 786 098 чел. Среди лиц, подвергнутых репрессиям, осуждено судебными органами 1 299 828 чел. (в том числе к расстрелу — 129 550 чел.), несудебными органами — 2 478 406 чел. (в том числе к расстрелу — 656 548 чел.).

В настоящее время остаются пока непересмотренными 1 575 975 дел на 2 192 130 чел.

В их общем количестве — 738 866 дел производства несудебных органов, по которым осуждено 1 097 293 чел. (в том числе к расстрелу — 339 125 чел.)» [14].

Что послужило основанием для увеличения цифр незаконно расстрелянных с 786 098 либо даже 1 107 223 (786 098 + 339 125) человек в официальных документах до десятков миллионов человек в документах, менее строгих к обоснованности количественных показателей? Думается, что речь идет не о случайной погрешности в тысячи процентов (!), а о прагматически рефлексивной схеме историографии, дающей следующую ценностную интерпретацию истории СССР (государства, подрывающего саму корневую систему народа). По сути — это государство-паразит. Отсюда и схема управления общественным сознанием через обоснование реформ, при-

ведших к разрушению СССР — паразитов принято уничтожать.

В целях формирования в массовом сознании выводов подобного рода через средства массовой информации и осуществлялось толкование некоторых моментов нашей истории через ее прямую фальсификацию. В этом смысле фальсификация истории, создавая предпосылки общей направленности интерпретации современных, прежде всего, политико-правовых событий (уход от «плохого» прошлого к «хорошему» настоящему), является основой для управления делами государства. В целом данный аспект управления создает у соответствующей части общества идеологические предпосылки для гражданского повиновения в условиях той или иной направленности внутренней и внешней политики государства, направленности реформирования социально-государственной жизни.

Примечания

1. Ницше Ф. Человеческое, слишком человеческое. М., Мысль, 1990. Т. 1.
2. Данный термин здесь употреблен не в строгом значении, о чем будет сказано далее.
3. Конечно, можно вести речь об истории отдельно взятой религии, широко распространенной в конкретном государстве, истории развития вооруженных сил, науки, техники и т. д., но в контексте данной статьи мы будем говорить о наиболее резонансных для общественного сознания аспектах истории страны.
4. Именно Карл Густав Гемпель впервые четко связал объяснение с дедуктивным выводом. См.: Гемпель К. Г. Логика объяснения. М., 1998.
5. Современная трактовка понятия «субъект познания» берет свое начало у Р. Декарта, который постулировал исходным пунктом анализа любого познания противопоставление субъекта и объекта. Впрочем, такое понимание зиждется еще на платоновском разделении мнения (*греч. doxa*) и знания (*греч. episteme*).
6. В данном случае термин «теория» понимается не в строгом смысле. Речь идет как о собственно теориях, так и о менее притязательных в смысле логической замкнутости, полноты и выводимости доктринах, концепциях, взглядах и т. п.
7. Подроб.: http://www.ng.ru/science/2012-09-12/12_history.html.
8. *Lat. ipse dixit* — букв. «сам сказал». Аргумент к авторитету. Является одним из видов ошибок в доказывании.
9. Размышления по поводу двух гражданских войн: Интервью А. И. Солженицына испанскому телевидению в 1976 г. // Комсомольская правда. 1991. 4 июня.
10. Вечерняя Москва. 1990. 14 апреля.
11. Крахмальникова З. Зачем еще раз убивать Бога? Он все равно воскреснет // Русская идея и еврей: роковой спор. М.: Наука, 1994.
12. С точки зрения сегодняшнего дня выбор А. Н. Яковлевым издательства выглядит логично не столько потому, что издательству доверяли, сколько из-за того, что идеологическое кредо издательства выражалось в публикации работ таких известных авторов, как Э. А. Шеварднадзе, М. С. Горбачев, Д. А. Волкогонов и др.

13. Яковлев А. Н. Муки прочтения бытия. М.: Новости, 1991. Необходимо отметить, что это суммарная цифра с учетом погибших в войне (при непосредственной вине Сталина). В числе жертв политических репрессий называлось 32 млн человек. При публицистической подаче информации обычно не уточнялось разделение на цифры расстрелянных и репрессированных в иных формах. Однако добавлялось, что с учетом неродившихся детей, начиная с 1917 г. народы СССР лишились более 100 млн человек.

14. История в документах. Россия XX век [Электронный ресурс]. Архив А. Н. Яковлева. Со ссылкой на РГАНИ. Ф. 3. Оп. 103. Д. 96. Л. 3. Подлинник. Машинопись. Опубликовано: Известия ЦК КПСС. 1989. № 1. С. 109. URL: <http://www.alexanderyakovlev.org/almanah/inside/almanah-doc/76019> (дата обращения: 20.01.2013).

© Попов В. В., 2013

***

А. Л. Стризов

ФАЛЬСИФИКАЦИЯ ИСТОРИИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ И ПОИСК ЕЕ НОВОГО МЕТАНАРРАТИВА

В статье рассматриваются вопросы о природе исторического метанарратива и причинах кризиса официального советского метанарратива Великой Отечественной войны. Дается критика провиденциалистского и конспирологического вариантов телеологической интерпретации войны. Рассматривается возможность разработки новой концепции войны на основе методологического синтеза при доминировании цивилизационно-геополитического подхода.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, фальсификация истории, метанарратив, методологический синтез, цивилизация, технология, геополитика.

A. L. Strizoe

FALSIFICATION OF THE HISTORY OF THE GREAT PATRIOTIC WAR AND SEARCH FOR ITS NEW METANARRATIVE

The article focuses on the issues of the nature of historical metanarrative and the causes of the crisis of official Soviet metanarrative of the Great Patriotic War. The author criticizes providentialist and conspirological variations of the teleological interpretation of the war. The article draws attention to the possibility of working out a new concept of the war on the basis of methodological synthesis with the dominating civilizational geopolitical approach.

Keywords: Great Patriotic War, falsification of history, metanarrative, methodological synthesis, civilization, technology, geopolitics.

Обращаясь к теме фальсификации истории Великой Отечественной войны, мы должны указать на два возможных варианта ее осуществле-

ния: «снизу» и «сверху» — с позиций «документально-фактической», классически-позитивистской и «концептуально-аналитической», неклассической

истории. Строго говоря, оба отмеченных нами варианта характерны для любой, а не только военно-исторической фальсификации фактов прошлого. Однако в случае с историей Великой Победы, которая сегодня является едва ли не единственным ключевым смыслообразом исторической идентичности, не вызывающим раскола общества, любая попытка ревизии прошлого требует особого внимания.

Первый вариант, возникший в результате расширения круга исторических источников, снятия с них грифа секретности, отказа от табу на рассмотрение определенных тем, сюжетов, исторических личностей, достаточно обстоятельно и всесторонне подвергнут критике в работах специалистов-историков. Второй вариант, предполагающий поиск новой системы методологических координат, находится на стыке традиционной гражданской, военной, политической истории с политологией и философией и не столь подробно рассмотрен в работах современных авторов. Помимо традиционного для историков стремления освоить новые факты и документы, — эту *terra incognita* исторической науки — здесь сыграло свою роль умело подогреваемое постмодернизмом недоверие к метанарративам и «глобальной истории». Между тем, пока академическое сообщество историков наполнено скепсисом в отношении построения макротеории исторического процесса, в историческую науку и публицистику, повинувшись непреодолимой силе политических течений и идеологических циклонов, проникают давно забытые концептуальные модели с весьма сомнительным теоретико-методологическим вектором.

Прежде чем приступить к описанию и анализу этих моделей, остановимся на вопросе о природе самих исторических метанарративов. Представляется, что аналогичные им теоретические конструкции присущи всему социально-гуманитарному знанию. Несчастье историков состояло только в том, что их близость к политике и власти настолько деформировала исторические метанарративы, что поставила под вопрос саму правомерность их существования. Чтобы понять смысл и построение этих «батальных полотен» исторического описания, обратимся к русской классической литературе. Воспроизведем фрагмент из диалога

героев романа Ф. М. Достоевского «Бесы»: «Можно многое выпустить... но из всего *выбирать только то, что рисует эпоху; все войдет с известным взглядом, с указанием, с намерением, с мыслию, освещающею все целое, всю совокупность...* — утверждала Лиза... — Значит, выйдет нечто с направлением, *подбор фактов под известное направление*, — пробормотал он, все еще не поднимая головы. — Отнюдь нет, не надо подбирать под направление, и никакого направления не надо. Одно беспристрастие — вот направление. — Да направление и не беда, — зашевелился Шатов, — да и нельзя его избежать, чуть лишь обнаружится хоть какой-нибудь подбор. *В подборе фактов и будет указание, как их понимать*» (курсив наш. — А. С.) [1, с. 124—125]. Как видим, метанарратив представляет собой выстраиваемую исследователем сюжетную линию повествования, охватывающую исторический процесс в больших масштабах пространства и времени, рассматривающую общество как изменяющуюся систему, целостность (отсюда и термин «эпоха») и задающую (обосновывающую) логику и направление исторических изменений.

Представляется, что неустранимость из социально-гуманитарных наук метатеоретических построений нормативно-предписывающего (прескриптивного) характера обусловлена особенностями человеческого сознания: идеальностью (способностью строить абстрактные модели реальности); интенциональностью (векторной направленностью на объект); рефлексивностью (предполагающей, помимо самоанализа, поиск смыслов в реальности и наделение фактов смыслами). Отражая и конструируя мир, наше сознание обнаруживает свою процессуальную природу, проекцией которой является историческое мышление. В этом свойстве видеть реальность как направленный процесс коренится не только неизбежность в истории масштабных (построенных на обобщениях) нарративов, но и их мировоззренческая и социокультурная нагруженность.

Вопрос о том, соответствует ли такой метанарратив стандартам научности, требует специального развернутого обсуждения. В контексте данной статьи ограничимся тезисной формулировкой нашей позиции. Метанарратив национальной, региональ-

ной, всемирной истории, наполненный философским (мировоззренческим и социокультурным) содержанием, соответствует требованиям научности в той мере, в какой он не противоречит использованию современных методологических приемов анализа общества как сложной (органической), неравновесной, динамической системы, а также современной методологии и методики исторического исследования. С этой точки зрения формационная, цивилизационная, провиденциалистская и конспирологическая модели макроистории и возникающие на их основе метанарративы, имеющие непосредственное отношение к теме фальсификации истории Великой Отечественной войны, характеризуются разной мерой научности, а значит, и разными возможностями для интеграции в них ненаучного, в том числе фальсифицированного исторического знания.

Выбор метанарратива войны тесно связан также с выбором метанарратива отечественной истории XX в. Официальный советский метанарратив Великой Отечественной войны формировался как часть более масштабного метанарратива всей советской истории, представлявшей собой новую, прогрессивную во всех отношениях ступень формационного развития. При этом сам прогресс истолковывался линейно, исключались исторические тупики и попятные, регрессивные движения, деформации не искажали сути общественного строя, а выбор варианта развития правящей партией всегда оказывался оптимальным, представляя собой в большинстве случаев движение от победы к победе. В этом же духе интерпретировалась и история войны: она являлась не просто рубежом в восходящем прогрессивном движении советского общества, а его величайшим историческим триумфом. Важнейшей чертой такой интерпретации была безальтернативность, порой придававшая событиям фаталистическую окраску: поражения и успехи были объективно заданы, картина исторического прошлого упрощалась до бинарных оппозиций (верно — ошибочно) и альтернативного выбора (или — или), а все не согласующееся с этим либо замалчивалось, либо дискредитировалось.

Второй существенной особенностью официальной версии войны может считаться ее предельная политизированность: причины побед

и поражений редуцировались к ошибкам или заслугам партийно-политического руководства, технико-технологические и экономические условия сводились к преимуществам социалистической экономики и плановой системы хозяйства, патриотический дух и морально-психологические факторы приобретали идеологизированные формы советского социалистического патриотизма. Экономическая история, равно как и история науки и техники периода войны, имела выраженный историко-партийный характер: как правило, это была история партийно-политического руководства.

Третья особенность: советская концепция войны носила преимущественно макроисторический характер — антропологический (микроисторический) аспект в ней всегда был вторым планом, а человек, как правило, рассматривался инструментально-технократически, либо как винтик государственной, военной, промышленной машины, либо как герой — символ ее преимуществ. Такой ракурс исторического рассмотрения часто создавал иллюзии, в которых возвышенные человеческие чувства и духовные порывы представляли как плакатные схемы и образы, а преданность Родине, самопожертвование, верность долгу — как примитивный, бездумный фанатизм. Детерминизм, лежавший в основе официальной советской концепции войны, был ориентирован на выявление типичного, массовидного, доминирующей тенденции развития, что делало историческое повествование одномерным, превращало многогранные исторические факты в однозначные идеологические аргументы. Из мощного эвристического средства объяснения и предсказания многовариантного, открытого и неравновесного исторического развития детерминизм превратился в ремесленный шаблон, создающий уязвимые во многих отношениях пропагандистские поделки.

Не случайно, лишившись политико-идеологических оснований легитимности и столкнувшись с конкурирующими метаисторическими конструктами, официальный советский метанарратив войны стал постепенно разрушаться. На смену доминировавшим социалистическим идеологемам историописания пришли в явном или неявном виде идеологические и ценностные ориентации антикоммунизма. В методологическом плане антиком-

мунистические нарративы базировались на суррогате детерминизма — телеологическом объяснении в его различных вариантах: конспирологическом и провиденциалистском. Первый представлен в отечественной литературе о войне, в работах В. Суворова, М. Солонина, В. Бешанова, Б. Соколова, второй — в обобщающем труде «История России. XX век» (под ред. А. Б. Зубова) [2].

В ряде случаев эти разные варианты телеологии соединялись, давая сходные оценки. Конспирологическая модель одинаково хорошо сочеталась и с мифом о «мировом заговоре» Коминтерна, и с практикой сталинского режима, культивировавшего насилие, подозрительность, секретность, что позволяло обосновывать идеи агрессивности СССР и равной ответственности с фашистской Германией за развязывание войны. Отсюда и утверждения православно ориентированных историков, согласно которым «Сталин жаждал войны... Покорив Россию, большевики жаждали не менее нацистов мирового господства, вдохновлялись им» [2, с. 4]. Сталинский «заговор» в данном случае — лишь продолжение «большевистского заговора» против России, повернувшего ее с пути божественного провидения.

В аксиологическом плане обе разновидности телеологии войны сходны в своих утверждениях искусственности и тупиковости социализма, а значит, и в признании того факта, что Россия проиграла XX век, ставший для нее эпохой катастроф, бессмысленных разрушений, бесчисленных человеческих жертв, а потому лишенной какой-либо нравственной и исторической ценности. Этот взгляд имплицитно присутствовал и в историософской концепции А. Солженицына, и в трудах В. Суворова, хотя политические симпатии их весьма различны. Авторы коллективного труда под редакцией А. Б. Зубова открыто заявляют об этом почти в апокалиптическом духе: «В XX веке страна потеряла, по нашим оценкам, 95 % своих культурных сокровищ, множество культурных богатств, и, наконец, в 1991 году распалась на части» [2, с. 7].

Если это так, и ход истории фатально предопределен, то понятно, что новая оценка войны не может отклоняться от заданной метанарративом линии. Прежняя официальная оценка должна

быть не просто пересмотрена: она должна быть если не радикально изменена, то уж в максимальной степени снижена. Поскольку фактический итог войны 1945 г. оспорить невозможно, фальсификаторам остается представить его как «псевдопобеду», сомнительную с точки зрения «цены», либо как глобальное (с точки зрения исторической перспективы и судьбы социализма) историческое поражение. Отсюда уход в повседневность, микроисторию, морализаторство как универсальные приемы подбора и оценки фактов. Даже освещение, казалось бы, нейтрального сюжета о военном профессионализме Вермахта и Красной Армии то и дело скатывается на идеологизированные обличения советского строя: «Немецкий солдат был хозяйственным крестьянином, фермером или горожанином — активным, хорошо образованным и инициативным. Безликая масса красноармейцев состояла из забитых и замученных беспросветной жизнью пассивных колхозников» [2, с. 39]. Бинарность оппозиции «достойный бюргер — жалкие жертвы» — лишь прелюдия к тому, чтобы в сознании читателя на месте павших на полях сражений мужественных защитников родины появились бессмысленные жертвы войны, чья смерть является лишним поводом усомниться в ее характере и оправданности.

Пересмотр оценок достигается и путем простого противопоставления советским политизированным героям антисоветских, движимых, разумеется, истинными патриотическими чувствами. Их абсолютная идеологизированность и политическая зависимость легко скрываются за возвышенной патриотической риторикой и рассуждениями о судьбах простых людей. Не случайно «патриот» Власов не только «надеялся мобилизовать противников Сталина и привлечь русских людей положительной политической программой», но и начал «мучительную борьбу с нацистами за создание политического центра и русской армии» [2, с. 155]. Широко используется фальсификаторами и такой прием ценностной дискредитации войны, как морализаторство: «Страдания народов России под большевиками были столь невыносимыми, что мы сейчас не имеем права судить никого, признавая нравственные изъяды в любом выборе судьбы в те годы. Трагично было, защищая Россию, ковать оковы твоим детям под сталинским режимом; трагично

было, воюя против Сталина, ковать такие же оковы — под гитлеровским» [2, с. 113]. Ложный трагизм, способный вызвать жалость и сострадание, не только искажает характер войны, а значит и оценку сражающихся сторон, упрощает связь успеха в войне с ужесточением политического режима внутри страны, но и обесмысливает подвиг советских солдат.

Особо следует сказать о проблеме цены победы в войне. Поскольку социальные системы не являются абсолютно управляемыми и в этом смысле непрозрачными для сознания людей, творящих историю, то в их действиях всегда будут ошибки, а значит успех любого акта социального управления будет иметь свою социальную цену. В этом смысле проблема цены победы не является надуманной. Задача историка — решить ее не с позиций моралиста-пацифиста или с точки зрения культурных ценностей современного общества, а с позиций конкретно-исторического подхода. В этом случае необходимо раскрыть уникальное для стран — участниц войны и их народов сочетание культурных, цивилизационных и формационных факторов. Очевидно, что: в культурах Германии и СССР той эпохи было разное, исторически сложившееся отношение к ценности человеческой жизни, которое власть обеих стран стремилась использовать в своих целях; общие для индустриальной цивилизации законы войны, обусловленные состоянием военной техники, стратегией и технологией военного дела, задают характер и порядок потерь; эти характер и порядок зависят от идеологии войны, действий политической власти и органов военного управления. Кроме того, в расчет должны браться объективная логика конкретных обстоятельств, а также субъективные характеристики участников событий (настроение, морально-психологическое состояние войск и гражданского населения). Все эти факторы имеют разную природу и в разной мере поддаются внешнему воздействию и корректировке, но все они должны учитываться при анализе методики расчета и оценке потерь воюющих сторон. Гораздо проще уклониться от подобной исследовательской работы и предпочесть внешне логичные и рациональные телеологические объяснения, сводящие масштабы и характер потерь к злой воле вождей,

жестокости командиров, террору НКВД, «законам тоталитарной диктатуры».

Аналогичным образом, на наш взгляд, следует подходить и к вопросу о мотивации сражающихся сторон: открытость и непредопределенность природы человека обуславливают наличие открытого (предполагающего возможность появления новых факторов) комплекса мотивов его поведения. Кроме того, современное общественное сознание говорит о единстве бессознательных, подсознательных и сознательных факторов поведения. Применительно к большим массам людей это единство сохраняется. Совокупность факторов, мотивирующих массовые социальные действия, может быть более определенной (ограниченной), чем для отдельного человека, но ее нельзя редуцировать к одной, тем более сугубо рациональной, причине. Доминирующими (особенно в экстремальных условиях войны) являются глубинные, фундаментальные основы культурной традиции, определяющие самосохранение общества (патриотизм — одно из выражений этих основ). Идеологическая индоктринация в разной мере воздействует на этот культурный фундамент. Мотив страха в силу своей деструктивности и разрушительности для личности мог играть ведущую роль лишь в отдельных ситуациях. Все это не позволяет принять мифологемы фальсификаторов о страхе, насилии и принуждении как основных факторах победы.

Как мы уже указывали, противостояние фальсификации истории Великой Отечественной войны невозможно без создания новых метаисторических конструктов, дающих целостное представление о войне и советском периоде отечественной истории. И если сегодня, оценивая юбилейное столичное издание «65 лет Великой Победы» [3], рецензенты справедливо констатируют полную невозможность говорить о наличии у авторов хотя бы какой-то общей концепции истории войны [4, с. 203], то это означает также отсутствие ясности и в более общих вопросах. В совокупности этот концептуальный вакуум делает неизбежным торжество фальсификаторов. В контексте данной статьи весьма показательным является мнение В. Суворова о том же юбилейном издании, приводимое в упомянутой выше рецензии, согласно которому представленные «материалы... лишней раз подтвер-

ждает его правоту» [4, с. 205]. В итоге, взявшись обличать фальсификаторов (заключительный том все того же издания называется «За честную историю»), авторы получили поддержку одного из них.

Исходным методологическим основанием решения задачи поиска современного метанарратива Великой Отечественной войны может стать, по нашему мнению, принцип дополнительности и построенный на нем методологический синтез формационного, цивилизационного [5] и социокультурного подходов к истории. Использование взаимного наложения трех системных моделей общества — формации, цивилизации, культуры — позволит выявить приоритеты экономической, институционально-технологической (утилитарной) и ценностно-мировоззренческой (неутилитарной) детерминации, а значит, и мотивации деятельности людей в различных ситуациях и на различных этапах истории.

Великая Отечественная война как часть глобальной катастрофы XX в. (Второй мировой войны) не может быть адекватно объяснена лишь посредством редукции ее событий к одной группе детерминирующих факторов: классово-идеологических, геополитических, международных, экономических. С другой стороны, глубина национального кризиса, в котором оказалась Германия в межвоенный период, потребовала для своего разрешения мобилизации всего цивилизационного потенциала немецкого общества, в том числе и деструктивного, архаически-варварского. Сходные моменты мы наблюдаем и в сталинском СССР, которому история бросила вызов, допуская лишь в новом цивилизационном — не столько в социалистическом, сколько в современном для своего времени индустриальном — качестве. Особенности эпохи, итоги национального исторического пути, состояние элиты привели обе страны к тоталитарному варианту самоорганизации для преодоления кризиса. Природа этого варианта коренится в специфике высокоразвитой индустриальной цивилизации, сделавшей технологически возможным тотальный контроль над обществом.

Формационная специфика, связанная с тем, что фашистская Германия и СССР были все же принципиально разными вариантами организации

развитого индустриального общества, по меньшей мере, затеняется здесь цивилизационным сходством. Истоки этого, как представляется, не сводятся только к внутривнутриполитическим, национальным факторам. Они являются порождением общего баланса сил на мировой арене. Известная ленинская оценка, согласно которой мировая буржуазия не уничтожила Советской России, но и не дала ей возможности продемонстрировать преимущества новой социальной организации, отражала не только итоги гражданской, но и Первой мировой войны, а также связанного с ней революционного кризиса в Европе [6, с. 401—402]. Ко времени Второй мировой войны соотношение экономических потенциалов для СССР заметно улучшилось по сравнению с 1922 г., но принципиально не изменилось, как и геополитическое положение. Все это существенно ограничивает возможности формационного анализа Великой Отечественной войны и ставит вопрос о поиске новых объяснительных конструкций.

Если говорить о конкретном примере разработки и реализации нового метанарратива Второй мировой и Великой Отечественной войны, то предпосылкой для его создания является исследование и всей войны в целом, и ее отдельных сторон с точки зрения цивилизационного (геополитического) подхода, который реализован в работах А. И. Уткина [7]. Отражая тенденцию к глобализации пространства современной цивилизации, геополитика выявляет, во-первых, особое значение проблемы самосохранения общества в экстремальных условиях внешней среды, одним из проявлений которых является война; во-вторых, геополитический анализ подчеркивает роль и значение коммуникации и самоорганизации как отдельных обществ, так и всего социально-исторического пространства цивилизации для решения проблем кризисного развития; в-третьих, в цивилизационном подходе война предстает как феномен не только политического, но и технологического развития, ресурсная база, направленность и результаты которого определяются как организационно-экономическими, так и ценностно-мировоззренческими факторами.

Победа в Великой Отечественной войне — интереснейший пример социальной самоорганизации, когда власть вынуждена была выйти за пределы идеологических догм и смогла мобилизовать

социальные ресурсы для спасения страны, давая (порой вынужденно) простор инициативе народа, не вступая в конфликт с его глубинными культурными ценностями, доводами научного разума, логикой здравого смысла. В рамках цивилизационного анализа открывается возможность выявить и объективно рассмотреть разные стороны войны как переломного момента в жизни власти и общества,

армии и экономики, в истории культуры и цивилизации. Лишь приближаясь к этому идеалу объективности и всесторонности, мы сможем дать отпор фальсификаторам войны и сохранить в социальной памяти Великую Победу 1945 г. как важнейшую ценность, консолидирующую сегодня все российское общество и являющую собой достойный пример для будущих поколений.

Примечания

1. Достоевский Ф. М. Бесы // Собр. соч.: в 15 т. Л.: Наука, 1988—1996. Т. 7.
2. История России. XX век / под ред. А. Б. Зубова. М.: Астрель, 2009. Т. 2.
3. 65 лет Великой Победы: в 6 т. / под общ. ред. С. Е. Нарышкина, А. В. Торкунова. М.: МГИМО-Университет, 2010.
4. Ауров О. Историческая мозаика // Свободная мысль. 2012. № 5—6. С. 196—210.
5. Мы понимаем под цивилизацией ступень исторического процесса, для которой характерны высокий уровень развития техники и технологии, делающий возможным накопление общественного богатства, а также универсальный характер коммуникации индивидов и социальных общностей. С этой точки зрения исторический процесс представляет собой последовательный переход от варварства к аграрной, индустриальной и постиндустриальной цивилизациям.
6. Ленин В. И. Полн. собр. соч.: в 55 т. М., 1965—1975. Т. 45.
7. Уткин А. И. Россия и Запад: сравнительная история цивилизаций. М. Гардарики. 2000. С. 346—365; Его же. Россия над бездной. Смоленск, 2000. С. 468—472.

© Стризое А. Л., 2013

***

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Блосфельд Евгения Григорьевна

заведующая кафедрой всеобщей истории

Волгоградского государственного социально-педагогического университета,

доктор исторических наук, профессор

E-mail: genhist@vspu.ru

Блинков Александр Павлович

помощник начальника Волгоградской академии МВД России

(по международному сотрудничеству)

Тел.: (8442) 31-41-74

Бокова Татьяна Николаевна

доцент института иностранных языков

Волгоградского государственного социально-педагогического университета,

кандидат педагогических наук, доцент

E-mail: tnbokova@mail.ru

Волколупов Владимир Георгиевич

преподаватель кафедры уголовного права Волгоградской академии МВД России

Тел.: (8442) 31-41-23

Ганченко Олег Игоревич

заместитель начальника научно-исследовательского отдела

Краснодарского университета МВД России

Тел.: 8-861-258-47-67

Гусев Владимир Александрович

докторант Омской академии МВД России, заместитель начальника

Дальневосточного юридического института МВД России по научной работе,

кандидат юридических наук, доцент

E-mail: GusevVA@mail.ru

Евдокимова Татьяна Васильевна

доцент кафедры всеобщей истории

Волгоградского государственного социально-педагогического университета,

доктор исторических наук, доцент

E-mail: eva_tan@mail.ru

Егоренков Дмитрий Владимирович

преподаватель кафедры физической подготовки Волгоградской академии МВД России

Тел.: 8-902-381-03-73

Егорова Наталья Александровна

профессор кафедры уголовного права Волгоградской академии МВД России,
доктор юридических наук, доцент
Сайт: www.nutego2009.narod.ru; тел: (8442) 31-42-09

Зайцев Максим Сергеевич

аспирант Волгоградского филиала Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ
E-mail: zaitsevms@rambler.ru

Исхаков Эдуард Робертович

профессор кафедры криминологии и психологии
Уфимского юридического института МВД России, доктор медицинских наук, профессор
E-mail: iskhakov1964@mail.ru

Ким Игорь Константинович

доцент кафедры всеобщей истории
Волгоградского государственного социально-педагогического университета,
кандидат исторических наук, доцент
E-mail: kokes@mail.ru; тел.: 8-903-327-47-87

Кириллов Дмитрий Владимирович

доцент кафедры теории и методики преподавания истории, обществознания и права
Волгоградского государственного социально-педагогического университета,
кандидат педагогических наук
Тел.: 8-937-737-66-21

Козловский Александр Юрьевич

профессор кафедры оперативно-разыскной деятельности
Института правоохранительной деятельности Российской таможенной академии,
кандидат юридических наук, доцент
E-mail: alurkozlovsk@mail.ru; тел.: 8-903-667-13-69

Коловоротный Андрей Анатольевич

преподаватель кафедры предварительного расследования
Волгоградской академии МВД России
E-mail: a.a.kolovorotniy@mail.ru

Коробка Виктор Николаевич

профессор кафедры теории и истории государства и права
Донецкого юридического института МВД Украины, кандидат юридических наук, доцент
Тел.: +38095-389-22-73

Коростелева Марина Владимировна

доцент кафедры конституционного и административного права
Волгоградского филиала Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ, кандидат юридических наук, доцент
E-mail: korostelevamv@mail.ru

Кругликов Анатолий Петрович

профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики
Волгоградского государственного университета,
почетный работник высшего профессионального образования РФ,
кандидат юридических наук, профессор, член Российской академии юридических наук
E-mail: krug.ap@bk.ru

Куртынов Игорь Владимирович

доцент кафедры предварительного расследования
Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент
E-mail: kurtynov_igorvla@mail.ru

Лихолетов Александр Александрович

преподаватель кафедры предварительного расследования
Волгоградской академии МВД России
E-mail: a.likholetov@mail.ru

Музалева Ольга Сергеевна

магистр права МГИМО (У) МИД РФ
E-mail: urdekanat@mail.ru

Нгуен Дык Чунг

адъюнкт Волгоградской академии МВД России
E-mail: ndtrung12a2@gmail.com

Павличенко Николай Владимирович

заместитель начальника Волгоградской академии МВД России (по научной работе),
доктор юридических наук, доцент
E-mail: aldan1973@rambler.ru

Панферкина Ирина Сергеевна

старший научный сотрудник научно-исследовательского
и редакционно-издательского отдела Воронежского института ГПС МЧС России,
кандидат педагогических наук
E-mail: formaneforma@yandex.ru

Печников Геннадий Алексеевич

профессор кафедры уголовного процесса
Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, доцент
Тел.: (8442) 31-41-24

Плохов Сергей Владимирович

старший прокурор отдела Прокуратуры Волгоградской области
E-mail: plohov_sergey@bk.ru; тел.: 8-937-710-02-35

Попов Виктор Викторович

старший преподаватель кафедры конституционного и административного права
Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент
E-mail: lkj5@mail.ru

Поправко Анна Сергеевна

преподаватель кафедры оперативно-разыскной деятельности органов внутренних дел
Омской академии МВД России, кандидат юридических наук
E-mail: almera5451@yandex.ru

Пьянзина Екатерина Валерьевна

адъюнкт Уральского юридического института МВД России
E-mail: f66769@akado-ural.ru

Ракитина Светлана Владимировна

профессор кафедры русского языка и методики его преподавания
в начальной школе Волгоградского государственного социально-педагогического университета,
доктор филологических наук, доцент
E-mail: s.rakitina@mail.ru

Солнцев Александр Михайлович

заместитель заведующего кафедрой международного права
Российского университета дружбы народов,
кандидат юридических наук, доцент
E-mail: a.solntsev@gmail.com

Стризов Александр Леонидович

профессор кафедры философии Волгоградской академии МВД России,
доктор философских наук, профессор
E-mail: strizoe@yandex.ru

Шварова Анна Сергеевна

магистр права МГИМО (У) МИД РФ
E-mail: urdekanat@mail.ru

ABOUT THE AUTHORS

Blinkov Alexander Pavlovich

Adviser to Chief of the Volgograd Academy of the Ministry of Interior of Russia on International Cooperation
Phone: (8442) 31-41-74

Blosfeld Eugenia Grigorievna

Head of the Chair of General History
of Volgograd State Social Pedagogical University,
Doctor of Science (History), Professor
E-mail: genhist@vspu.ru

Bokova Tatiana Nikolaevna

Associate Professor, Institute of Foreign Languages,
Volgograd State Social Pedagogical University,
Candidate of Science (Pedagogy), Associate Professor
E-mail: tnbokova@mail.ru

Egorenkov Dmitry Vladimirovich

Instructor of the Chair of Physical Training of the Volgograd Academy
of the Ministry of Interior of Russia
Phone: 8-902-381-03-73

Egorova Natalia Alexandrovna

Professor of the Chair of Criminal Law of the Volgograd Academy
of the Ministry of Interior of Russia, Doctor of Science (Law), Associate Professor
Site: www.nutego2009.narod.ru; phone: (8442) 31-42-09

Evdokimova Tatiana Vasilievna

Associate Professor of the Chair of General History
of Volgograd State Social Pedagogical University,
Doctor of Science (History), Associate Professor
E-mail: eva_tan@mail.ru

Ganchenko Oleg Igorevich

Deputy Head of the Research Department of Krasnodar University
of the Ministry of Interior of Russia
Phone: 8-861-258-47-67

Gusev Vladimir Alexandrovich

Doctoral Candidate of the Omsk Academy of the Ministry of Interior of Russia,
Deputy Chief for Research of Far Eastern Law Institute of the Ministry of Interior of Russia,
Candidate of Science (Law), Associate Professor
E-mail: GusevVA@mail.ru

Iskhakov Eduard Robertovich

Professor of the Chair of Criminology and Psychology of Ufa Law Institute of the Ministry of Interior of Russia, Doctor of Science (Medicine), Professor
E-mail: iskhakov1964@mail.ru

Likholetov Alexander Alexandrovich

Lecturer of the Chair of Preliminary Investigation of the Volgograd Academy of the Ministry of Interior of Russia
E-mail: a.likholetov@mail.ru

Kim Igor Konstantinovich

Associate Professor of the Chair of General History of Volgograd State Social Pedagogical University, Candidate of Science (History), Associate Professor
E-mail: kokes@mail.ru; phone: 8-903-327-47-87

Kirillov Dmitry Vladimirovich

Associate Professor of the Chair of Theory and Teaching Methods of History, Social Science and Law of Volgograd State Social Pedagogical University, Candidate of Science (Pedagogy)
Phone: 8-937-737-66-21

Kolovorotniy Andrey Anatolievich

Lecturer of the Chair of Preliminary Investigation of the Volgograd Academy of the Ministry of Interior of Russia
E-mail: a.a.kolovorotniy@mail.ru

Korobka Victor Nikolaevich

Professor of the Chair of Theory and History of State and Law of Donetsk Law Institute of the Ministry of Interior of Ukraine, Candidate of Science (Law), Associate Professor
Phone: +38095-389-22-73

Korosteleva Marina Vladimirovna

Associate Professor of the Chair of Constitutional and Administrative Law of the Volgograd Branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the RF President, Candidate of Science (Law), Associate Professor
E-mail: korostelevamv@mail.ru

Kozlovskiy Alexander Yurievich

Professor of the Chair of Operational Search Activities of the Law Enforcement Institute of the Russian Customs Academy, Candidate of Science (Law), Associate Professor
E-mail: alurkozlovsk@mail.ru; phone: 8-903-667-13-69

Kruglikov Anatoly Petrovich

Professor of the Chair of Criminal Procedure and Criminalistics of Volgograd State University, Honored Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Candidate of Science (Law), Professor, Member of the Russian Academy of Legal Sciences
E-mail: krug.ap@bk.ru

Kurtynov Igor Vladimirovich

Associate Professor of the Chair of Preliminary Investigation
of the Volgograd Academy of the Ministry of Interior of Russia,
Candidate of Science (Law), Associate Professor
E-mail: kurtynov_igorvla@mail.ru

Muzaleva Olga Sergeevna

Master of Laws, Moscow State Institute of International Relations (University),
Ministry of Foreign Affairs of Russia
E-mail: urdekanat@mail.ru

Nguyen Duc Chung

Adjunct of the Volgograd Academy of the Ministry of Interior of Russia
E-mail: ndtrung12a2@gmail.com

Panferkina Irina Sergeevna

Senior Research Assistant of the Research and Printing-Publishing Department
of Voronezh Institute of the State Fire Service of the Ministry
of Emergency Situations of Russia, Candidate of Science (Pedagogy)
E-mail: formaneforma@yandex.ru

Pavlichenko Nikolay Vladimirovich

Deputy Chief for Research of the Volgograd Academy of the Ministry of Interior of Russia,
Doctor of Science (Law), Associate Professor
E-mail: aldan1973@rambler.ru

Pechnikov Gennady Alekseevich

Professor of the Chair of Criminal Procedure of the Volgograd Academy
of the Ministry of Interior of Russia, Doctor of Science (Law), Associate Professor
Phone: (8442) 31-41-24

Plokhov Sergey Vladimirovich

Senior Prosecutor of the Prosecution Department in the Volgograd Region
E-mail: plohov_servey@bk.ru; phone: 8-937-710-02-35

Popov Victor Victorovich

Senior Lecturer of the Chair of Constitutional and Administrative Law
of the Volgograd Academy of the Ministry of Interior of Russia,
Candidate of Science (Law), Associate Professor
E-mail: lkj5@mail.ru

Popravko Anna Sergeevna

Lecturer of the Chair of Operational Search Activities
of Law Enforcement Agencies of the Omsk Academy of the Ministry of Interior of Russia,
Candidate of Science (Law)
E-mail: almera5451@yandex.ru

Pyanzina Ekaterina Valerievna

Adjunct of Ural Law Institute of the Ministry of Interior of Russia

E-mail: f66769@akado-ural.ru

Rakitina Svetlana Vladimirovna

Professor of the Chair of the Russian Language Teaching Methods
in Elementary School of Volgograd State Social Pedagogical University,
Doctor of Science (Philology), Associate Professor

E-mail: s.rakitina@mail.ru

Shvarova Anna Sergeevna

Master of Laws, Moscow State Institute of International Relations (University),
Ministry of Foreign Affairs of Russia

E-mail: urdekanat@mail.ru

Solntsev Alexander Mikhailovich

Deputy Head of the Chair of International Law of Peoples' Friendship University of Russia,
Candidate of Science (Law), Associate Professor

E-mail: a.solntsev@gmail.com

Strizoe Alexander Leonidovich

Professor of the Chair of Philosophy of the Volgograd Academy
of the Ministry of Interior of Russia, Doctor of Science (Philosophy), Professor

E-mail: strizoe@yandex.ru

Volkolupov Vladimir Georgievich

Lecturer of the Chair of Criminal Law of the Volgograd Academy
of the Ministry of Interior of Russia

Phone: (8442) 31-41-23

Zaytsev Maxim Sergeevich

Postgraduate Student of the Volgograd Branch of the Russian Academy of National Economy
and Public Administration under the RF President

E-mail: zaitsevms@rambler.ru

400089, Волгоград, ул. Историческая, 130,
Волгоградская академия МВД России,
Журнал «Вестник ВА МВД России».
E-mail: rio-vamvd@yandex.ru
Тел. (8442) 24-18-57

Научно-методический журнал «**Вестник Волгоградской академии МВД России**» является периодическим печатным изданием Волгоградской академии МВД России.

Журнал основан в 2006 г. Выходит 4 раза в год тиражом 500 экземпляров.

Регистрационный номер в Нижневолжском управлении Росохранкультуры — ПИ № ФС9 — 0869 от 9 июня 2006 г.

Подписной индекс в каталоге «Роспечать» — 22761
ISSN 2074-8183

Журнал свободно распространяется на территории Российской Федерации и за ее пределами путем рассылки, подписки по каталогу «Роспечать» и розничной продажи через торговый отдел ВА МВД России.

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Журнал включен в систему Российского индекса научного цитирования. Аннотации статей и пристатейные библиографические списки помещаются на сайте Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru).

Журнал ориентирован на широкую читательскую аудиторию.

Главный редактор журнала — заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, начальник Волгоградской академии МВД России В. И. Третьяков.

Заместитель главного редактора — доктор юридических наук, доцент, заместитель начальника Волгоградской академии МВД России (по научной работе) Н. В. Павличенко.

Приоритетными задачами издания являются:

- представление результатов проектной деятельности и научных исследований, выполненных в научно-исследовательских и образовательных учреждениях МВД России;
- информирование о внедрении результатов научных исследований в практику органов внутренних дел;
- анализ актуальных проблем обучения и воспитания в ведомственных вузах МВД и поиск оптимальных путей их решения;
- представление продуктивных идей и современных научных точек зрения специалистов из разных областей знания по вопросам эффективного развития высшей школы и высшего юридического образования;
- обмен педагогическим опытом преподавателей родственных специальностей различных образовательных учреждений;
- аналитические обзоры научно-методической и юридической литературы.

В ЖУРНАЛЕ ПРЕДСТАВЛЕНЫ СЛЕДУЮЩИЕ РУБРИКИ:

1. Современные проблемы государства и права.
2. Конституционное и административное право.
3. Частное право.
4. Уголовное право и криминология.

5. Уголовный процесс, криминалистика и оперативно-разыскная деятельность.
6. Актуальные проблемы высшей школы.
7. Информационные технологии в обучении.
8. Профессиональная подготовка сотрудников органов внутренних дел.
9. Страницы истории.
10. Научная дискуссия.

ПРАВИЛА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ В ЖУРНАЛ «ВЕСТНИК ВОЛГОГРАДСКОЙ АКАДЕМИИ МВД РОССИИ»

Представляемая к изданию рукопись должна:

- по своему содержанию соответствовать приоритетным задачам журнала;
- содержать обоснование актуальности и четкую формулировку раскрываемой в работе проблемы, отражать проблему в названии работы;
- предлагать конкретные пути решения обсуждаемой проблемы, имеющие практическую значимость для образовательного процесса, научных разработок, деятельности правоохранительных органов.

Преимущественное право на публикацию имеют подписчики журнала.

Объем статьи не должен превышать 10-ти машинописных страниц. Рукописи представляются в виде распечатки текста, подготовленного в редакторе Microsoft Word, на одной стороне листа формата А4 через полтора интервала, шрифтом Times New Roman, размер — 14. Поля на странице: слева и снизу — 25 мм, сверху — 20 мм, справа — 10 мм.

Допускается наличие рисунков, таблиц, диаграмм и формул по тексту.

Рисунки размещаются в тексте статьи в режиме группировки и даются отдельными файлами на электронном носителе (формат — TIFF или JPEG, режим — градиент серого или битовый, разрешение — 300 dpi). Обязательно наличие подрисуночных подписей, названий таблиц.

Диаграммы выполняются в формате Excel, без заливки, в черно-белом варианте.

Формулы выполняются в редакторе Microsoft Equation. Не допускается применение вставных символов Word.

В журнале принята затекстовая система библиографических ссылок с размещением номера источника и страницы в квадратных скобках в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5—2008.

Каждая статья должна содержать:

- заголовок на русском и английском языке;
- аннотацию¹ на русском и английском языке (не более 450 знаков, включая пробелы);
- ключевые слова² на русском и английском языке;
- сведения об авторе на русском и английском языке (Ф.И.О. полностью, ученая степень, ученое звание, место работы, должность, контактные телефоны или адрес электронной почты — данные сведения будут опубликованы);
- пристатейный библиографический список, оформленный в едином формате, установленном системой Российского индекса научного цитирования на основании ГОСТ Р 7.0.5—2008;
- коды библиотечно-библиографической классификации (ББК) и универсальной десятичной классификации (УДК).

Перевод на английский язык обязательно должен быть заверен в бюро переводов. Для подписчиков журнала перевод осуществляется сотрудниками академии бесплатно.

---

¹ **Аннотация** — краткая характеристика издания: рукописи, статьи или книги. Аннотация показывает отличительные особенности и достоинства издаваемого произведения, помогает читателям сориентироваться в их выборе; дает ответ на вопрос, о чем говорится в первичном документе.

² **Ключевые слова** используются в информационно-поисковых системах (ИПС) для того, чтобы облегчить быстрый и точный поиск научно-технической информации. Техника выделения ключевых слов чрезвычайно проста: из так называемого первичного документа (книги, статьи и т. п.) выбрать несколько (обычно 5—15) слов, которые передают основное содержание документа. Эти ключевые слова составляют поисковый образ документа (ПОД). В большинстве современных автоматизированных ИПС, действующих в условиях промышленной эксплуатации, ПОД — это просто набор ключевых слов, представленных как существительные в начальной форме.

Статья должна быть обязательно подписана автором (соавторами) следующим образом: «Статья вычитана, цитаты и фактические данные сверены с первоисточниками. Согласен на публикацию статьи в свободном электронном доступе».

Для соискателей ученой степени кандидата наук: «Текст статьи согласован с научным руководителем». Далее — дата, Ф.И.О. руководителя, его подпись.

К статье прилагаются:

- заявка (бланк на сайте);
- идентичный вариант статьи и заявки на электронном носителе. Дополнительно электронные варианты статьи и заявки необходимо выслать по электронной почте;
- рецензия из источника, внешнего по отношению к ВА МВД России, с оригинальной подписью и печатью (рецензент должен обладать ученой степенью кандидат или доктор наук и научным званием доцент или профессор соответствующего научного профиля);
- подписанный авторский договор в двух экземплярах (договоры на одного и на нескольких авторов размещены на сайте академии. Договор подписывают все авторы статьи);
- копия подписной квитанции.

Все документы можно представить лично, либо отправить одновременно в одном конверте (простым или заказным письмом без объявленной ценности) по адресу:

400089, Волгоград, ул. Историческая, 130.

Волгоградская академия МВД России.

Редакционно-издательский отдел.

Журнал «Вестник ВА МВД России».

При получении рукописи проводится проверка на соответствие представленных материалов настоящим требованиям, сличаются печатный и электронный вариант. Если все документы оформлены правильно, рукописи присваивается регистрационный номер. В случае неправильного оформления документов автор получает извещение об этом.

Каждая рукопись, представляемая к публикации, проходит экспертную оценку и рецензирование членами редакционного совета ВА МВД России по следующим критериям:

- актуальность;
- научная новизна;
- теоретическая и прикладная значимость;
- исследовательский характер;
- логичность и последовательность изложения;
- аргументированность основных положений;
- достоверность и обоснованность выводов.

По требованию автора ему представляется копия рецензии.

В зависимости от результатов рецензирования редакционная коллегия принимает окончательное решение об опубликовании или отказе в публикации статьи.

Принимаются к рассмотрению работы объемом до двух машинописных страниц, содержащие краткие отзывы и рецензии на уже опубликованные в журнале статьи (рецензия члена редакционного совета не обязательна).

К рассмотрению не принимаются работы, опубликованные в других изданиях.

Редакция рекомендует авторам проверять рукописи на сайте *antiplagiat.ru*

Гонорар за публикации не выплачивается, статьи публикуются на безвозмездной основе.

Литературное редактирование текста авторской рукописи, корректорскую обработку и изготовление оригинал-макета осуществляет редакционно-издательский отдел ВА МВД России.

В переписку по электронной почте редакция не вступает.

ЗАЯВКА
на публикацию статьи в журнале
«Вестник Волгоградской академии МВД России»

1. Сведения об авторе

1.1. ФИО полностью	
1.2. Ученая степень	
1.3. Ученое звание	
1.4. Место работы	
1.5. Должность	

2. Контактная информация

2.1. Почтовый индекс, адрес места работы, рабочие телефоны	
2.2. Почтовый индекс, домашний адрес, домашний телефон	
2.3. Мобильный телефон	
2.4. E-mail*	
2.5. Контактная информация для опубликования в журнале (телефон или e-mail)	

3. Информация о статье

3.1. Название статьи	
3.2. Аннотация (не более 450 знаков, включая пробелы)	
3.3. Ключевые слова	
3.4. Рубрика**	

4. Другие сведения

4.1. Подпись автора	<p>Я не возражаю против того, чтобы указанные мною в пп. 1.1—1.5 и 2.5 сведения были опубликованы в открытом доступе</p> <p style="text-align: right;">« ____ » _____ 20__ г. _____</p> <p style="text-align: center;">(подпись)</p>
---------------------	--

* Наличие e-mail обязательно.

** Указать желаемую рубрику в соответствии с рубрикацией журнала.

Внимание! При неправильно заполненной заявке и предоставлении неполной информации вопрос о публикации статьи рассматриваться не будет.

Корректурa *Е. Ю. Провоторовой, М. В. Остертак*

Перевод *А. А. Кафтановой*

Компьютерная верстка *О. С. Юричевой*

Волгоградская академия МВД России. Редакционно-издательский отдел.
400089, Волгоград, ул. Историческая, 130.

ОПиОП ВА МВД России. 400131, Волгоград, ул. Коммунистическая, 36.

Подписано в печать 29.01.2013 г. Формат 60X84/8. Бумага офсетная.
Гарнитура Arial. Печать офсетная. Физ. печ. л. 21,75. Усл. печ. л. 20,2. Тираж 500. Заказ 6.